
Министерство образования и науки
Российской Федерации

ФГАОУ ВО
«Севастопольский государственный университет»

ВЫПУСК 10
2018

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 4 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

Севастополь
СевГУ
2018

УДК [1+93/94+32](06) ББК
60+87я437
П18

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор:

Е. Н. Максимова, д-р полит. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Д. В. Маковская, канд. полит. наук

Редакционная коллегия:

Авдонин В. С., д-р политических наук (Москва); Алиев А. А.-Г., д-р ист. наук (Москва); Аликберов А. К., канд. ист. наук (Москва); Андросов В. П., д-р ист. наук, профессор (Москва); Бармина Е. А., канд. филол. наук, доцент (Севастополь); Белоглазов Р. Н., канд. ист. наук (Севастополь); Гарас Л. Н., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Дмитриев В. В., канд. ист. наук, доцент (Севастополь); Ефременко Д. В., д-р политических наук (Москва); Жиртуева Н. С., д-р филос. наук, доцент (Севастополь); Зайцев И. В., д-р ист. наук, доцент (Москва); Ирхин А. А., д-р полит. наук, доцент (Севастополь); Кабаченко А. П., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Козлов М. Н., д-р ист. наук, доцент – редактор истор. рубрики (Севастополь); Миронов А. В., д-р филос. наук, доцент – редактор филос. рубрики (Севастополь); Наумкин В. В., д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Москва); Скворцов Л. Д., д-р филос. наук, профессор (Москва); Скребец Е. В., д-р полит. наук, доцент – редактор полит. рубрики (Севастополь); Чихарев И. А., канд. полит. наук, доцент (Севастополь); Шаронова В. Г., канд. ист. наук (Москва).

Editor-in-chief

Maksimova E.N., Doctor of Political Sciences, Docent

Executive secretary

Makovskaya D.V., Candidate of Political Sciences

Editorial Board:

Avdonin V.S., Doctor of Political Sciences (Moscow); Aliiev A.A.G., Doctor of Historical Sciences (Moscow); Alikberov A.K., Candidate of Historical Sciences (Moscow); Androsov V.P., Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow); Barmina E.A., Candidate of Philological Sciences, Docent (Sevastopol); Beloglazov R.N., Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); Garas L.N., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Dmitriev V.V., Candidate of Historical Sciences, Docent (Sevastopol); Efremenko D.V., Doctor of Political Sciences (Moscow); Zhirtueva N.S., Doctor of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Zaytsev I.V., Doctor of Historical Sciences, Docent (Moscow); Irkhin A.A., Doctor of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Kabachenko A.P., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Kozlov M.N., Doctor of Historical Sciences, Docent – Editor of Historical Section (Sevastopol); Mironov A.V., Doctor of Philosophical Sciences, Docent – Editor of Philosophical Section (Sevastopol); Naumkin V.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Skvortsov L.D., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Moscow); Skrebets E.V., Doctor of Political Sciences, Docent – Editor of Political Section (Sevastopol); Chikharev I.A., Candidate of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Sharonova V.G., Candidate of Historical Sciences (Moscow)

П18 Парадигмы истории и общественного развития [Текст] : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т» ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; редкол.: В. С. Авдонин [и др.]. — Вып. 10. — Севастополь : СевГУ, 2018. — 98 с. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой. Сборник выходит 4 раза в год. Издается с января 2016 г. Сборник зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN (ISSN: 2500-4190), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64133 от 25 декабря 2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ.

СОДЕРЖАНИЕ

Философские науки

Наумова Н. В., Глушак А. С.

Рационализм и иррационализм – два способа мировосприятия (историко-философский экскурс)..... 5

Коркишко А. П.

О. Шпенглер – запечатанные смыслы культурологии 11

Дерюгин П. П., Ярмак О. В., Рассказов С. В., Данилов К. Д., Архипенко В. Е.

Сила слабых связей: сетевое моделирование и сравнительный анализ ценностных ориентаций (результаты эмпирического исследования студенческой молодежи Санкт-Петербурга и Севастополя).. 17

Жиртуева Н. С.

Дзэн-буддизм в контексте компаративного анализа философско-мистических традиций мира..... 25

Исторические науки

Коваленко В. В.

От Парижского трактата до Лондонской конвенции: Черноморская флотилия в 1856-1870 годах 31

Осиповский С. Н., Иванов С. В.

Расположение войск русской армии в юго-западном Крыму в 1770-е годы 40

Данильченко С. Л.

Смешанные общества и советская внешняя торговля в условиях НЭПа 45

Козлов М. Н.

Религиозная реформа князя Владимира 980 г.: предпосылки и последствия 51

Татарков Д. Б., Двухшорстнов В. И.

Перуано-эквадорский территориальный конфликт XIX-XX вв. 61

Политические науки

Младенович М., Пономарева Е. Г.

Крым: взгляд из будущего 69

Онопко О. В., Внукова Л. Б.

Политическая символика и формирование гражданской идентичности населения Донбасса в современных условиях 73

Островская И. В.

Общекрымский референдум 20 января 1991 года: севастопольское измерение 78

Коркишко А. П., Чугунов С. В.

Правовой идеал: соотношение права и социальной справедливости 83

Баранов А. В.

Геополитическая роль Крыма и Севастополя в Черноморско-Средиземноморском регионе (2014-2018 гг.) 90

CONTENTS

Philosophical Studies

Naumova N. V., Glushak A. S.

Rationalism and Irrationalism: Two Worldviews (Historical and Philosophical Excursus)..... 5

Korkishko A. P.

O. Shpengler – Sealed Meanings of Culturology 11

Deryugin P. P., Yarmak O. V., Rasskazov S. V., Danilov K. D., Arkhipenko V. E.

The Strength of Weak Ties: A Network Simulation and Comparative Analysis of Value System of Saint Petersburg and Sevastopol Students (the Results of Empirical Research)..... 17

Zhirtueva N. S.

Zen Buddhism in the Context of Comparative Analysis of Mystical Traditions of the World 25

Historical Studies

Kovalenko V. V.

From the Parisian Treatise to the London Convention: The Black Sea Flotilla in 1856-1870 31

Osipovskiy S. N., Ivanov S. V.

Disposition of the Russian Army in South-Western Crimea in the 1770th 40

Danilchenko S. L.

Mixed Companies and Soviet Foreign Trade in the NEP Period 45

Kozlov M. N.

Religious Reform of Prince Vladimir of 980: Preconditions and Consequences 51

Tatarkov, D. B., Dvukhshorstnov, V. I.

Peruvian-Ecuadorian Territorial Conflict of the 19th-20th centuries 61

Political Studies

Mladenovic M., Ponomareva E. G.

Crimea: A Look from the Future 69

Onopko O. V., Vnukova L. B.

Political Symbols and the Formation of Civil Identity of the Population of the Donbass in Modern Conditions 73

Ostrovskaya I. V.

All-Crimean Referendum of 20 January 1991: Sevastopol Dimension 78

Korkishko A. P., Chugunov S. V.

Law Ideal: Correlation of Law and Social Justice 83

Baranov A. V.

Geopolitical Role of Crimea and Sevastopol in the Black Sea-Mediterranean Region (2014-2018) 90

УДК 1(091)

В статье анализируется развитие европейской философской мысли с точки зрения смены эпох господства рационального и иррационального мировоззрения (мышления). В настоящее время возникла потребность пересмотреть наши исходные позиции в понимании роли рационалистических и иррационалистических философских направлений и принципов познания мира. Традиционно считается, что только благодаря достижениям «нуса», разума, абсолютной идеи человечество прогрессирует в своем развитии. В этом совершенствовании практически не отводится места иррационализму как самостоятельной и важной форме человеческой духовности. Мистика и иррационализм провозглашаются нефилософским абсурдом. Мы исходим из убеждения, что история человеческого общества развивается в постоянном чередовании двух основных фаз: рацию и иррацию, смены эпох господства рационализма с эпохами господства иррациональной веры.

Ключевые слова: рационализм, иррационализм, мировосприятие, духовная жизнь, христианство, разум, вера, античная философия.

Н. В. Наумова, доцент, канд. филос. наук

*Севастопольский экономико-гуманитарный институт
филиал КФУ им. В.И. Вернадского*

А. С. Глушак, профессор, д-р филос. наук

E-mail: g_as@list.ru

РАЦИОНАЛИЗМ И ИРРАЦИОНАЛИЗМ — ДВА СПОСОБА МИРОВОСПРИЯТИЯ (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ЭКСКУРС)

В современной философской традиции существует убеждение, что успехи в духовном совершенствовании общества связаны исключительно с рациональными его ориентациями. Эта идея последовательно раскрывается в работах М. Вебера, Б. Рассела, К. Хьюбнера, Ю. Хабермаса, К. Поппера, Т. Куни, Дж. Эклза, Р. Дарендорфа, Х. Альберта, Х. Шпиннера и др. Они были убеждены, что человечество прогрессировало в своем развитии только благодаря идеальным конструкциям разума, абсолютной идее. Считалось, что иррациональность, как сфера алогичности, не может способствовать гармонизации общественной жизни.

Мистика и иррационализм не рассматриваются как формы объективации и рационализации неявного знания и часто провозглашались абсурдом. Вместе с тем игнорируемая в современной философии иррациональная сущностная сторона природы человека всегда была в центре внимания иррациональных учений и всех религий. В истории философии и религии эти учения чаще всего называют мистическими. В них выражается сущностное ядро религии и дается знание о человеке в единстве его материального и духовного, рационального и иррационального начал [5, с. 6-7].

В настоящее время возникла потребность пересмотреть наши исходные позиции в понимании роли рационалистических и иррационалистических философских направлений и принципов познания мира, поскольку пренебрежительное отношение ко всему невыразимому в понятиях логики, внерациональным аспектам духовной жизни, в целом к иррационализму еще доминирует на всех уровнях общественного сознания.

Мы исходим из того, что история человеческого общества, по крайней мере европейского варианта, развивается в постоянной смене двух основных фаз: рацию и иррацию, чередования эпох господства разума с эпохами преобладания веры [9, с. 66].

Один из первых продуктов осознания мира человеком - миф еще не вычленяет человека из природы, не разделяет их, не противопоставляет человека социуму и природе, а созданный человеком идеальный мир материальному. Рассудочное и чувственное еще настолько переплетено, что главенство одной из сторон не осознается. Тем не менее, миф - это стремление упорядочить мир, но чувственное восприятие мира еще не придавлено, не задавлено его величием рассудком [14]. Развитие античной философии началось с рационального переосмысления жизни. В стремлении упорядочить мир с помощью рассудочных умопостроений античная философия вырывается из объятий фавнов и нимф,

вакхов и мистерий, вырывается из природы, поднимается над биосферой и начинает всерьез строить мир идеальных, рациональных образов нижнего мира природы, био, иррацио и прочих внутренних, самостных бытийных сущностных сил. Торжеством вырвавшегося из пут плоти разума является торжество древнегреческой цивилизации. Это первое опьянение могуществом разума, это первая сладость вырвавшегося на свободу зверя. Осмыслить, познать, упорядочить мир, природу, общество и человека призвана античная философия. Гимн и упоение разумом, рассудочное расчленение и упорядочение мира лежит в основе философии Фалеса, Парменида, Пифагора, Сократа, Аристотеля - рациональных по своему существу.

Сенека и стоики определенным образом доводят развитие античной философии до логического конца, возведя разум в основной критерий оценки человеком не только мира, но и самого себя. Философски обоснованное, прямое и безапелляционное стремление навести порядок внутри человека с помощью рассудка, призыв к господству разума над чувством, ведущий к полному уничтожению чувства, был той последней каплей, которая перетянула, а затем и опрокинула чашу весов. Сентенции Сенеки, что мудрец облегчит слезы другим, но никогда не присоединит к ним собственных слез, содержали в себе и порождали свою противоположность. Зачем нужен такой разумный мудрец, который стал бесчувственным болваном. Рассудок ведет к самоубийству, рассудочный человек нищ духом и чувством, рассудок не единственный критерий истины - такими грустными результатами завершилось развитие античной философии разума и начался новый виток на пути поиска места человека в мире.

Христианство пришло со смелым, парадоксальным, но насущно важным на тот момент тезисом: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Эккл 1,18). Не разум человека его господин. Чувство, внутренний мир, страдание и сострадание делают человека человеком. Не атлетически сложенная, а чувствующая, страдающая плоть порождает дух истинно достойный человека. Не знаю, а верую, не разум, а вера, не внешнее, а внутреннее, не плоть, но дух делают человека человеком. Такими новыми, но уже выстраданными идеями открылось христианство миру. «Верую, потому что абсурдно», верую в высшее добро, справедливость, человеколюбие, милосердие, сострадание, даже если нелепо, не разумно, бесполезно в это верить. Иррационализм христианства спас и просветил мир и отдельного человека. Христианство открыло и утвердило, поддержало и воспело часто ненужные с позиций разума иррациональные поиски человеческой души. И миллионы людей воскликнули: «Верую», - и хотели окунуться в этот безбрежный омут духовного совершенствования. Но тяжек этот крест, темна и глубока вся ширь человеческих чувств и страданий, и много мрака таится в душе человека.

Весь кладезь христианской культуры трудно обозрим, настолько богат и разноречив он по содержанию и форме. Между тем две тенденции с первых шагов развития христианских основ византийской культуры прослеживаются достаточно четко. Эти две тенденции развивались в Византии одновременно и в постоянном противоборстве и пробным камнем было здесь отношение к античному наследию и философскому рационализму. Одно из них условно можно назвать иррационалистическим, другое - рационалистическим. Еще в самом начале формирования христианской доктрины Тертуллиан и Арнобий сильно усомнились в возможностях человеческого разума и все надежды возложили на веру [1]. Совершенствование в вере, укрощение плоти, аскеза, мистическое созерцание несотворенного света и слияния с Богом проповедовали Макарий Египетский, Иоанн Лествичник, Павел Латрийский, Симеон Благоговейный, Симеон Новый Богослов, позднее Григорий Палама и исихасты. Это иррационалистическое монашеское направление было равнодушно и даже враждебно античной апологии разума и вообще философии.

Целью мистической практики исихазма явилось «обожение» человеческой личности (*теозис*), осуществляемое не путем рациональных мудрствований, но с помощью синергии, понимаемой как сотрудничество энергий Бога и человека. «Обожение» воспринимается как высшая форма человеческого творчества и состояние святости [4, с. 55]. Юстин, Климент Александрийский и их многочисленные последователи, например, Иоанн Дамаскин, патриарх Фотий, Иоанн Итал, Фома Аквинский призывают на помощь вере укрощенный рационализм и, с почтением относясь к античному наследию, используют его рассудочные доводы, сомневаясь в способностях неразумной души.

Если в Византии эти две тенденции уравнивали друг друга и не допускали полного ухода в одну из крайностей, то на Русь пришла по преимуществу лишь одна из этих двух тенденций, а именно, - иррационалистическая, мистическая.

Исихазм распространился на Руси во многом благодаря византийским монахам-иконопочитателям, которые создавали свои монастыри в средневековой Таврике. Но наиболее прочно традиция исихазма закрепилась в Киево-Печерской и Троице-Сергиевой Лавре. В Византии сохранилось светское образование, а в XI веке даже возрождается светский университет, лучшие умы

читали в оригинале античных авторов, предпринимались попытки синтеза античной философии в новую культурную среду. Даже патриарх Фотий сочетал неумолимое служение церкви с просветительской деятельностью. В знаменитом труде «Мириобиблион» (Множество книг) он дает краткие характеристики и обширные извлечения из 280 античных и ранневизантийских писателей. Это и труды по философии, медицине, истории, описания путешествий, ораторские произведения, любовные романы. Византия знала периоды не только отрицания, но и увлечения античностью, отдавая предпочтение то Аристотелю, то Платону.

На Русь после введения христианства пришла лишь часть этой литературы, переводы Библии, отцов церкви, шестодневы, историческая литература. Примечательна тенденциозность выбора византийской литературы для новой церкви. Особенно почитаема была патристическая литература, но даже она пришла в усеченном виде. Например, из Григория Богослова не было переведено «Слово в похвалу философа Ирона». Были популярны представители аскетически-мистического и антифилософского направления Иоанн Лествичник и Ефрем Сирийский. Любим был моралист Иоанн Златоуст. Совсем не были известны философствующие богословы Михаил Пселл, Иоанн Итал, хотя они и были современниками подъема древнерусской книжности. Однако было популярно сочинение теологизирующего рационалиста, ученого богослова и философа-полемиста VIII века Иоанна Дамаскина «Источник знания» и его шесть определений философии, одно из которых звучит так: «Философия есть любовь к мудрости; но истинная Премудрость – это Бог, и потому любовь к Богу есть истинная философия» [6, с. 57]. Энциклопедический труд Иоанна Дамаскина содержал выписки из античных авторов. Хроника Георгия Амартола также содержала экскурс в древнюю историю с кратким анализом крупнейших философов античности. Таким образом в переводной литературе содержались элементы светской и античной мудрости. Но они уже даны из вторых рук, в комментариях и критических объяснениях. Элементы византийской светской культуры осмысливаются как часть единой христианской духовной традиции.

Все формирование и развитие интеллектуальной и философской мысли на Руси происходит не только исключительно в рамках богословско-религиозных терминов, но и с оттенком усмирения гордыни разума. Мудрость человеческая ставилась ниже «божественной премудрости». Для летописца Нестора польза от учения книжного в том, что «книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание» [12, с. 167]. Мудрость сочетается с воздержанием и в этом принципиальное отличие древнерусской мысли от западной. Киевские книжники всегда сознавали свою «худость» и менее западных одержимы были бесом самодовольной рационализации. Кто много читает, говорит летописец, «получает душе великую пользу». Не изощренные упражнения логики, рационализации заботят их, а «страдания о душе». Более близки им и размышления отцов церкви о превосходстве духа над плотью или, как сказал Владимир Мономах, «тела порабощение». В духе излюбленной патристической концепции тела как темницы души Кирилл Туровский утверждает: «пока человек не освободится от телесных похотей и житейских попечений, до тех пор душа его не может примириться с Богом». Говоря о литературной деятельности Кирилла, житие отмечает: «...много божественная писания изложив и славен бысть по всей стране той».

Не любомудрие, а скорее любословие, возвышенный, учительный стиль отцов церкви прижился на Руси. Вот как начинается притчу о человеческой душе блестящий проповедник XII века, снискавший славу русского Златоуста Кирилл Туровский: «Добро убо, братье, и зело полезно, еже разумевати нам божественных писаний учение: се и душу целомудрену стваряет, и к смирению прилагает ум, и сердце на реть добродетели извоострает...» [7, с. 298, 299].

Картина мира, помимо собственной языческой, трактуется по многочисленным Шестодневам, где пространно истолковываются шесть дней творения мира. Был популярен славянский Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. Литература носит учительный характер, причем большой популярностью пользовались жития святых и схимников. Так Изборник 1076 года начинается словом почтенного старца монаха о пользе чтения мудрых книг. Приводится пример Василия Великого, Иоанна Златоуста, Кирилла Философа, которые с молодых лет изучали святые книги. Здесь же приводятся поучения Василия Великого «Како подобает человеку бытии», «Афанасиевы ответы», примечательно присутствие статей одного из основателей монашеского учения о спасении Нила Черногорца. Прославление аскетизма, монашества, самоуглубления, нравственного совершенствования несомненно преобладает в Древнерусской литературе.

В рамках предыдущей традиции принято было рассматривать обращение к античности как безусловное благо и увлечение богословием как бесполезное занятие. Однако христианство появляется в эпоху кризиса античного мира, античного осмысления жизни, рационалистического по своему существу и направленного во внешний мир. Христианство открыло и воспело внутреннее богатство человеческой природы и предложило путь духовного совершенствования личности, поддержало веру

в то, что не должно быть так, что «сыны народа плотского процветают, а сыны народа духовного унижены» – как пишет Афанасий Александрийский в «Послании к Маркеллину об истолковании псалмов» [2, с. 419]. Древнерусская мысль восприняла христианство не внешним образом, а глубинно, внутренне. Она заложила основы не просто аскетического усмирения плоти, но духовного искания. Духовный поиск, углубленное искание сокровенного смысла, «глубину сокровенных и дивных словес» – ищет Климент Смолятич [8, с. 288, 289]. «Не зри внешняя моя, но зри внутренняя» говорит Даниил Заточник. Для древнерусской мысли характерно большее внимание к внутреннему миру человека, нежели к внешнему миру, тяга к проблемам духовного, нежели физического, внешнего материального бытия. Абстрактное теоретизирование античности ей было менее близко и больше привлекали практические проблемы бытия и, в частности, нравственные поиски истины, заостренное восприятие борьбы добра и зла.

Однако мрачным средневековьем сохранилось в памяти человечества господство христианской церкви. И ярким сиянием вновь воцарившегося света разума открывается нам эпоха Возрождения - возрождения античного видения мира, где разум, красота, совершенство тела, радость жизни правят миром.

Философский рационализм вновь пытается навести разумный порядок в этом мире. Просветители, материализм - новая фаза осмысления мира с позиций рассудка. Марксизм явился очередным шагом в развитии этой ветви познания мира, представив не только общество, но и человека рационально устроенным существом. Материалистически, разумно-логически объяснить и на этой основе преобразовать, переустроить и решить все проблемы общества и человека - основная задача марксизма. Наше общество попыталось воплотить в жизнь идеи «разумного», а точнее рассудочно понятого преобразования мира и наделало много ошибок, не учтя другой стороны жизни - иррациональности.

Симптоматичен процесс ремифологизации, особой привлекательности экзистенциальных течений, жадный интерес нынешнего общества к религии. Человечество вновь ищет спасения не во внешнем, а во внутреннем, не в форме, а в содержании, вновь поворачивается от радио к иррадио, от расчленения мира на противоположности к их слиянию, к гармонии рационально-чувственного бытия, которая все же вряд ли достижима в столь разорванном мире.

Марксизм, как и марксистский атеизм, явился очередной абсолютизацией познания мира с рационалистических позиций. Предложенный этой концепцией идеал переустройства общества - коммунизм - это общество, строимое исходя из учета лишь рациональной природы человека. Маркс рассматривал человека по существу как рациональное существо, преувеличивая его возможности. Марксистский атеизм абсолютизировал веру в человеческий разум, веру в то, что человек может и должен быть высшим существом для человека. Вера в то, что настанут времена, когда восторжествуют разумные и прозрачные отношения между людьми и природой, что послужит основой отмирания религии. Насколько многослойна марксова критика религии с позиций рационализма, настолько же мало она говорит о том, как жить человеку без религии и чем заполнить духовный вакуум. В поисках представлений марксизма об идеальном устройстве общества, где человек не будет нуждаться в религиозном опосредовании, мы с неизбежностью должны обратиться к многовековой общественной мысли об идеальном устройстве общества и прежде всего к идеям социалистов-утопистов. Проанализировав такого рода сочинения от Платона до Сен-Симона, Фурье, Оуэна, которых Маркс и Энгельс называли своими предшественниками в этой области, мы находим, что наша действительность, т.е. строившееся социалистическое общество по своему духу очень напоминало эти социальные утопии. И главное заключается в том, что человек идеального общества мыслится сверхрассудочным существом, лишенным недостатков и слабостей. Исходя из благого пожелания сделать всех равными, совершенными трудящимися существами, проектируемое общество, по мысли социалистов-утопистов, сделает их счастливыми. Все социалисты, провозглашавшие высшим идеалом построение коммунистического общества, исходили из того, что человек разумен и не хотели брать во внимание его слабости, извечную тягу к трансцендентному, как и другие «глупые» химеры. Проектируемое социалистами-утопистами общество жестко рассудочно, регламентирует и удовлетворяет якобы все разумные потребности человека. Тем самым строится схема, делающая каждого человека счастливым независимо от его желания. Насильно! Сделать человека счастливым винтиком коллективного рая на земле - основной пафос социалистических учений.

Каково же место религии в этом обществе? Еще не обладая марксовой рационалистической критикой религии, социалисты-утописты зачастую считают необходимым наличие религии для низов, необразованных людей. Более того, они тратят немало усилий, чтобы создать новую религию, которая была бы более совершенна, чем имеющиеся. Увлечшись критикой религии, Маркс и Энгельс стремились доказать, что религиозные иллюзии нужны человеку, когда социальные условия не

способствуют его жизнеутверждению, когда человек или уже себя потерял, или еще не обрел. В марксовом понимании сущность человека рациональная, а рациональному человеку религия не нужна. Но в том то и дело, что самые глубокие корни религии лежат в иррациональных пластах его души. Поэтому как бы ни совершенна была рационалистическая критика религии, она теряет смысл в иррациональных глубинах человеческой души.

Христианство привлекло к себе не столько доводами разума, сколько умением удовлетворить, развить, поддержать иррациональную сущность человеческой природы. Античный мир оно покорило своим иррационализмом. Поклонись не богатому, а убогому, ибо истинное богатство внутри нас. Поклонись не процветающему в этом мире, а распятому за грехи мира. Воспарь духом, презри плоть, лишь душа человека от Бога - такими алогичными иррациональными истинами открылось христианство античному обществу с его идеалами богатства, красоты, телесного совершенства, извечным стремлением избежать страданий и смерти. Христианство «заворожило мир красотой смерти» – восклицал Н. А. Бердяев [3, с. 279]. Однако идеалы не живут на земле. Всякий идеал, обретая земную плоть, теряет свою сущность. Христианство теряет, извращает свои идеалы. Время от времени спохватываясь, вновь провозглашает их, стремится к ним и вновь теряет. Яркий пример тому православие. Оно крепко переплетается с царизмом, становится более плотским, чем духовным. Но может быть именно поэтому конец XIX- начало XX века породили взлет философской мысли. Русская идеалистическая философия этого периода направлена на возрождение идеалов духовности, призывает к духовному возрождению. Но беда или логика развития человеческого духа была в том, что возрождение духовности понималось исключительно как соборное, коллективное возрождение. Преобразить духовность общества в целом на идеях соборности хотели идеалисты, преобразовать, разрушить и вновь построить рай на земле хотели материалисты-марксисты. Отдельные голоса, в частности, Н. А. Бердяева, о высшей ценности - индивидуальной человеческой свободе были не замечены, отброшены как не разумные. Иррационалист, персоналист, экзистенциалист Н. А. Бердяев, обладатель очень нужной для построения гуманного общества идеи, не был услышан. Его Бог - свобода индивида, также был низвергнут, как и многие другие боги. Восторжествовали новые боги - рассудочность, вылившаяся в безумие, благо общества как наивысшее благо уничтожает индивида. Человек, лишенный слабостей, стремящийся забыть иррациональные бредовые иллюзии души и подчинивший их идеям общего блага, не становится счастливым. Потеря ценности каждого индивида как самоценности, подчинение всех единой воле, затаптывание, забвение, уничтожение целой части человеческой сущности - его иррациональной души, сделали многих высшими существами среди зверей - разумными зверями, искалечили жизни одних и лишили других. Запрет религии многими понимался как избавление от химер совести, любви к ближнему, греха и сострадания - зачастую бесполезных и не нужных с позиций рассудка. Ибо вера в добро, справедливость, милосердие, добродетель, совесть быстро рушится, если единственным критерием будет практика. Эти высшие ценности могут держаться только на вере, а вера иррациональна. Верую, даже если абсурдно, бесполезно, бессмысленно, не разумно в это верить. Религия учит верить, в этом ее достоинство и страшная сила. Извечный спор веры и разума неразрешим и только в их борьбе продолжается жизнь. Человечество породило религию как способ поддержания в человеке его хрупкой и легко ранимой части - иррациональной сущности - души, совести, стремления к совершенству, к идеалу и назвало это Богом. Можно оспаривать механизм той или иной религии, при помощи которого она достигает этой цели, что зачастую и сами цели подменяются. Но следует по достоинству оценить достижения религии и религиозно-идеалистической философии в сфере иррационального.

При всей условности любой классификации людей можно подразделить на две категории. К первой группе можно отнести тех, в которых доминирует разум, чтобы верить, им надо знать. По своей природе они зачастую не религиозны. Для других же жизнь теряет смысл, если она не осенена высшей идеей, Богом. Это религиозные по своей природе люди и чтобы жить им надо верить, даже если это абсурдно. Сущность их природы более иррациональна, чем рациональна. Человек никогда не может быть для них высшим существом для человека, таковым всегда будет Бог как некий идеал, никогда не достижимый, но вечно желанный. В мире нет абсолютной свободы, добра, справедливости, счастья, но к ним надо стремиться, безумные мира сего часто более правы, чем разумные.

Отсюда смена эпох торжества разума и веры, практицизма и иррационализма, прагматизма и ломки традиций. Человечество временами «умнеет», накапливает знания о мире, но не становится от этого счастливее и обнаруживает, что лишь внутренний мир - та единственная ценность, которая требует заботы. Человечество вспоминает о душе, о ближнем, о Боге. Но и это не дарует покоя. И хотя костер веры и разума горит всегда, он вспыхивает попеременно разным цветом. Нельзя затушить ни один из них и смешно спорить, кто из них более прав, возгораясь ярче. Рацио и иррацио - это два разных

мира, которые говорят на разных языках, но только во взаимном переплетении этих противоречий в человеке и человечестве продолжается жизнь.

Список литературы

1. Арнобий, Против язычников / под ред. А. Д. Пантелеева. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. — 398 с.
2. Афанасий Александрийский. Творения. Ч.4 / Афанасий Александрийский. — Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1903. — 480 с.
3. Бердяев, Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Н. А. Бердяев — Париж: Изд-во Современные записки, 1931, — 320 с
4. Жиртуева, Н. С. Православный исихазм в контексте компаративного анализа философско-мистических традиций мира / Н. С. Жиртуева // Вопросы философии. — 2017. — № 3. — С. 52-62.
5. Жиртуева, Н. С. Философско-мистические традиции мира : монография / Н. С. Жиртуева. - М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2018. — 274 с.
6. Иоанн Дамаскин. Источник знания / Иоанн Дамаскин; [пер. с древнегреч. и ком. Д. Е. Афиногенова, А. А. Бронзова, А. И. Сагарды, Н. И. Сагарды]. — М.: Индрик, 2002. — 416 с.
7. Кирилл Туровской. Слова и поучения / Кирилл Туровской // Библиотека литературы Древней Руси [Текст]. В 20 т. Т. 4 / ред. Д. С. Лихачев — СПб. : Наука, 1997. — 687 с.
8. Климент Смолятич. Поучения / Климент Смолятич // Библиотека литературы Древней Руси [Текст]. В 20 т. Т. 4 / ред. Д. С. Лихачев — СПб. : Наука, 1997. — 687 с.
9. Мудрагей, Н. С. Рациональное и иррациональное философская проблема / Н. С. Мудрагей // Вопросы философии. — 1994. — №9. — С. 53–66.
10. Наумова, Н. В. Рациональное и иррациональное в христианской средневековой философии / Н. В. Наумова, А. С. Глушак // Философия и культура. — 2017. — № 10. — С.25—35. DOI: 10.7256/2454—0757.2017.10.21936. URL: http://e—notabene.ru/pfk/article_21936.html
11. Наумова, Н. В. Славянская духовность в контексте восточных и западных мировоззренческих парадигм / Н. В. Наумова, А. С. Глушак// Философия и культура. — 2016. — № 9. — С.1245—1252. DOI: 10.7256/1999—2793.2016.9.17081
12. Повесть временных лет / Сост. и общ. ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века— М.: Худож.лит., 1978 — 413 с.
13. Рационализм и иррационализм в античной философии: монография / В. Н. Горан, М. Н. Вольф, И. В. Берестов, Е. В. Орлов, Е. В. Афонасин, П. А. Бутаков; отв. ред. д-р. филос. наук В. Н. Карпович. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. — 396 с.
- 14.Ставицкий, А. В. Онтология современного мифа / А. В. Ставицкий. — Севастополь: Рибэст, 2012. —544 с.

Статья поступила в редакцию 29.04.2018

Naumova N. V., Glushak A. S. Rationalism and Irrationalism: Two Worldviews (Historical and Philosophical Excursus)

The article deals with the development of European philosophical thought from the point of view of interchanging of the domination of rational and irrational outlook (thinking). Now, there is a need to revise our initial positions in understanding the role of rationalistic and irrationalistic philosophical trends and principles of cognition of the world. Traditionally it is considered that only thanks to achievements of the «nous», the mind, the absolute idea, humanity is progressing in its development. In this progress, irrationalism is almost never considered an independent and important form of human spirituality. Mysticism and irrationalism are proclaimed as a nonphilosophical absurdity. We proceed from the conviction that the history of human society develops in the constant alternation of the two main phases: the rational and the irrational, the change of the epochs of domination of rationalism to the epochs of the domination of the irrational faith.

Keywords: rationalism, irrationalism, worldview, spiritual life, Christianity, reason, faith, ancient philosophy

..

Рассматриваются результаты анализа основной логической схемы социокультурных процессов О. Шпенглера, определяется степень ее расхождения с другими концептуальными построениями. Выявляются основания для возникновения интегральной культурологии. Анализируются предпринятые О. Шпенглером теоретико-методологические приемы операционализации термина «граница». Оцениваются полученные им результаты в историко-философском контексте. Рассматриваются возможности органического включения шпенглеровской концепции культурной динамики в современный социально-философский дискурс.

Ключевые слова: история, культура, социокультурная динамика, историко-культурный тип, цивилизация.

А. П. Коркишко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kormanial@mail.ru

О. ШПЕНГЛЕР – ЗАПЕЧАТАННЫЕ СМЫСЛЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Имя О. Шпенглера прочно и по праву вошло в список имен, украсивших XX век. Оно вобрало в себя парадоксальное богатство содержания происходящих во всех без исключения сферах социума сдвигов, которые, благодаря блестящему перу автора «Заката Европы», запечатлены с предельной тщательностью и с непостижимой пока глубиной и для современников, и для нас, потомков замечательного философа, хотя нас отделяет от него не так уж и много времени – всего несколько десятков лет. Однако за этот относительно небольшой промежуток времени успел сформироваться поразительный по своей окраске сгусток исторической памяти, в котором мы с некоторым удивлением встречаем привычные славословия в адрес Шпенглера – «глубокий», «тонкий» и т.д. – с оглушительно резкими словами Томаса Манна, адресованными ему, – «умная обезьяна Ницше». Скорее всего, это результат полемической вспышки, но что любопытно: предмет мысли обозначен уничижительным словом «обезьяна», но вот предикат, видимо, вырвался помимо воли Т. Манна – «умная». Поразительно: в одной фразе слились воедино взаимоисключающие характеристики, которые на наш взгляд, представляют из себя нечто более сложное, чем простой оксюморон («горячий снег», «тупая острота» и т.д.), призванный скорее удивлять, будоражить сознание, нежели способствовать росту объемного понимания предмета, основанного не на внешнем впечатлении, а на почве глубокого проникновения в таинственную связь времен.

Признаемся, масштаб разброса оценок невольно пробуждает мысли о возможном доминировании вкусовых предпочтений оценщиков и т.п., но, приняв во внимание все аспекты творчества О. Шпенглера, а не только его сегменты (техника, футурология, культурология и т.д.), с большим пониманием, основанным на вновь приобретенном интеллектуальном и житейском опыте второй половины XX и начале XXI века, начинаем вслушиваться и различать смысловые тональности его печальных размышлений, властно охвативших его в зрелом возрасте и не отпускавших его уже никогда: « Я чувствую себя более одиноким, чем когда либо прежде. Захотят ли меня, наконец, понимать, а не только читать? Я этого жду» [2, с. 59].

Слабым надеждам Шпенглера, похоже, предстоит сбыться еще очень нескоро, если принять во внимание деструктивные культурологические процессы, охватившие Европу и продолжающие свое «победное шествие» вглубь и вширь.

Мы не ставили перед собой трудноосуществимую задачу набросать эскизный план продолжения «Заката Европы» или предложить какой-то неведомый доселе концептуальный способ переосмысления творческого наследия О. Шпенглера, – это было бы по меньшей мере наивно, если принимать во внимание уже сложившуюся основательную научную критику немецкого мыслителя, которую мы отмечаем в работах как отечественных исследователей (А. Ф. Лосев, Ф. Х. Кессиди), так и зарубежных авторов (Ф. Корнфорд, М. Поленц, Г. Властос и др.). Наша цель много скромнее, но для практики осознания логики перехода от одного типа культуры к другому имеющая важное значение, а именно: сохраняется или нет возможность культурной идентификации современной, уже немислимой без своего компьютерного содержания, цивилизации с совершенным аполлоновским миром порядка и меры Эллады?

На первый взгляд, может показаться, что перед нами очередная фигура речи, по сути, не обремененная каким-то определенно выраженным онтологическим содержанием, отражающим

сложные взаимопроникновения разнесенных далеко по времени социокультурных срезов истории. Речь, таким образом, должна была бы вестись только о таких разнесенных по времени отрезках истории, которые бы не выпадали из содержательного интервала органического подхода, усматривающего в истории развития культур устойчивые фазовые переходы – рождение, юность, зрелость, смерть. Соблюдение последнего условия сообщало аналитике устойчивость и узнаваемость, вытекающую из реализованного методологического принципа линейного рассмотрения исторического времени, исключающего саму возможность «перерыва непрерывности».

Однако история, как известно, наделена очень неуступчивым характером, который крайне неохотно согласуется с любыми классификаторскими подходами, тем самым значительно осложняя нашу задачу выделения изначального замысла О. Шпенглера проникнуть вглубь исторической драматургии, лежащей в основе борьбы Слова и Дела.

О. Шпенглера, видимо, глубоко угнетала мысль о неизбежности роста смысловой турбуленции, беспорядка, которые, кстати говоря, мы без труда замечаем вокруг себя, с одной стороны, и становящейся почти утопией мечты обретения устойчивости и светлого жизнеутверждающего оптимизма, присущего Элладу – с другой.

Именно здесь, на изломе, мысли Шпенглера, достигая предельного напряжения, становились, как мы видим на примере Т. Манна, далеко не всегда до конца понимаемыми.

О. Шпенглер, оценивая глубину современного ему культурного кризиса Европы, в общем и целом держался в русле ницшеанской традиции воспринимать его как столкновение двух типов культур: материнский или аполлоновский (античный) тип и современный, фаустовский тип.

Уже на первом аналитическом шаге Шпенглер не мог не ощутить внутреннего сопротивления исторического материала, который явно не желал помещаться в уготованное интерпретационное смысловое ложе концепции. Шпенглер прилагает немало сил для того, чтобы разнести наблюдаемую (отметим этот важный момент и вернемся к нему позднее) историческую реальность развития культуры вообще (и здесь снова возникают поднятые ещё в платоновском «Теэтете» проблемы связи «общего» и «единичного») на восемь отдельных типов, которые, по его мнению, наблюдаются в истории. Оставляем сейчас в стороне вопрос о точности и глубине исходного тезиса – «культура обречена на падение в цивилизацию» – строгости построения принятой Шпенглером классификации форм культурной динамики, поскольку во мнении специалистов, как современников, так и потомков, царит несогласие, доходящее до поляризации точек зрения. Это обстоятельство, на наш взгляд, объективно свидетельствует о том, что Шпенглер оставил за собой глубокий след в истории науки, а потому более или менее завершённую оценку его творчества мы обречем ещё не скоро.

Проблема здесь заключается не в точном определении качественного содержания каждого из выделенных типов, хотя сама по себе эта задача является весьма сложной и запутанной, поскольку взаимовлияние культурных типов друг на друга скорее интуитивно улавливается, чем строго научно понимается до сих пор, сколько в том, как, оставаясь на позициях органицизма, связать между собой культуру, как общее, и каждый из выделенных типов, как единичное, которое было бы устойчиво репрезентированным в аналитическом поле.

Строго говоря, Шпенглер столкнулся здесь с любопытным свойством исторического анализа, а именно: никогда не ясно, в какой именно точке и почему его надо оборвать. С одной стороны, логика созидания любого текста, как атома культуры, требует законченности и лаконичности, с другой – историческое время неостановимо, во всяком случае, пока жив человек, а потому оно постоянно и неуклонно добавляет в «исследовательскую топку» новые дрова в виде новых фактов, явлений, связей. Уже в начале XX века – времени акмэ Шпенглера – эта проблема обозначилась для всех исследователей, так или иначе связанных с изучением генезиса культуры, как ключевая, а потому Шпенглер не мог её обойти.

Сегодня бы Шпенглер был вынужден рассматривать ещё и мультикультурную реальность, которая внесла и вносит новые любопытные оттенки, а порою и краски, в социально-философский анализ, на отдельных характеристиках которого остановимся ниже.

В начале XX века Шпенглер остановил свой аналитический выбор на традиционном, идущем ещё от Платона (вновь вспоминается его диалог «Теэтет») и широко применявшемся классиками немецкой философии (И. Кант, Г. Гегель) приеме, суть которого сводится к следующей логической схеме.

Во-первых, фиксируем атрибуты, как минимум, двух не пересекающихся реальностей, которые в дальнейшем выполняют роль аналитических маркеров (для классической философии – это идеальная и материальная реальность). В результате мы получаем узнаваемую, иначе говоря, рефлексивную соотносённость с каждой из построенных атрибутивных моделей, которая, в конечном счете, обосновывала вечные человеческие ценности: материальные блага, социальную свободу, независимый

разум. Не следует забывать о том, что в этой точке анализа у человека, воспитанного на традициях предшествующей европейской философии, а Шпенглер, безусловно, относился к числу таковых, неизбежно возникали сомнения по поводу строгости построения атрибутивных моделей объективной и субъективной сущности вещи, различение их. За этими сомнениями стояли такие фигуры, как Ч. Пирс с его тезисом «как сделать наши идеи ясными?» и сам Декарт, заложивший в своем «Декалоге» код европейского интеллектуализма. Эти сомнения в конечном счете подрывают внешнюю строгость культурологических построений Шпенглера и распространяются далее, глубоко проникая в тело современной европейской философской школы, какой является постструктурализм. Ж. Делез и Ф. Гваттари, вводя понятие «ризомы», стремились к тому, чтобы максимально освободить философов-аналитиков от удушающего тезиса средневековых логиков «всякое определение – опасно», в основе которого лежал бинарный принцип. Противопоставляя ему ризомный стиль мышления, современная философская школа стремится к «равноправному разнообразию», которое разрушает какое бы то ни было классификационное построение. Дискурс абсурда, который должен был по логике М. Фуко и Ж. Лакана освободить исследователя от строгих аналитических обязательств в стиле Декарта и Пирса и раскрыть его творческую, первородную человеческую мощь, – здесь невольно угадывается ницшеанский, шпенглеровский мотив, – приводил к неожиданному финалу, напоминающему миф о царе Мидасе: все вокруг, к чему бы мы не прикоснулись, обращалось в унылое однообразие, пусть и изначально безмерно ценное. Возникал парадоксальный эффект: ризома, призванная заполнить все пустоты бытия человека, и в этом смысле она удивительно созвучна умопостроениям Шпенглера, на самом деле дезавуировала человеческий мир, практически уничтожая саму возможность рефлексивной соотнесенности типов культур, о которой мы упоминали выше.

Таким образом, изначально Шпенглеру пришлось решать целый ряд непростых задач, которые, тем не менее, были не столько свидетельствами одержанных теоретических побед, сколько предупреждениями о грядущих трудностях. И в этом видится главная причина, вынудившая современную философию свернуть в дремучие заросли постмодернизма и других «измов», чтобы только не иметь дела с «шалостями» философской классики, – что поделаешь, дети часто не осознают последствия своих проказ...

Возвращаясь к Шпенглеру, отмечаем, что, начав с проблемы различения реальностей, он плавно перешел ко второй проблеме – установлению границы между ними, которая, по праву, считается в философии трудно разрешимой.

Если вспомнить в этой связи Гегеля, то на память приходит его известный пассаж, связанный с решением задачи определения «бесконечности». По его мнению, определить границу «бесконечного» можно лишь по линии соприкосновения с «конечным», т.е. замыкающие философские абстракции можно строить только методом от противного.

Находясь на вершине категориального анализа, мы порой не замечаем «милых подробностей жизни», а за ними нередко скрывается целый Париж.

Дело в том, что в приведенной категориальной оппозиции «конечного» и «бесконечного», когда речь идет о смене исторических типов, об общих законах их динамики, неизбежно возникает вопрос о связи этих процессов с человеком, его миром... Неясно, как они сплетаются в одно целое известное нам как «история»? И вообще, что считать здесь референтами «конечного» и «бесконечного» – человека, его мир, историю? Невольно оживают мотивы псалмов Давида: «Бездна бездну призывает».

Шпенглер, имея классическое гуманитарное образование, конечно, не мог не знать о проблемах немецкой философской классики, и, прежде всего, о проблемах, возникающих в связи с трансцензусом. Но здесь обнаруживается некая тонкость, которую, на наш взгляд, следует специально обсудить. Дело в том, что проблема трансцензуса, как таковая, может рассматриваться под разными углами зрения, – это очевидно и где-то даже банально, но снисходительность сразу исчезает, как только мы начинаем понимать, что «трансцензус» как способ перехода от одной фиксированной сущности к другой – это одно, это ясно обозначенный механизм перехода от одного к другому (видимо поэтому Кант и настаивал на различении переходных состояний практического и теоретического разума), и совсем по-иному ситуация выглядит тогда, когда атрибуты, условно говоря, первой и второй реальности, соприкасаясь друг с другом образуют зыбкую, но ясно ощутимую границу между ними. Видимо, это обстоятельство и обусловило появление известного декартового тезиса: «*Cogito ergo sum*», а много позже – уже в современной математической логике – возникло понятие о взаимодействии нечетко заданных объемов множеств.

Различие в данном случае состоит в том, что мы сосредоточиваемся в первом случае на вопросе «как» происходит преодоление границы, тогда как во втором случае логическое ударение ставится на том, «что» такое сама эта граница, какова природа ее демаркации, какие отрасли знания и практики ее

осваивают, каким способом и т.д. В этой ситуации О. Шпенглер выбрал, на наш взгляд, второй вариант, значительно более трудный и чреватый неудачей, но в случае успешного решения открывавший многообещающие перспективы: можно было создавать масштабные, проникающие через века, интеллектуально насыщенные проекты понимания и объяснения движения истории, культуры в целом, отдельных ее частей, фаз, сегментов в частности, увязывать их взаимовлияние, т.е. превращаться во что-то подобное мировому Разуму. Здесь невольно обнаруживаются фрейдовские мотивы, согласно которым бессознательное, как бы оно глубоко и тщательно не подавлялось, рано или поздно актуализируется, т.е. обретает свободу. Поэтому идея Просвещения и всей немецкой философской классики не могла в качестве базовой не отложиться в сознании Шпенглера, как бы на словах он не противился ей.

Однако философские предшественники, в данном случае речь идет о французах, одновременно с этой идеей проговаривали и другую, а именно: «Дьявол кроется в мелочах».

И дьявол не замедлил явиться в виде вопроса о допустимости пересечения границы в том или ином направлении, способах ее перехода, его возможных значениях.

Убойная мощь вопроса многократно возрастала, когда он очень логично корреспондировался с первыми двумя уже озвученными нами. Здесь мы должны невольно задержаться, перевести дух и осознать тот факт, что в производстве европейского исторического и философского мышления идеи системного подхода проросли гораздо раньше, чем фон Бергман в середине XX века конституировал их.

Шпенглер столкнулся с необходимостью их разрешения значительно ранее и попытался сделать это, но это был штурм, выражаясь языком военных, без предварительной подготовки.

Вне сомнения, и Ницше, и, в значительной степени, Шопенгауэр оказали большое влияние на Шпенглера, – не на ровном же месте возникли едкие слова Т. Манна? Но между ними усматривается и существенное различие.

В истории немецкой, да и всей мировой культуры, Ф. Ницше остался как вдохновенный разрушитель всего старого, косного, что мешало жить и творить. В порыве экзальтации он воспевал «белокурую бестию», которая, в упоении неистовства, творила романтику абсурда, так не похожую на житейскую расчетливость и прижимистость филистерского, затхлого европейского духа, вернее, того, что от него осталось к концу XIX века. Поэтому рациональность, и прежде всего логицизм, были безжалостно забыты и отвергнуты для того, чтобы дать дорогу надежде на возрождающую роль все поглощающего и все будоражащего первозданного Хаоса.

Лозунг Ф. Ницше – «старые боги умерли» – подталкивал философию, культурологию к тому, чтобы, отринув старые нормы, создать новые, достойные героики человека нового типа, но тут, как чертик из табакерки, возникал короткий и секущий вопрос: «А как?»

Нам представляется, что именно в этой точке и разошлись философские пути-дороги Шпенглера и Ницше с Шопенгауэром, которые критику буржуазной истории и культуры (а она всегда так или иначе основана на какой-то логике) завершили, каждый по-своему, поворотом к откровенному иррационализму. Таким образом, полностью соответствовать дефиниции Т. Манна Шпенглер не мог уже хотя бы потому, что ему, вольно и невольно, но нужно было как-то рационально обосновывать главный тезис своей культурологической концепции, согласно которому исторически исчерпавшая себя культура должна уступать свое место цивилизации, т.е. пересечь границу, которая очевидно отделяла первое от второго. Все кажется более или менее очевидно понятным, пока вы не начинаете выстраивать теорию процесса, т.е. от феноменологической констатации ситуации не переходите к формулированию причинно-следственных связей, лежащих в основе её возникновения и дальнейшего изменения.

В этой точке философского анализа культурной динамики Шпенглер совершает своего рода методологический трюк: из мира вчерашних каузальностей он незаметно, так, во всяком случае, казалось ему самому, шагнул в область волшебных сказок. В результате кардинально изменилось отношение к базовым понятиям его концепции культурной динамики, таким как «история», «исторический культурный тип», «смысл истории». Все эти понятия уже не репрезентировали «объект» как таковой, определяемый или ограничиваемый установкой «как», вместо этого анализ был изменен в пользу принципа «а почему бы и нет?» На эту особенность формирования творческого почерка Шпенглера обратил внимание еще в 1934 году известный французский искусствовед и философ Гастон Башляр [1, с. 32].

На наш взгляд, Шпенглер пытался соединить «лёд и пламень», т.е. ницшеанский иррационализм с логическими нормами каузальной аналитики, таким образом, чтобы стереотипная 3-элементная

схема анализа, изложенная выше, была бы узнаваемой в объективной реальности и реальности, соответствующей логике измышления.

Сам, может быть, того не желая, Шпенглер оказался перед незавидным выбором: быть предельно гибким в формулировках, выводах или... быть беспредельно гибким в том же самом. Капкан зашелкнулся, не оставив никаких формально-логических надежд на спасение, но живая ткань исследовательского процесса по своей природе более гибка и разнородна, чем логический каркас мысли. Она содержит в себе помимо логики еще эмоциональный, аксиологический и т.п. моменты, которые порою удивительно прихотливо извивают творческую жизнь автора.

Как и любой другой автор, О. Шпенглер был не готов к быстрой и безусловной творческой капитуляции, которая бы означала, что на выбранной им дороге возникло непреодолимое препятствие. Поэтому ему, похоже, не оставалось ничего иного, как сделать вид, что ничего экстраординарного не произошло, а то, что случилось – в анализе вдруг обнаружилась ценностная вилка – не более, чем досадный промах, допущенный маэстро при создании исторического полотна.

Помимо парадокса гибкости Шпенглеру пришлось столкнуться еще с одним курьезом исторического познания.

Привычка к общению с гимназистами побуждала Шпенглера к предельной внешней внятности изложения, которая порой граничит с педантизмом, а потому раздражала и раздражает его читателей. Однако, решая задачу достижения предельной ясности объяснения, Шпенглер оставил без должного внимания проблему понимания того, что он так долго объяснял. Объяснение далеко не всегда вызывает понимание, и потому Шпенглер, как мы уже видели, горько пеняет читателям.

Охватить пониманием всю конструкцию истории Шпенглера весьма непросто уже хотя бы потому, что для этого, т.е. для аутентичного понимания, необходимо создать комплекс толкований, в который бы одновременно входили представители разных областей гуманитарного знания. Призыв сам по себе не нов, но вот его актуализация...

Достаточно только оглянуться на современную Украину, чтобы понять, что «закат Европы» – это уже не фигура речи, а комплекс целеустремленных действий власти, направленный на уничтожение собственной культурной идентичности.

Феноменологически эта картина не может не потрясать своей трагичностью, страдательным надрывом, но отдавшись во власть научных абстракций, мы вынуждены констатировать, что помимо политически очевидных оттенков у ситуации все отчетливее проступают научные черты – перед нами значимый научный результат, изложенный историей пусть и в шокирующей, но доказательной форме. Итог прост: европейские культурные ценности не универсальны («забавно» сегодня наблюдать, как Европа XXI века, вместе с Украиной, «бодается» с этим выводом Шпенглера).

С точки зрения потребительской Шпенглер с его отрицательными выводами сработал впустую, оставил Европу в одиночестве, на развалинах былого величия, о котором она может только горевать...

С научной точки зрения, безусловно, выводы Шпенглера – очень ценны именно потому, что облачены в логику отрицания, а она, безусловно, намного сильнее логики утверждения. Достаточно в этой связи вспомнить принцип фальсификации К. Поппера, который для научного сообщества стал уже неоспоримым посылом.

Однако, логическая эйфория, впрочем, как и всякая другая, продолжается недолго, т.к. достигнутое совершенство логических выводов не отменяет необходимости содержательных проработок исследовательского поля. Имея в виду всю сложность возникающих при этом вопросов, Шпенглер неуклонно стремился к разрешению главного из них, на который мы все еще не имеем ответа: «Существует ли логика истории?» [3, с. 36].

При этом Шпенглер понимал, что ответ на этот вопрос следует искать в тесном союзе с философией. Он писал: «Падение Запада является, подобно аналогичному ему падению античного мира, отдельным феноменом, ограниченным во времени и пространстве, но вместе с тем это философская тема, заключающая в себе, если ее оценить по достоинству, все великие вопросы бытия» [3, с. 36-37].

Действительно, оглянувшись вокруг, мы замечаем, что культура, получив огромные полномочия практически во всех сферах общественной жизни, создала свои смыслы, сформировала свое пространство, которое слабо контролируется или вообще не контролируется человеком (например, Интернет или производство вооружений). Сфера культуры перестала быть мягкой и покладистой, она обрела императивные по отношению к человеку формы, которые далеко не всегда милосердны (оглушающие ритмы поп-музыки, агрессивные стили масс-медиа и т.п.).

Автор «Заката Европы» попытался сказать, что культура – это не Абсолютное Благо, у неё есть и теневые стороны. Иллюстрируя этот тезис, О. Шпенглер слишком, на наш взгляд, увлекся Ницше, тем

самым подтверждая ставший позднее стереотипным вывод о том, что союз философии и культурологии чреват для науки в целом серьезными осложнениями. При этом научное сообщество демонстрирует далеко не ангельское долготерпение.

Яростная полемика среди философов, историков, филологов, вспыхнувшая сразу же после выхода в свет первого тома «Заката Европы» была обращена не к мировому светилу науки, а к скромному гимназическому учителю, дотоле никому не ведомому, – вот наглядная демонстрация силы идей!

Споры не утихают и сегодня. Пожалуй, сегодня они стали восприниматься еще острее на фоне очевидно деструктивных процессов коллективного Запада (проблема беженцев в Европе, очевидный разлад и деградация политических институтов и т.д.). Следует сказать, что далеко не все ладно и в нашем Отечестве, а потому с автором «Заката Европы», в частности, и с историческим временем, вообще, всем нам предстоит еще не раз вступать в напряженный диалог, смысл которого концентрируется вокруг проблемы возможности совмещения шпенглеровских мотивов оценки динамики культурного поля Европы с тютчевским вердиктом о том, что, «умом Россию не понять». По всей вероятности, именно в этой точке разбиваются стремления последних десятилетий создать современный облик национальной идеи. Надо признать, что мы наблюдаем успешную блокировку решения задачи достижения всеединства – ведь, если бы было иначе, творящееся на глазах украинское безумие было попросту невозможно.

Строго говоря, оно и возникло не в последнюю очередь потому, что в культурной программе славянства, являющегося неотъемлемой частью европейского суперэтнуса, по ряду причин образовалась смысловая брешь не до конца заделанная и по сегодня.

В течение XVIII – XIX вв. усилиями отечественного просвещения эту брешь удалось минимизировать, но дальнейшее течение истории внесло свои коррективы.

Однако интеллектуальные попытки России в этом направлении не утихали даже в смутные времена.

Идея софийного единства славянского культурного поля, цементирующая сферу русского духовного мира, продолжает свою созидательную работу, и это, в целом, не может не встречать одобрения, если бы не одно обстоятельство.

К проблеме осознания культурных традиций Европы, их роли в трансформациях современной культуры (присутствие шпенглеровской тематики здесь попросту необходимо) добавляется «перчинка» в виде мысли о самостоятельной роли и значения русской истории, которая, как показывают события последних лет, далеко не всегда по душе коллективному Западу.

Очевидно, что развитие социо-культурных процессов на континентальных просторах сегодня объективно переросло логику конфронтации в какую бы одежду она не наряжалась, и с этим, если не принимать во внимание оголтелый национализм, собственно, никто не спорит, но и явных прорывов в области консолидации усилий России и стран ЕС в области образования, просвещения и т.д. мы тоже не наблюдаем. Увы, но это так во многом потому, что над научными сообществами и Запада, и Востока продолжают витать тени неразрешенных еще со времен Шпенглера проблем.

Находясь у бездны истории на краю, нам не остается ничего иного, как надеяться на вдохновляющую прозорливость и исторический оптимизм Пушкина, запечатленные в строках: «Дай Бог, чтоб милостию неба рассудок на Руси воскрес. Он что-то, кажется, исчез...»

Список литературы

1. Башляр, Г. Новый рационализм / Г. Башляр. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с
2. Хюбшер, А. Мыслители нашего времени / А. Хюбшер. – М.: Канон, 1994. – 364 с.
3. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1998. – 640 с.

Статья поступила в редакцию 30.04.2018

Korkishko, A. P. O. Shpengler – Sealed Meanings of Culturology.

The paper considers the results of the analysis of the basic logic scheme of sociocultural process by O. Shpengler. The paper focuses on the difference between this conception and other conceptions. The paper deals with the grounds for emergence of integral culturology. The author analyses theoretical and methodological methods of operationalization of the term "boundary" undertaken by O. Spengler and considers the possibilities of the integration of the Spengler concept of cultural dynamics into modern socio-philosophical discourse.

Keywords: history, culture, sociocultural dynamics, historical and cultural type, civilization.

УДК 303.447.22:[316.472.4/.752]

Показан сетевой подход к изучению ценностных ориентаций. Раскрыты методологические основания и методические приемы построения сетей. Предложены технологии обработки и визуализации аналитической информации. Проанализированы некоторые особенности сетей ценностных ориентаций студентов двух ВУЗов.

Ключевые слова: сети, ценностные ориентации, вес сети, размах сети, плотность сети, сравнительный анализ

П. П. Дерюгин, профессор, д-р социол. наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ)

E-mail: ppd1@rambler.ru

О. В. Ярмач, доцент, канд. социолог. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: sociocentre@sevsu.ru

С. В. Рассказов, доцент, канд. физ. – мат. наук

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: rasskazovs2015@rambler.ru

К. Д. Данилов, магистрант

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ)

E-mail: mail@xomak.net

В. Е. Архипенко, студент

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: veronika_arkhipenko@mail.ru

СИЛА СЛАБЫХ СВЯЗЕЙ: СЕТЕВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ (РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И СЕВАСТОПОЛЯ)

Воссоединение Крыма и России актуализировало вопросы формирования единых ценностей россиян, проживающих на полуострове и материке. Что касается молодежи, то настоящий вопрос приобрел особую актуальность, поскольку, если люди более старших возрастов еще сохраняют опыт совместного проживания в советский период, то ценности и ценностные ориентации молодых людей, напротив, сформировались в различных социальных средах, а, нередко, даже и в конфликтных, противоречивых условиях.

Хорошо понятно, что воссоединение Крыма и России не простой технический или правовой акт. Социальные, человеческие ценности при этом, несомненно, играют важную интегрирующую роль и во многом они станут решающим фактором успеха. Это та мягкая сила, влияние и мощь которой обладает огромным социальным потенциалом. От того, какие ценности и какие ценностные ориентации определяет для себя важными и значимыми молодежь, во многом зависит успешность решения всего множества политических, экономических, культурных иных вопросов уже сегодня, и тем более в перспективе. Это миллионы и миллионы слабых связей, которые формируют целостное социальное пространство – отношения и взаимодействия, которые являются реальным социальным планктоном без которого общество существовать и развиваться не может. Сильные связи формально закреплены политическими и правовыми, организационными и управленческими актами и решениями. Они очевидны и их состояние находится в поле зрения целого ряда властных институтов и СМИ. Что же касается так называемых слабых связей, то их изучение и анализ составляет исследовательский интерес профессиональных социологов.

Первенство в определении роли и значения слабых связей принадлежит социологу Марку Гранновету [2]. Обобщая его теоретические идеи о слабых связях, следует вспомнить об их основных характеристиках.

Во-первых, наличие большого числа слабых связей характеризует социальный потенциал какой-либо общности людей. Чем больше слабых связей, тем больше возможности таких общностей в

достижении согласованности и поиска общих позиций по разнообразным проблемам. Слабые связи - это своеобразный социальный планктон, где скапливается потенциал эволюционного изменения самого общества.

Во-вторых, *слабые связи могут приобретать более существенное значение, чем связи сильные*. Некоторые исследователи считают, что такие связи представляют опасность для сильных организационных отношений. Происходит это потому, что сильные связи жестко структурированы, они формализуются и получают организационное закрепление. Из-за этого сильные связи ограничивают попадание в коммуникационное пространство сообщества избыточной информации, которая признается ненужной или бесполезной. Сильные связи предопределяют стратегии поведения и закрепляют действия членов организации, влияют на их выборы важного и значимого, чем неизбежно активизируют механизмы психологической защиты. Именно поэтому сильные связи могут даже мешать объединению людей с общими или похожими ценностями. В информационном обществе такое встречается повсеместно. В частности, это можно было видеть на примерах, когда не могут объединиться между собой люди единых ценностей, - либералы или коммунисты, - даже в периоды предвыборных компаний, только из-за того, что каждая отдельная группа отстаивает «свои» организационные принципы. Это же можно наблюдать в отношениях между родителями и детьми, школьными учителями и учениками и т.д. – везде, где происходит организационное самоопределение и возникновение сильных связей. Слабые связи, напротив, дают возможность проявлению индивидуального стиля, нетривиальности и творчества. Они не обязательны для исполнения и поддержания, а потому и ответственность за включенность в эти связи минимальная. Слабые связи можно сравнить с тлеющим пепелищем, которое долго может приносить слабое тепло, но в любой момент при определенных условиях превратиться в пылающий костер.

В-третьих, *слабые связи как каналы передачи информации гармонизируют интересы и ценности больших групп людей, и позволяют успешно сосуществовать разнообразию и вариативности*. В пространстве таких связей не предполагается конкурентной борьбы или отстаивания своих принципов. Это связи, которые можно спокойно потерять. С другой стороны, при известных социальных обстоятельствах слабые связи могут выступить катализатором массовых волнений.

В-четвертых, *чем больше слабых связей складывается вокруг определенных ценностей, тем более актуальными они становятся для продуцирования и локализации новых сообществ*. Наличие слабых связей вокруг новых ценностей выступает основанием для будущего единения и сплочения организаций и групп, превращая участников такого взаимодействия в сообщество, которое локализуется и фрагментируется – выделяется как специфическое. Такая локализация сопровождается возникновением доверия, взаимопонимания и эффективной коммуникации.

Высказав идеи о силе слабых связей, Марк Грановеттер одновременно подчеркивал, что без их сетевого моделирования и визуализации, прикладное значение такой работы будет ничтожно малым. Именно эти интересы преследует исследовательская группа авторов настоящей статьи. В своих расчетах сетей ценностных ориентаций мы воспользовались подходом к определению силы связи, предложенный Чеддоком (см. табл. №1).

Таблица № 1.

Коэффициенты корреляции и их сила связи

Абсолютное значение r_{xy}	Теснота (сила) корреляционной связи
менее 0.3	слабая
от 0.3 до 0.5	умеренная
от 0.5 до 0.7	заметная
от 0.7 до 0.9	высокая
более 0.9	очень высокая

В нашем исследовании ставилась цель выявить и изучать ценностные ориентации студентов Санкт-Петербурга и Севастополя как сетей связей, и на этой основе провести их сравнительный анализ. Для достижения этой цели были сформированы соответствующие методики и технологии.

Объектом исследования выступили студенты Санкт-Петербургских (далее - СПб) и Севастопольских (далее – Сев.) вузов. Численность опрошенных составила примерно равное количество респондентов, - 267 и 242 человека соответственно. Для сбора информации использовался интернет - опрос. Методика социологического исследования подробно освещена в публикациях [1], [3].

Предмет исследования - единство и дифференциация сетей ценностных ориентаций студентов двух обозначенных университетов, их сравнительный анализ.

Основная гипотеза заключалась в том, что сети ценностных ориентаций студентов Санкт-Петербурга и студентов Севастополя будут различаться по силе и содержанию. Прежде всего это скажется на представлениях о должном (как о нужном и идеальном) и о запрещенном (анти-ценности, как нельзя, каким нельзя быть). У студентов Севастопольских вузов ценностные сети будут более интегрированными, чем у студентов Санкт-Петербурга. В этом отражаются социальные особенности (региональный контекст) в деятельности ВУЗов. Сети ценностных ориентаций студентов Санкт-Петербурга окажутся менее связанными, поскольку они отражают ценности людей, приехавших из разных регионов России (около 70% студентов – приезжие со всех регионов России). Ценностные сети студентов Севастопольского университета окажутся более связанными, поскольку здесь обучаются студенты преимущественно из одного региона России – Крыма (по нашим данным около 90%).

Для формирования ценностных сетей нами были избраны непосредственными индикаторами *качества личности*, точнее представления студентов о характеристиках положительного эталона для подражания и характеристиках отрицательного эталона. В инструкции к анкете предлагалось среди своего окружения найти человека, который в наибольшей степени мог бы выступать образцом или эталоном для подражания, т.е. такого реального человека, на которого респондент хотел бы быть похожим. Далее респонденты в 5-ти балльной шкале оценивали 24 качества этого человека, предложенные в анкете. Вторым шагом опроса было проведение такой же процедуры относительно отрицательного эталона, т.е. такого реального человека, на которого респонденты не хотели бы равняться. Третий шаг предполагал оценивание собственных качеств по предложенной шкале. Таким образом, нами были получены статистические данные, характеризующие положительный эталон, на который равняются студенты, отрицательный эталон, который рассматривался как негативные для подражания и данные о самооценке студентов двух вузов. Такие результаты на наш взгляд позволяют выявить основное – какими видят респонденты человека, на которого ориентируется студенческая молодежь, и от каких качеств они стремятся избавиться. Немаловажно, что качества личности могут раскрывать ценности студентов, занятых различными направлениями профессиональной подготовки, поскольку и одни, и другие оценивали личностные характеристики людей вне зависимости от других факторов.

Результаты исследования.

Вес качеств. Этот показатель характеризует насколько ценными и важными для респондентов оказались те или иные качества людей. Эта характеристика сети рассчитывается как сумма набранных баллов каждым качеством.

Как показал анализ, наибольший вес среди качеств положительного эталона для студентов обоих вузов был характерен для качества *целеустремленности* (4,3 – самый высокий показатель у студентов обоих городов), *преуспевание* (4,2 – также у студентов обоих городов) и *умение располагать к себе людей* (4,21 – Сев. и 4,19 – СПб). Незначимыми для подражания и самовоспитания у студенческой молодежи оказались *властность* (3,16 – Сев. и 3,21 – СПб) и *альтруизм* (3,25 – Сев. и 3,31 – СПб), а наименее важными студенты посчитали *скромность* (2,97 – Сев. и 2,93 – СПб).

Какими видят студенты сами себя? Своим самым важным качеством они определяют *доброжелательность* (4,15 – оба вуза), *свободолюбие* (4,10 – Сев. и 4,16 – СПб) и *уважительное отношение к другим людям* (4,02 – Сев. и 3,99 – СПб). Наименее значимым в своем социальном портрете они видят *лидерство* (2,98 – Сев. и 2,89 – СПб), *способность к манипулированию* (2,85 – Сев. и 2,83 – СПб), менее всего – *властность* (2,69 – Сев. и 2,73 – СПб).

Оценивание положительного эталона личности по весовым значениям практически полностью совпало у респондентов обеих групп (суммарное значение весовых значений качеств положительного эталона 3,68 – Сев. и 3,68 – СПб), самооценка оказалась с минимальной разницей – 0,03 (3,53 – Сев. и 3,50 – СПб). Небольшим было различие и в оценках отрицательного эталона, всего 0,016 рейтинга (1,99 – Сев. и 2,15 – СПб).

Анализ полученных данных показал, что студенты обоих вузов достаточно высоко оценивают свое место в социальной структуре общества. В таб. 2 представлена средняя оценка качеств положительного эталона, самооценка и оценка качеств отрицательного эталона в 5-балльной шкале.

Таблица № 2.

Значение весов качеств			
	Положительный эталон	Самооценка	Отрицательный эталон
СевГУ	3,68	3,53	1,99
СПб	3,68	3,50	2,15

Как можно видеть, самооценка у студентов только незначительно отличается от оценок эталона для подражания. При этом подчеркнем, что около 30% студентов обоих городов оценили свои личные качества даже выше, чем качества положительного эталона, т.е. в их реальном окружении не нашлось таких людей, кто мог бы выступить для них в качестве эталона для подражания.

Важно отметить, что весовые характеристики качеств показали высокую степень схожести в оценивании людей между студентами Севастополя и Санкт-Петербурга. Оценивание весовых характеристик каких-либо показателей это традиционный подход к анализу статистических данных. Такой анализ раскрывает важные характеристики исследуемых параметров и составляет один из основных моментов построения сети. *При этом степень связанности изучаемых параметров он не раскрывает.*

Размах сети ценностных ориентаций. Размах сети показывает максимальные и минимальные пределы оценивания изучаемых качеств. Вычисляется размах сети как разница между максимальной и минимальной оценкой качеств. Так, например, разница в оценивании человеческих качеств положительного эталона у студентов Севастопольского составила 1,07 рейтинга, а у студентов Санкт-Петербурга 1,20. Эти показатели говорят о степени разброса оценок в представлениях о человеческих качествах положительного эталона, т.е. размах сети в какой-то степени раскрывает единство мнений по исследуемому вопросу. В данном случае единство мнений студентов Севастополя несколько выше, чем единство мнений студентов Санкт-Петербурга.

Следует подчеркнуть, что, как и при оценивании веса качеств, размах сети ценностей у студентов обеих исследуемых групп часто совпадал. Наряду с этим, результаты анализа размаха сети раскрывают, что единство ценностных ориентаций у студентов вузов Севастополя несколько выше. Это было особенно заметно при анализе характеристик отрицательного эталона.

Сравнение размаха сети между результатами опроса студентов университетов позволило выявить, что *коммуникативные* качества оцениваются наиболее согласованно (0,92 – Сев. и 1,12 – СПб., разница рейтингов – 0,20). Это говорит о том, что молодежь двух городов примерно одинаково оценивает роль коммуникаций для современного человека. Степень рассогласования растет при оценке *коллективистских качеств* (10,19 – Сев. и 0,44 – СПб., разница рейтингов – 0,25). Наибольшее значение рассогласования возникает при оценивании человеческих и деловых качеств: (*человеческие*: 1,38 – Сев. и 1,67 – СПб., разница рейтингов – 0,29); *деловые*: 1,12 – Сев. и 0,83 – СПб., разница рейтингов – 0,29).

Практически совпадают данные о размахе сети при самооценках студентов обоих городов. Только незначительной оказалась разница размаха сети при оценивании своих деловых качеств (0,05), все иные показатели были практически тождественны. Таким образом, как и при анализе весовых характеристик, изучение размаха сети у студентов обоих городов было примерно одинаковым.

Плотность сети. Это показатель, который раскрывает количество положительных (даже минимально положительных) значимых, связей. Для его вычисления подсчитывается количество положительных корреляционных связей, которые складываются у каждого качества со всеми другими качествами. В известном смысле плотность сети это и есть тот показатель, который отражает «слабые» и «очень слабые» связи (Гранноветер): чем больше плотность сети, тем больше социальный потенциал такого качества, которое является вершиной этой сети.

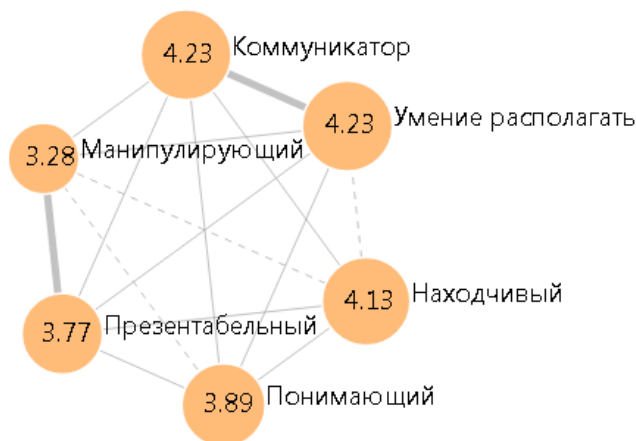

Рис. 1. Сеть ценностных ориентаций коммуникативных качеств хорошего человека (Вариант)

На рис. 1. показан вариант оценивания коммуникативных качеств положительного эталона. Цифрами показан вес качеств. Толстыми линиями представлены сильные положительные корреляции, тонкими – слабые. Пунктирные линии моделируют отрицательные связи. Самой высокой плотностью в данном случае обладают качества *коммуникатор* и *презентабельный* (по 5 положительных связей). Последнее качество характеризует особое положение ценности, и, будучи по весу не самым значимым, оно имеет высокую сетевую плотность. На втором уровне по плотности находятся качества *умение располагать*, *находчивый* и *понимающий* (у всех качеств 4 положительных связи). Наконец качество *манипулирующий*, которое имеет самый незначительный вес и его плотность, составляет всего 3 положительные связи.

На рис. 2 и 3 представлены сети ценностных ориентаций студентов двух исследуемых городов.

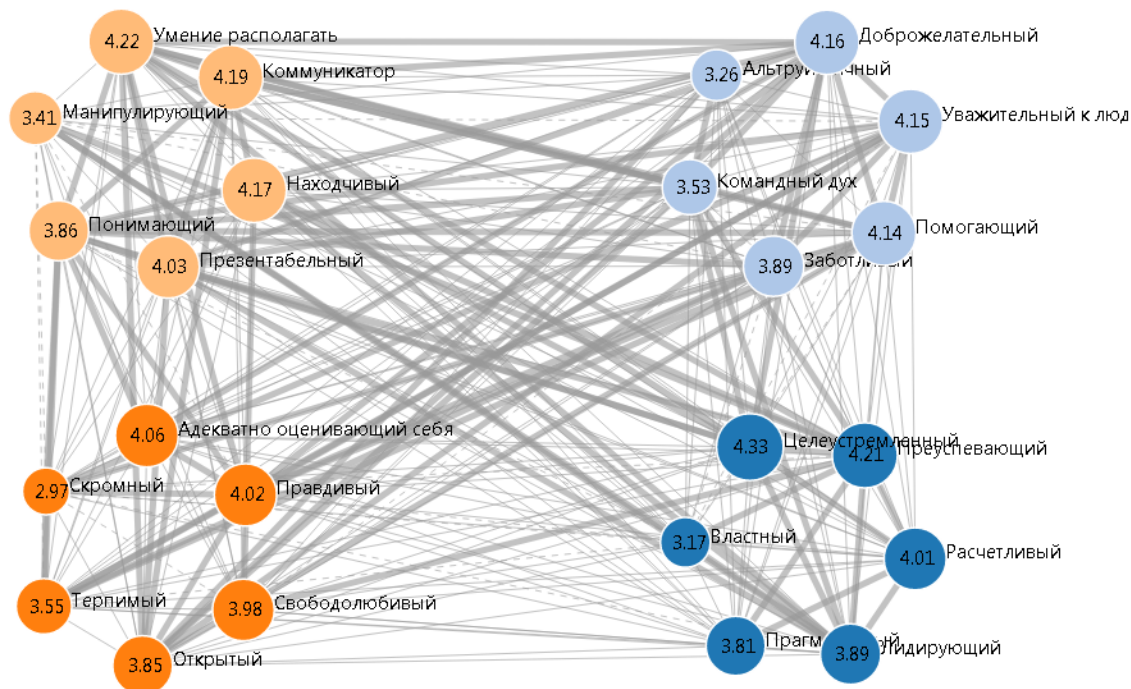

Рис. 2. Сети ценностных ориентаций студентов Севастополя в представлениях о положительном эталоне

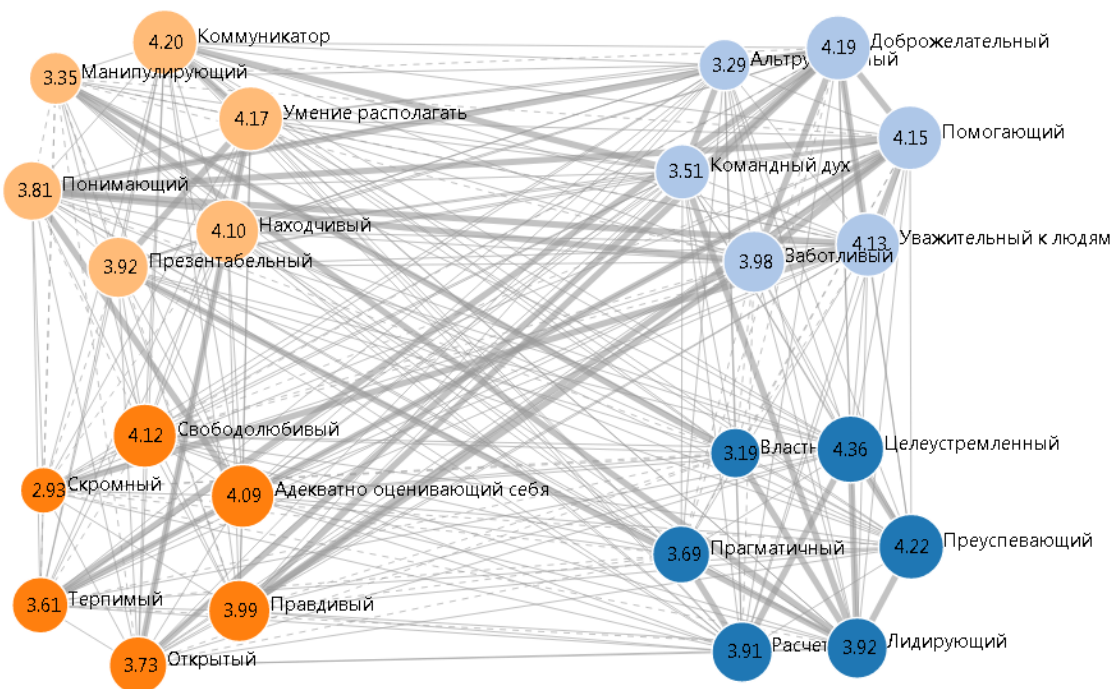

Рис. 3. Сети ценностных ориентаций студентов Санкт-Петербурга в представлениях о положительном эталоне

Анализ плотности сети позволил сделать ряд выводов об особенностях представлений студентов о положительном \ отрицательном эталоне и о самом себе.

Прежде всего следует отметить, что плотность сетей ценностных ориентаций студентов-севастопольцев оказалась выше, чем плотность сетей студентов-питерцев. На графике № 2 показана величина этих различий.

Рис. 4. Величина различий в плотности сетей

Настоящий график раскрывает, что в представлениях о положительном эталоне сети ценностных ориентаций студентов Севастополя в 1,9 раза плотнее, чем у студентов Санкт-Петербурга (0,574 - Сев. и 0,275 - СПб); в 1,3 сети ценностных ориентаций студентов Севастополя плотнее в представлениях и об отрицательном эталоне (0,721 - Сев. и 0,543 - СПб). В представлениях о самом себе плотность сетей практически совпадает и оставляет соотношение 1,01 (0,362 - Сев. и 0,355 - СПб).

По каким личностным качествам положительного эталона отмечены наибольшие расхождения в характеристике плотности сетей. Перечислим наиболее проявившиеся моменты.

Презентабельность. Это качество, которое по мнению студентов-севастопольцев обладает наибольшим потенциальным значением (0,826 - Сев. и 0,217 - СПб., соотношение – 3,80).

Целеустремленность (0,739 - Сев. и 0,304 - СПб, соотношение – 2,43), *понимание других людей* (0,739 - Сев. и 0,319 - СПб., соотношение – 1,89), *умение располагать к себе людей* (0,739 - Сев. и 0,261 - СПб., соотношение – 2,83).

Адекватность (0,651 - Сев. и 0,038 - СПб., соотношение – 7,58), *командный дух* (0,652 - Сев. и 0,304 - СПб., соотношение – 2,14), *альтруизм* (0,521 - Сев. и 0,217 - СПб., соотношение – 2,40).

Несложно заметить, что в «набор» значимых ценностей студентов-севастопольцев вошли те качества, которые преимущественно характеризуют межличностную контактную среду, качества, потенциально важные для поддержания коммуникации и общения. К этому следует также добавить, что оценки такого качества как умение *манипулировать* по плотности у студентов-севастопольцев в 3 раза выше, чем у студентов-питерцев (0,261 - Сев. и 0,087 - СПб, соотношение – 3,0). Напротив, такие качества как *расчетливость*, *прагматизм*, *преуспевание* (круг деловых качеств) практически выпадают по характеристике плотности из сети ценностных ориентаций этой группы респондентов.

Важно отметить существенное различие в понимании студентами качества *свободолюбия*. Для студентов Санкт-Петербурга оно практически малозначимое, его плотность стремится к нулевым значениям. Напротив, студенты-севастопольцы дрожат этим качеством, и оно по плотности набирает довольно значимые величины (0,304 - Сев. и 0,001 - СПб).

Таковы некоторые результаты проведенного исследования, которые позволили сделать ряд выводов.

1. Методический аспект. Традиционный анализ статистических данных без применения сетевых методов не позволил выявить различия в ценностных ориентациях студентов. Как мы видели, весовые значения качеств по оценкам студентов двух вузов были практически одинаковыми. Это стало характерным и для оценивания размаха сетей ценностных ориентаций. Наряду с этим построение сетей и вычисление их плотности позволили выявить существенные различия в ценностных ориентациях студентов-севастопольцев и студентов-питерцев.

2. Содержательные аспекты. Их несколько.

Во-первых, сетевой анализ показал важное значение измерений взаимосвязи между ценностными ориентациями студентов - *плотности сети*. Плотность сети как параметр сетевого анализа раскрывает степень связанности измеряемых индикаторов, что наиболее адекватно отражает системные (связанные) характеристики ценностных ориентаций. В целом, по большинству

индикаторов плотность сетей ценностных ориентаций студентов Севастопольских вузов оказалась выше плотности сети ценностных ориентаций студентов Санкт-Петербурга. Этот вывод подтверждает выдвинутую нами гипотезу о более высокой степени взаимосвязи ценностных ориентаций респондентов, сформированных в рамках одного региона.

Во-вторых, характеристика плотности ценностных сетей студентов двух университетов наиболее существенно демонстрирует различия в понимании *личностных характеристик* как критериев оценивания других людей, т.е. понимание роли и значения человеческих качеств в наибольшей степени различается в ценностных ориентациях студентов. Для студентов Севастопольских вузов показатели чисто человеческих качеств значительно превосходят показатели студентов Санкт-Петербурга.

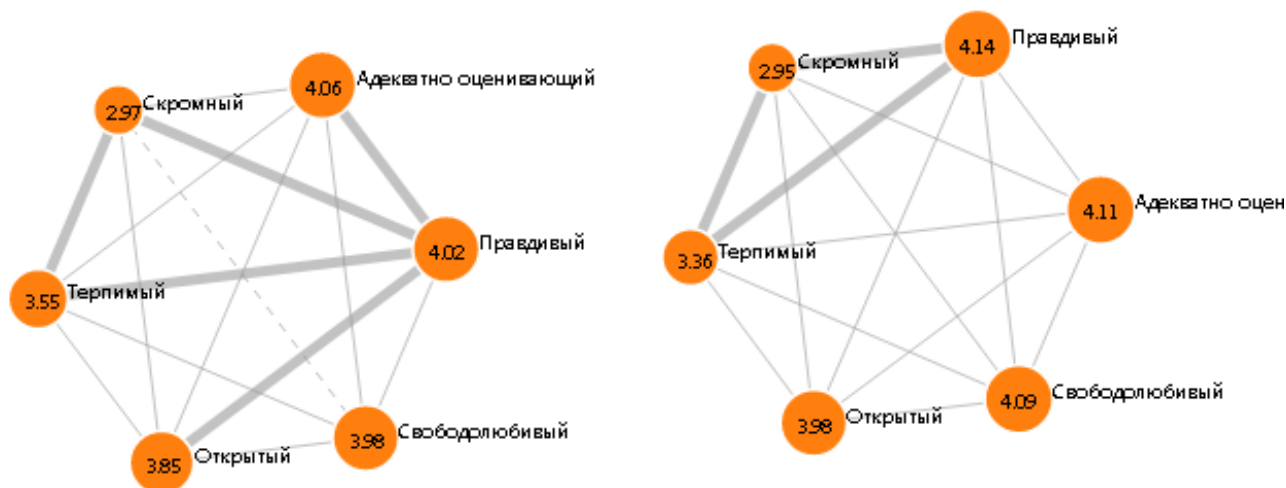

Рис. 5. Человеческие качества положительного эталона Севастополя и Санкт-Петербурга.

В-третьих, далее по степени различий в плотности ценностных сетей оказались *коммуникативные качества*. Для студентов Севастополя быть презентабельным, уметь манипулировать и располагать к себе людей является более важными ценностными ориентациями, чем это проявилось у студентов Санкт-Петербурга.

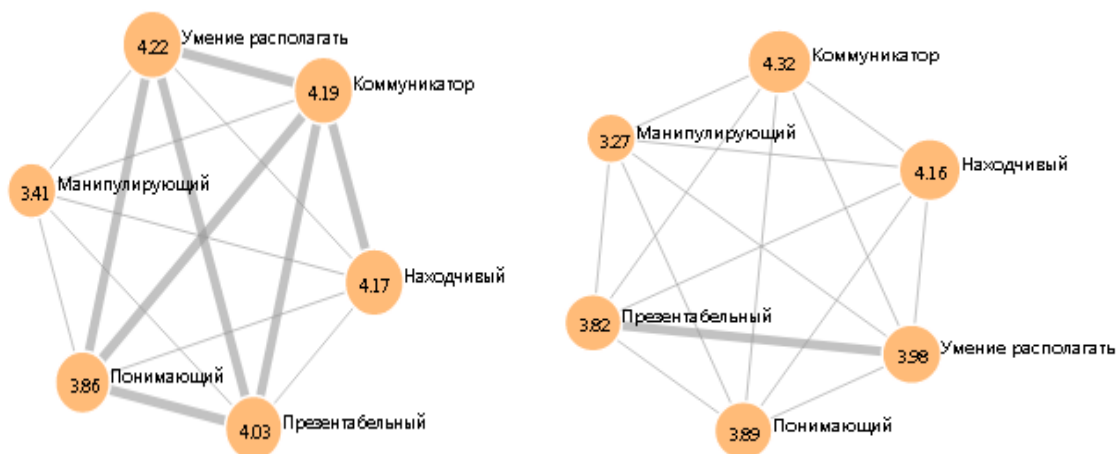

Рис. 6. Коммуникативные качества положительного эталона Севастополя и Санкт-Петербурга

В-четвертых, плотность сетей, отражающих *деловые качества* существенно различается по индикатору целеустремленности. При этом, как мы видели, вес качества оказался практически одинаковым в обеих группах респондентов (4,33 - Сев. и 4,32 - СПб). Целеустремленность в системе ценностных ориентаций студентов занимает одно из ведущих положений, и она связана со многими другими качествами. Для студентов Санкт-Петербурга характерна высокая степень связанности расчетливости и прагматизма, это самая сильная связь в системе деловых качеств в этой группе респондентов.

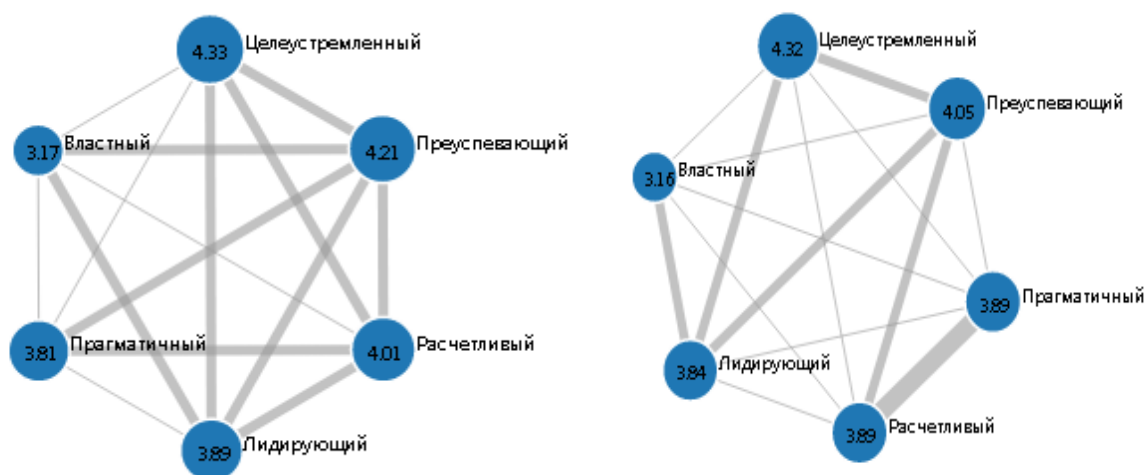

Рис. 7. Деловые качества положительного эталона Севастополя и Санкт-Петербурга

В-пятых, различия в плотности ценностных сетей были существенными при оценивании *положительного эталона* как образца для подражания. Высокая степень такого единства показывает более четкое понимание того, кто может быть примером поведения и на какие качества следует равняться.

3. Прикладной аспект. Разработанная методика и технология визуализации результатов анализа сетей ценностных ориентаций позволяет в онлайн-режиме изучать противоречия и согласованность ценностных ориентаций респондентов различных социальных групп. В свою очередь, такой анализ может быть применен в управленческой, педагогической и социальной работе как основание для принятия решений.

Список литературы

1. Дерюгин, П. П. Социальная диагностика межличностных отношений в истории западной и отечественной социологии / П. П. Дерюгин. – СПб.: Изд-во СПбГТУ 2001. – 95 с.
2. Марк Грановеттер // Экономическая социология. - 2002. - №1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mark-granovetter> (дата обращения: 20.03.2018).
3. Rasskazov, S. Social network analysis as an organizational diagnostic tool : the case of small business in Russia / S. Rasskazov, M. Rubtcova, P. Derugin, N. Prujel, V. Malyshev // International Review of Management and Marketing. - 2016. - Т. 6. - № 1. - P. 170-176.

Статья поступила в редакцию 11.05.2018

Deryugin, P. P., Yarmak, O. V., Rasskazov, S. V., Danilov, K. D., Arkhipenko, V. E. *The Strength of Weak Ties: A Network Simulation and Comparative Analysis of Value System of Saint Petersburg and Sevastopol Students (the Results of Empirical Research)*

The article deals with the network approach to the study of value systems. The authors disclose methodological grounds and methods of network construction and propose technology of processing and visualization of analytical information. Some features of the value system networks of these universities students are analysed.

Key words: networks, value system, weight of the network, scale of the network, network density, comparative analysis

УДК 248.2

В статье осуществляется компаративный анализ дзен-буддизма. Делается вывод, что дзен-буддизм является имманентной (нетеистической) холистической мистической традицией. Утверждается онтологическое единство мира как Целого, существующего по принципу «одно во всем, все в одном». Психопрактика дзен объединяет методы медитативного созерцания Абсолюта (дзадзэн, коан, мондо, року), психосоматические упражнения и дисциплинарный аскетизм. Психопрактика направлена на переживание мгновения «здесь и сейчас», раскрытие творческого потенциала человека и работу с энергетическими центрами, что имеет мощный терапевтический эффект. Результатом психопрактики является пробужденное состояние сознания (сатори).

Ключевые слова: имманентная мистика, Абсолют, эгоцентрическое сознание, просветленное сознание, холизм, медитативное созерцание, психопрактика.

Н. С. Жиртуева, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: zhr_nata@bk.ru

Сайт: zhirtueva.ru

ДЗЕН-БУДДИЗМ В КОНТЕКСТЕ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА ФИЛОСОФСКО-МИСТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ МИРА

На протяжении XX века и до сих пор не ослабевает интерес западноевропейских исследователей к буддизму, который связан во многом со стремлением понять его самобытную философию. По праву одним из наиболее известных направлений буддизма является дзен-буддизм, изучением которого занимались Н. Абаев, Г. Дюмулен, Д. Судзуки, Е. А. Торчинов, Е. Штейнер и многие другие зарубежные и отечественные ученые.

В статье дзен-буддизм рассматривается в контексте компаративного анализа философско-мистических традиций мира. Это исследование представляется актуальным в ситуации религиозного диалога, который характерен для эпохи глобализации, находящейся в поисках универсального начала религий мира. Мистическими в данном исследовании будут называться те учения, которые выражают сущностное ядро религии и религиозного опыта, то универсальное начало, которое Р. Отто назвал «нуменозное». Мистические учения отличаются двумя особенностями. Во-первых, они направлены на «единение» или «слияние» с Абсолютной реальностью, которая может восприниматься по-разному – как буддистская Пустота-Полнота, как даосское Дао-Мать Мира и как трансцендентный христианский Бог-Творец. Результатом мистического опыта, как правило, становится качественная трансформация сознания и личности человека [1, с. 15-16].

К универсальным особенностям мистического феномена можно отнести следующие: 1. Признание существования реальности Абсолюта, но отрицание возможности говорить о нем положительно (апофатизм). Все рациональные конструкции оказываются бессильными перед нуменозным. 2. В психической жизни человека присутствует конфликт материального и идеального. 3. Под влиянием материально-телесных потребностей формируется эгоцентрическое сознание, которое становится основным источником страданий человека. 4. Страдания являются стимулом духовного развития человека. 5. Под влиянием психопрактик происходит перестройка сознания и трансформация его из **эгоцентрического в просветленное**. 6. Мистический опыт способствует «единению» с Абсолютом и преодолению субъектно-объектных отношений [2, с. 62-65].

Индивидуальные особенности мистических традиций формируются согласно трех основных позиций: 1) сущность Абсолюта; 2) соотношение идеального и материального бытия; 3) методы мистической психопрактики. В пределах двух основных мистических типов – имманентного и трансцендентно-имманентного – возникло большое разнообразие традиций. На это влияет решение вопроса о соотношении идеального и материального бытия, а также выбор психопрактики [3, с. 205-209].

Как известно, в буддизме произошел раскол, и возникшая махаяна стала источником большого разнообразия традиций Востока, среди которых буддизм Южной и Юго-Восточной Азии, тибетская йога и дальневосточные школы. Самой известной дальневосточной школой махаяны считается *чань-буддизм* (от китайск. «чаньна», т. е. «дхьяна»), или в японском варианте *дзен-буддизм*. Оригинальность дзен обусловлена тем, что он сформировался на пересечении нескольких религиозно-мистических

традиций, прежде всего, индийской махаяны и китайской школы хуаянь, что обусловило его восприятие Абсолютной реальности.

Представление о сущности абсолютной и феноменальной реальности.

Абсолют в махаяне был назван *шунья* или *шуньята*. Сами последователи махаяны утверждают, что неверным является перевод термина «шунья» как «пустота», потому что, в действительности, он имеет значение «относительный» или «условный», а «шуньята» переводится как «относительность» или «условность». Один из теоретиков мадхьямики Чандракирти, защищая свою позицию, провозгласил: «Мы релятивисты, мы не негативисты» [4]. Называя Абсолютное бытие «шунья», Нагарджуна объяснял это тем, что называть его так можно лишь условно, поскольку перед ним «слова останавливаются». О нем нельзя сказать, что оно есть или не есть. Отвергая всякое положительное определение абсолютного, философ назвал свое учение «срединным» (мадхьямикой) [5, с. 187]. Всё это указывает на *апофатический* характер учения махаяны.

Если тхеравада разделяла бытие на обусловленное и необусловленное, то махаяна все части бытия стремилась возвести к Высшему Единству. В тхераваде любая целостность считается иллюзией, и только отдельные элементы дхармы признаются реальными. В махаяне все части являются нереальными, и только целое провозглашается реальностью.

Новые представления о сущности Абсолюта повлияли на новое решение вопроса о соотношении идеального и материального. Махаяна уничтожила различие между абсолютным и материальным (бытием феноменальных явлений), утверждая тождественность нирваны и сансары, непроявленного и проявленного бытия. Абсолют-Шуньята в махаяне обнаруживает себя одновременно как Абсолютная Полнота и Относительность. Именно поэтому Вселенная не имеет реальности вне Будды: Абсолют, Нирвана и Будда тождественны. А значит Будда является тем Чистым Сознанием, которое составляет основу сансары и нирваны. Его также называют Космическим Телом Будды, или Дхармовым Телом Будды (Дхармакайя). Все элементы бытия рассматриваются теперь как проявление этого Единого Тела Будды, что делает их *имманентными* Абсолюту.

Если теперь обратиться к философии китайской школе хуаянь, основанной монахом Фа цзан, то для нас важны два ее тезиса: 1) «принцип и вещь беспрепятственно проникают друг в друга» (*ли ши у ай*) и 2) «отсутствие препятствий между вещами» (*ши ши у ай*) или «каждая вещь беспрепятственно проникает в другую вещь». «Принципом» здесь называется истинная реальность нирваны, а «вещью» – феноменальное бытие, созданное из дхарм.

Первый тезис восходит к учению махаяны о существовании Дхармового Тела Будды как основы глобального единства существующего: «Сказано: все сводится к одному». Второй тезис является самостоятельным достижением школы хуаянь, утверждавшей, что ни один элемент (дхарма) бытия не отделен от другого элемента. Вещи, которые принадлежат общему источнику, не владеют личным бытием, в результате чего разграничение вещей является не абсолютным, а только относительным. Именно поэтому «вещи могут беспрепятственно проникать друг в друга» [6, с. 350, 353].

По сути, в учении Фа цзан были заложены основы той концепции, которая в современной науке получила название «голографической модели Вселенной», утверждающая существование мира по принципу «одно во всём, всё в одном» (концепция «сеть Индры»).

Таким образом, буддизм махаяны делает концепцию целостности бытия (холизм) своим основополагающим философским принципом, что существенно отличает традиции махаяны от других мистических традиций мира. А дзэн-буддизм максимально усиливает этот принцип и становится *имманентной холистической мистической традицией*.

Человек и его эгоцентрическое сознание.

Общим для всех мистических традиций является стремление преодолеть *эгоцентрическое сознание*, которое делает человека рабом чувств. Дзэн обращает внимание на то, что разум непробужденного человека зависит от всего телесного и чувственного, и поэтому не может постичь истинную сущность бытия. Разум постоянно движется, реагируя на внешний мир, создавая разнообразные образы феноменального мира и порождая многочисленные привязанности, которые становятся оковами для человека. Д. Т. Судзуки сравнивает разум со скачущей обезьяной, и приходит к выводу: «Если же вы хотите стать свободным господином самого себя, то за счет отрешения от увиденного, услышанного и познанного не позволяйте своему неутомному обезьяньему разуму проказничать, спокойно держите его под контролем» [7].

Психопрактика дзэн-буддизма.

Мастера дзэн учат воспринимать видимый мир всего лишь как подоплеку более глубокой реальности, не абсолютизировать чувственные и ментальные образы. Также как представители других направлений махаяны, последователи дзэн считают, что освобождение есть определенное

психологическое состояние, в котором человек осознает себя свободным. Путь к свободе лежит через осознание истины тождественности нирваны и сансары. «Один монах спросил Сэкито: “Что такое освобождение?”. “А разве тебя кто-либо, когда-либо связывал или закабалял?” – сказал Сэкито. А на вопрос, что такое Чистая земля и что такое Нирвана, он ответил: “Разве ты где-нибудь и когда-нибудь мог испачкаться? А также от кого ты мог унаследовать рождение и смерть?”» [7].

Вместе с тем психопрактика дзэн имеет ряд существенных отличий. Прежде всего, для дзэн характерны совершенно особые отношения между учителем и учеником, которые рассматриваются через призму идеи духовного продолжения рода. Дзэнский учитель не облегчает жизнь ученику, не помогает ему, и даже принуждает его рисковать своей жизнью, чтобы самому прийти к истине. Учеба направлена не на передачу знания, а на побуждение ученика к его нахождению, что сближает дзэн с другим мистическим учением – хасидизмом [10, с. 292, 294]. Мастер Нёгэн считает, что дзэн – это не та вещь, которая может быть дана Учителем ученику. Наилучшей помощью является – «не помогать» [9, с. 233-234]. Основная проблема многих религий заключается в том, что они слишком навязчивы. Поэтому с самого момента своего возникновения дзэн сделал упор на личный опыт человека, который должен сам искать путь к внезапному озарению.

Еще одной особенностью дзэн является оригинальный способ пробуждения путем разрушения всех авторитетов разума. Нэнсен сказал: «Ум – не Будда, учеба – не путь». Однажды мастер Бассуи написал письмо своему ученику, который был тяжело болен, и жил в ожидании смерти: «Сущность твоего ума не рождалась, поэтому она никогда не умрет. Это не преходящее существование. Это не пустота, которая есть просто ничто. Она не имеет ни цвета, ни формы. Она не испытывает удовольствия и не страдает от боли. Я знаю, что ты очень болен. Как настоящий ученик дзэн, ты встречаешь болезнь лицом к лицу. Ты можешь не знать точно, кто страдает, но спрашивай: “В чем сущность этого ума?” Думай только об этом, больше тебе ничего не нужно. Оставь желания того, чего не имеешь. Твой конец бесконечен – это снежинка, таящая в чистом небе» [8, с. 111-112, 168].

Дзэн предлагает заменить разум парадоксом, а рациональные методы – нерациональными. Дзэн соткан из парадоксов. Он делает акцент на невербальное постижение истины нерациональным способом. И в это же время «едва ли найдется другая какая-нибудь школа буддизма, которая с течением времени обросла бы таким огромным количеством текстов, комментариев к текстам и литературой, как дзэн» [9, с. 163]. Дзэн – это, прежде всего, школа Внезапности, предлагающая не постепенный, но самый активный подъем вверх, к пробуждению (*сатори*).

В дзэн-буддизме существуют две основные школы: линьцзи (риндзай) и цаодун (сото). Первая делает акцент на работу с разумом с помощью диалогов (*мондо*), вопросов-загадок (*коан*) и притч (*року*) – рассказов-поучений о поведении наставников дзэн в разных житейских ситуациях.

Вот один из известных диалогов-мондо:

«Когда Бодхидхарма пришел в царство правителя У из южнокитайской династии Лян, тот спросил его:

- Что является первым принципом твоего учения?
- Безграничная пустота, а не святость, царь!
- Кто же тот, кто сидит передо мною?

И Бодхидхарма ответил:

- Я не знаю».

Вначале вопросы-коаны были частью диалогов-мондо, но постепенно они стали отдельным жанром. *Коан* – алогичный, парадоксальный, порой даже абсурдный вопрос. Приведем несколько примеров:

«Когда хлопают две ладони, возникает определенный звук. А каков звук хлопка одной ладони?»

«Все вещи можно свести к единому. А к чему сводится Единое?».

«Когда я перехожу мост, вода неподвижная, а мост движется».

«Вы весите над пропастью, зацепившись зубами за куст. В это время вас спрашивают: “В чем истина дзэн?”. Что вы ответите?».

«Монах спросил китайского мастера дзэн Дзёсю: “Имеет ли собака природу Будды?”. Дзёсю ответил: “Му”». Мумон, комментируя этот коан, говорит: «Чтобы осознать дзэн, нужно одолеть преграду патриархов. Просветление приходит всегда, когда путь мышления закрыт» [8, с. 126]. Мастер риндзай советует: «Если ты столкнешься с внутренними или внешними препятствиями, немедленно уничтожь их. Если ты встретишься с Буддой, убей его, если ты встретишься с Патриархом, убей его, убей всех их не колеблясь, ибо это единственный путь к освобождению. Не попадайся в ловушку ни одного объекта, но стань над ними, пройдя мимо, и будь свободен» [11, с. 145].

Коан – это, по мнению К. Хэмфрейса, способ вызвать «интеллектуальное банкротство». Сначала разум сосредотачивается на парадоксе. Это происходит до тех пор, пока не происходит взрыв, и после незначительной паузы происходит разрушение всех привязанностей Эго. Уникальность метода коана заключается в использовании самого разума для его же преодоления [11, с. 154]. Он призван отключить работу левого полушария, чтобы затем начало работать правое.

Наряду с коанами часто используются спонтанные, шоковые ситуации, которые должны уничтожить стереотипы мышления. С помощью серии расположенных в определенной последовательности коанов и других шокирующих ситуаций достигается сначала *перестройка сознания*, а затем сатори.

Соглашусь с мнением В. И. Самохваловой, что «идеальная дзэнская личность – это человек, освободившийся от субъективности восприятия, перестроивший свое мышление в сторону повышения активности невербальных, «беспонятийных» форм, очистивший сознание от привязанности к вещам, стереотипам, понятиям, избавившийся от противоречий, ибо на самом деле мир един в его нерасчлененности и невыразимости» [12, с. 85].

Именно поэтому основным методом психопрактики дзэн является *медитативное созерцание*, которое позволяет достичь такое состояние сознания, и которое существенно отличается от созерцательных практик других восточных мистических традиций. В чем заключается это принципиальное отличие? Конечно, некоторые виды созерцательной практики дзэн – *дзадзэн* («дзэнское сидение») напоминают буддийскую випассану и йогическую дхьяну. Но в отличие от последних, дзэн предлагает расширить сферу ее использования, перейдя от сидячей медитации к динамической. Учителя дзэн подчеркивают необходимость совершенствования первого сатори путем последующей тренировки, пока медитативный процесс не станет непрерывным. Рус Сасакаи уверен, что человек, который приобрел опыт в практике дзадзэн, не должен зависеть от того, находится ли он на своей подушке для сидения или активно вовлечен в какую-то деятельность [13, с. 112, 116].

В то время как в большинстве направлений йоги и буддизма преимущественно практикуется статичное созерцание, *дзэн всю жизнь превращает в медитацию*. Она практикуется во время хождения, трудовой деятельности, во всех видах творчества. Именно поэтому монастыри дзэн скорее напоминают поселения для сельскохозяйственных рабочих, а не уединенные места для созерцания. Большое значение отводится физическому труду, который объединяет созерцание с интенсивными физическими и психическими нагрузками. Здесь не отдается предпочтение суровой аскетической практике или уединению, а, напротив, активно пропагандируются занятия земледелием, литературой, живописью, каллиграфией и даже боевыми искусствами. Как известно, школа боевых искусств монастыря Шаолинь по традиции берет свое начало от самого Бодхидхармы, родоначальника дзэн. В традиционном сознании японского общества утвердился образ совершенного человека, который является одновременно универсально-образованным и не привязанным ни к чему. Не приветствуется жесткая профессионализация [14, с. 44, 46]. Напротив, человеку предлагается освоить самые разнообразные формы деятельности – искусство, поэзия, наука, политика – чтобы максимально раскрыть свой творческий потенциал.

Дзэн-буддизм предлагает не просто созерцать реальность, но осознанно ее переживать, «вживаться» в объект, уничтожая в пробужденном состоянии субъектно-объектные отношения. Утверждается, что сама природа сознания – это постоянное присутствие [15, с. 41, 42]. Можно сказать, что дзэн стремится к пробуждению не путем отстранения от реальности, но через *служение* ей. Утверждается, что истина открывается только тому человеку, который существует *здесь и сейчас*. Глубина озарения зависит от того, насколько *самозабвенно* человек способен отдаться реальности, раствориться в ней путем отбрасывания собственного Эго. Известный коан – «Перед просветлением я рубил дрова и носил воду. После просветления я тоже рублю дрова и ношу воду» - следует понимать в контексте трех основных этапов мистической практики дзэн: во-первых, стремление к просветлению, во-вторых, непосредственно само просветление, и, в-третьих, жизнь в просветленном состоянии. Жизнь продолжается, она идет своим чередом, но всё в ней происходит с новой степенью осознанности.

Как отмечает А. В. Поповкин, в буддо-даосских традициях «основной формой познания становится *переживание*, причем с акцентом именно на его процессуальности». Именно поэтому основным методом познания являются психосоматические практики, а теоретические положения выполняют вспомогательную функцию [15, с. 49].

Подчеркну, что психопрактика дзэн обладает мощным лечебно-терапевтическим эффектом, который может и должен быть использован в современной жизни. Стремительный темп жизни, с которым трудом справляется современный человек, и который стал причиной возрастания смертности

населения от сердечно-сосудистых заболеваний, заставляет искать не медикаментозные способы лечения.

Во-первых, для нас важна такая особенность медитации как переключение сознания человека на переживание «здесь и сейчас», снятие оценочно-критического мышления и прерывание потока сумбурных мыслей. Всё это способствует максимальному расслаблению организма и отключению всех внешних раздражителей. Во-вторых, возрастающие под влиянием медитации осознанность и концентрация внимания на конкретной задаче позволяют максимально эффективно справиться с творческой задачей. Именно поэтому психопрактика дзэн способствует пробуждению творческих способностей человека. Медитация помогает обнаружить такие способности организма, которые в обычном состоянии подавлены. Дзэнский тренинг активизирует правое полушарие, которое у многих людей подавлено, и, в целом, гармонизирует работу мозга [12, с. 96, 102]. Во-вторых, дзэн учит человека работать со своей энергией, собирая ее и концентрируя в *тандэне* или *хара*. Этот энергетический центр может рассматриваться как аналог индийской пупочной чакры (индуистский и буддистский тантризм) и даосского даньтяня. Согласно мистических учений Востока, нижний тандэн (даньтянь, хара) является важнейшим центром энергии, из которого накопленная энергия поднимается в верхние центры, способствуя не только психическому очищению и пробуждению сознания, но также оказывая мощное оздоровительное воздействие на весь организм. При этом учитываются и позы тела, и дыхательные практики, и медитация. С моей точки зрения, опыт мистических учений, и, в том числе опыт дзэн-буддизма, является эффективным средством в борьбе с проблемами современного цивилизованного человечества.

Подобно другим направлениям махаяны, медитативное созерцание в дзэн-буддизме настолько тесно сливается с методами *психосоматических упражнений* и *дисциплинарным аскетизмом*, что их очень сложно отделить друг от друга. Важной особенностью дзэнской психопрактики является включение в нее смеха как одной из форм медитации. Как отмечает Е. С. Сафронова [16], смеховая дзэнская традиция призвана снять оппозицию священного и профанного, при этом профанный «низ» имеет даже большее значение, чем священный «верх». Мастер имеет полное право смеяться над всем, низвергать и поносить, и будд, и патриархов, вытесняя их дохлыми кошками, лягушками, куском засохшего дерьма и прочим. Этот смех приобретает форму самого «животного» и плотского, идет, что называется, «от живота» (хара) – центра духовной силы.

Нерасчлененность, недвойственность, целостность проявляется на всех уровнях дзэнского мировосприятия и психопрактики, что еще раз подчеркивает принципиальный холизм, отличающий эту мистическую традицию от всех других.

Список литературы

1. Жиртуева, Н. С. Проблема сущности мистического феномена в научных исследованиях / Н. С. Жиртуева // Парадигмы истории и общественного развития. – 2016. – № 1. – С. 13 – 20.
2. Жиртуева, Н. С. Типология универсальных и индивидуальных особенностей мистических традиций мира / Н. С. Жиртуева // Вопросы философии. – 2016. - № 4. - С. 60 – 69.
3. Жиртуева, Н. С. Типология мистических традиций и методов мистической психопрактики / Н. С. Жиртуева // Вопросы философии. – 2015. - № 9. - С. 201 – 210.
4. Щербатской, Ф. И. Концепция буддийской нирваны / Ф. И. Щербатской // Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры (Киев) : сайт. – URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/shchb02/index.htm> (дата обращения 28.06.2018).
5. Розенберг, О. О. Труды по буддизму / О. О. Розенберг. – М.: Наука, 1991. – 294,[1] с.
6. Религии Китая: хрестоматия / [сост. Е. А. Торчинов]. – СПб.: Евразия, 2001. – 512 с.
7. Судзуки, Д. Т. Введение в дзен-буддизм / Д. Т. Судзуки. // Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры (Киев): сайт. – URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/sudzd01/index.htm> (дата обращения 28.06.2018).
8. Плоть и кости Дзэн. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 416 с.
9. Сафронова, Е. С. Основные направления распространения дзэн-буддизма в странах Запада / Е. С. Сафронова // Вопросы научного атеизма: Мистицизм: проблемы анализа и критики / [Под ред. В. И. Гараджа]. – М.: Мысль, 1989. – С. 147-166.
10. Бубер, М. Хасидские предания. Первые наставники / М. Бубер; [ред. и пер. П. С. Гуревича и С. Я. Левит]. – М.: Республика, 1997. – 335 с.
11. Хемфрейс, К. Концентрация и медитация / К. Хемфрейс // Хемфрейс К. Концентрация и медитация. Тулку Т. Ринпоче. Жест равновесия. – Киев: «REFL-book», 1994. – С. 7–167.

12. Самохвалова, В. И. Психотренинг в дзэнских искусствах как отражение космологии дзэн / В. И. Самохвалова // Ориентиры. Вып. 1. / [отв. ред. Т. Б. Любимова]. – М.: ИФ РАН, 2001. – С. 84 – 104.
13. Голмен, Д. Многообразие медитативного опыта. От Каббалы до трансмедитации / Д. Голмен; [пер. с англ.] – Киев: «София», 1993. – 137 с.
14. Штейнер, Е. С. О личности, преимущественно в Японии и Китае, хотя, строго говоря, в Японии и Китае личности не было / Е. С. Штейнер // «Одиссей». Человек в истории. Личность и общество. 1990: сборник / отв. ред. А. Я. Гуревич. – М., 1990. – С. 38–47.
15. Поповкин, А. В. К осмыслению опыта мистической интуиции в традициях восточной метафизики и русского интуитивизма / А. В. Поповкин // Религиоведение. – 2005. – №1. – С. 38–51.
16. Сафронова, Е.С. Дзэнский смех как отражение архаического земледельческого праздника // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. – С. 68-78.

Статья поступила в редакцию 25.05.2018

Zhirtueva, N. S. *Zen Buddhism in the Context of Comparative Analysis of Mystical Traditions of the World*

The comparative analysis of Zen Buddhism **is realized in the article**. The author comes to the conclusion that Zen Buddhism is an immanent (non-theistic) holistic mystical tradition and affirms the ontological unity of the world as the Whole existing by the principle “one in all, all in one”. Zen psycho-practice combines methods of meditative contemplation of the Absolute (zazen, koan, mondo, roku), psychosomatic exercises and disciplinary asceticism. Psycho-practices are aimed at experiencing the moment “here and now” revealing the creative potential of a person and working with energy centers, which has a powerful therapeutic effect. The result of psycho-practices is the awakened state of consciousness (satori).

Key words: immanent mysticism, the Absolute, egocentric consciousness, enlightened consciousness, holism, meditative contemplation, psycho-practice.

УДК 355.124:94(470)"1855/1871"

Статья охватывает пятнадцатилетний период от окончания Крымской войны до заключения Лондонской конвенции 1871 года. Российская империя в это время не имела права держать военный флот в Чёрном море, военно-морские базы и арсеналы на его берегах. При этом государство должно было обеспечить безопасность прибрежных территорий, пассажирских перевозок и доставки грузов, борьбу с контрабандой. Важнейшая роль в решении этих сложных задач отводилась небольшой Черноморской флотилии, личный состав которой комплектовался из опытных моряков, закалённых в сражениях на море и на суше.

Ключевые слова: Александр Второй, Великий князь Константин Николаевич, Крымская война, Парижский договор 1856 года, Черноморская флотилия, Российское общество пароходства и торговли, Севастополь, Николаев, Николай Фёдорович Метлин, Богдан Александрович Глазенап, Лондонская конвенция 1871 года.

В. В. Коваленко, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: cowalenco.vitalij@yandex.ru

ОТ ПАРИЖСКОГО ТРАКТАТА ДО ЛОНДОНСКОЙ КОНВЕНЦИИ: ЧЕРНОМОРСКАЯ ФЛОТИЛИЯ В 1856-1870 ГОДАХ

Первая длительная поездка по России её нового императора Александра II, предпринятая осенью 1855 года, была к Чёрному морю. Здесь уже год безраздельно господствовал флот противников России в Крымской войне. Русские войска к этому времени оставили Южную сторону Севастополя, превращённую за время осады в груды развалин. Союзники контролировали города Евпаторию и Керчь, совершали рейды в Азовское море, подвергая бомбардировкам населённые пункты, уничтожая запасы продовольствия и фуража.

Опасность нависла над Николаевом, который стал главной базой Черноморского флота после оставления Севастополя. 4 (16) октября англо-французская эскадра в числе 90 вымпелов подошла к Кинбурну, гарнизон которого, состоящий из новобранцев, многократно уступал в живой силе и артиллерии противнику. Крепость была атакована одновременно с моря и суши и принуждена к сдаче. После взятия Кинбурна союзники попытались прорваться к Николаеву. Однако, попав под огонь береговых батарей и обнаружив в Днепро-Бугском лимане минные поля, англо-французский флот вернулся в Севастополь.

В конце октября в Бахчисарай, где находился штаб Крымской армии, прибыл из Николаева Александр II. Затем в продолжение четырёх дней он осматривал войска и укрепления, воздвигнутые на Северной стороне. По прибытии в Севастополь император приветствовал город земным поклоном. Скорбная картина открылась перед ним при виде Ахтиарской бухты: торчавшие из воды мачты затопленных линейных кораблей, остатки взорванных пароходов, разрушенные и обугленные руины Южной стороны. В официальных документах того времени отмечалось, что «Севастополь, - эта бывшая морская столица нашего юга, представлял в 1855 году из себя уже груды развалин. Крымская война, обрушившаяся всюю тяжестью на Севастополь, превратила этот многострадальный город, после беспримерной геройской его обороны, в город могил, из которых одною для судов черноморского Флота послужила обширная бухта его порта» [9, с. 280].

По возвращении в столицу, император получил донесение о взятии русскими войсками Карса. Падение этой крепости открывало путь в Малую Азию и перспективу на относительно достойные для России условия прекращения войны. Согласно статьям III и IV Парижского мирного договора, подписанного 18 (30) марта 1856 года, стороны возвращали занятые в ходе военных действий территории. Наиболее тяжёлыми для России были положения, согласно которым она лишалась права иметь военно-морской флот на Чёрном море, равно как и военно-морские базы на его берегах. В Статье

XIV договора говорилось, что между императором и султаном «заключена особая конвенция, определяющая число и силы лёгких судов, которые они предоставляют себе содержать в Чёрном море» [7, с. 315]. Она предусматривала наличие у России и Турции по шести паровых судов в 50 метров длины по ватерлинии, вместительностью не свыше 800 тонн и по четыре лёгких паровых или парусных судна, вместительностью не более 200 тонн в каждом [7, с. 329-330]. По договорённости за пределами конвенции дозволялось иметь также 9 боевых транспортов [8, с. 437].

Крымская война 1853-1856 годов со всей очевидностью показала, что Россия, застывшая в своём развитии, остро нуждалась в глубоких преобразованиях всех сфер общественной жизни. Это осознал Александр II, вошедший в историю государства как «царь-реформатор». В число ближайших соратников императора входил его младший брат - великий князь Константин Николаевич, назначенный Главным начальником флота и Морского ведомства. В продолжение четверти столетия под общим его руководством произошли существенные перемены в управлении Морским ведомством, в личном и корабельном составе флота. Особого внимания требовали вопросы обеспечения безопасности страны на Чёрном море. Военного флота как такового у России здесь не осталось.

В документах того времени совокупные Морские силы в регионе после Крымской войны постепенно стали именоваться Черноморской флотилией [18, с. 80]. Они подчинялись старшему Морскому начальнику в Чёрном море, официально именовавшимся заведующим Морской частью в Николаеве. Первым занимал эту должность вице-адмирал Николай Фёдорович Метлин, принимавший «самое деятельное и полезное участие в грозные дни Севастопольской обороны» [19, с. 359]. Он родился в 1804 году в старинной дворянской семье в Воронежской губернии. В 1818 году был определён в Морской корпус, по окончании которого служил на Балтике. Переведённый на Черноморский флот, отличился в русско-турецкой войне 1828-1829 годов. В дальнейшем, командуя различными кораблями, плавал по Архипелагу, Чёрному, Мраморному и Средиземному морям, участвовал в боевых операциях в ходе Кавказской войны. В декабре 1849 года произведён в контр-адмиралы.

Адмирал Метлин был известен на флоте как неподкупно честный человек, хороший администратор и организатор. Благодаря этим качествам в 1851 году получил назначение обер-интендантом Черноморского флота и портов. После гибели вице-адмирала В. А. Корнилова занял должность начальника штаба Черноморского флота с сохранением прежних обязанностей. 13 апреля 1855 года Н. Ф. Метлин был произведён в чин вице-адмирала, а 26 сентября этого же года назначен заведующим морской частью в Николаеве и Николаевским военным губернатором с правами главного командира Черноморского флота [12, с. 571-572].

Уже в январе 1856 года вице-адмирал Н.Ф. Метлин убыл в столицу, где вскоре стал членом Адмиралтейств-Совета и управляющим Морским министерством России. Под его руководством были совершены подготовительные работы по осуществлению коренного преобразования этого ведомства. В 1860 году Н. Ф. Метлин сдал управление Морским министерством адмиралу Николаю Карловичу Краббе. Произведённый в полные адмиралы, стал членом Государственного Совета. Удостоенный практически всех наград Российской империи, вплоть до высшей - ордена Св. Апостола Андрея Первозванного, Н. Ф. Метлин скончался 15 ноября 1884 года. Похоронен в Санкт-Петербурге в Новодевичьем монастыре [19, с. 363].

С января по сентябрь 1856 года должность заведующего морской частью в Николаеве, военного губернатора Николаева и Севастополя занимал вице-адмирал Александр Иванович Панфилов [13, с. 13]. После окончания Морского кадетского корпуса в 1824 году служил в Балтийском флоте. С 1828 по 1830 годы крейсировал в Архипелаге на корвете «Наварин» под командованием капитан-лейтенанта П. С. Нахимова. Вслед за своим командиром в 1834 году переведён по собственному желанию на Черноморский флот, где прошёл путь от лейтенанта до адмирала. В должности командира 1 бригады 4 флотской дивизии А. И. Панфилов принимал участие в сражении при Синопе. С началом обороны Севастополя был назначен начальником 3-го отделения оборонительной линии. С 29 июня 1855 года исправлял должность командира Севастопольской порта и помощника начальника гарнизона. 27 июля произведён в вице-адмиралы. После оставления Южной стороны назначен начальником сухопутных и морских войск и всех укреплений, расположенных на Северной стороне Севастопольской бухты [13, с. 12-13].

В должности заведующего морской частью в Николаеве вице-адмиралу А. И. Панфилову пришлось принимать трудные решения по реализации ограничительных статей Парижского договора 1856 года. С начала Крымской войны и до заключения мира из судового состава Черноморского флота было исключено 93 судна. Из этого числа: 16 линейных кораблей (из них 15 затоплены и 1 разобран на блиндажи); 8 фрегатов (6 затоплены, 1 сторел от разрыва бомбы и 1 разобран на дрова); 8 пароходо-

фрегатов (все затоплены); 5 корветов (4 затоплены и один продан в Триесте); 10 бригов (7 затоплены, 1 утонул от пробоины, 2 проданы); 12 шхун, тендеров и яхт (9 затоплены, 2 затонули от пробоин, 1 шхуна уничтожена неприятелем в Таганроге); 10 малых пароходов (3 затоплены, 4 сожжены, 2 взорваны и 1 разбился); 20 транспортов (15 затоплены, 3 потонули от пробоин, 1 разобран на дрова и 1 уничтожен); 4 лоцманских судна (одно взято в плен, 2 затоплены и одно уничтожено неприятелем). От бывшего Черноморского флота в разных портах остались 12 небольших колёсных пароходов, 22 парусных судна и 37 гребных канонерских лодок [8, с. 419-420]. Практически все они не имели боевого значения.

Положением от 2 декабря 1857 года все паровые и прочие суда, несшие службу у кавказских берегов, были подчинены морскому начальству в Николаеве [8, с. 158]. Этим документом «определился круг деятельности Черноморской флотилии. Она вооружалась ежегодно для содержания военного крейсерства у восточных берегов Чёрного моря, для гидрографических работ, для доставления портам разных грузов и для перевозки сухопутных войск. От неё же ежегодно отделялось одно или два судна на станции в Галац, Константинополь и Пирей [8, с. 158].

У России на Чёрном море отсутствовали суда с паровыми машинами и водоизмещением до 800 тонн, дозволенные конвенцией с Турцией. Поэтому с Балтики летом 1856 года отправили шесть вновь построенных винтовых 11-ти пушечных корветов водоизмещением 885 тонн у каждого и мощностью машин в 200 номинальных лошадиных сил [24, с. 327-328]. Корабли были разделены на два отряда. В первый вошли корветы «Рысь», «Зубр» и «Удав». Отрядом командовал капитан 1 ранга Иван Фёдорович Лихачёв [10, с. 104], с 1844 года служивший на Черноморском флоте. С первого и до последнего дня обороны Севастополя состоял в гарнизоне города. 26 августа был контужен, после выздоровления назначен командующим 36 флотским экипажем. Во время перехода отряда с Балтийского моря в Чёрное имел брейд-вымпел на корвете «Удав» [15, с. 589].

Кораблями отряда командовали также опытные моряки-черноморцы. Капитан 2 ранга Лев Яковлевич Кульчицкий («Рысь») служил на Черноморском флоте с начала 1832 года [15, с. 496]. Капитан-лейтенант Николай Яковлевич Астапов («Зубр») – с 1842 года. Во время обороны Севастополя состоял в гарнизоне города на 3-м отделении оборонительной линии. Отличился особой храбростью во время многочисленных вылазок к позициям неприятеля. Был несколько раз ранен. Награждён орденами Св. Георгия и Св. Владимира 4-й степени [15, с. 140].

Капитан-лейтенант Иван Григорьевич Попандопуло («Удав») в 14 лет поступил гардемаринком в Черноморский флот. Во время Крымской войны в составе команды пароходофрегата «Владимир» участвовал в первом в истории морском бое паровых судов с турецким «Перваз-Бахри». И. Г. Попандопуло, командуя трофейным судном, привёл его в Севастополь. «Перваз-Бахри, переименованный в «Корнилов», был включён в корабельный состав Черноморского флота. Во время обороны Севастополя командовал «Парижской» батареей, затем 5-м бастионом. Во время бомбардировки города 11 октября получил тяжёлую контузию. Награждён золотой саблей с надписью «За храбрость». После выздоровления продолжил службу в гарнизоне Севастополя. Был награждён орденами Св. Анны и Св. Станислава 2 степени [16, с. 234].

Отряд капитана 1 ранга Лихачёва отправился из Кронштадта 13 июля 1856 года и уже 4 сентября вошёл в Чёрное море. Вечером 6 сентября корветы подошли к Севастополю. Из-за дождя и тумана, скрывших берег, а также затруднительности входа на рейд из-за затопленных судов, они продержались ночь в море под малыми парусами. В 9 часов утра 7 октября корветы стали на якорь против Севастопольской бухты [10, с. 110], откуда направились в Николаев.

Второй отряд, в составе корветов «Вепрь», «Волк» и «Буйвол», вышел из Кронштадта 28 августа [10, с. 112]. Возглавлял его капитан 1 ранга Анемподист Христофорович Винк, в 11 лет поступивший гардемаринком в Черноморский флот. В начале Крымской войны командовал линейным кораблём «Двенадцать апостолов», после затопления которого у входа в Севастопольскую бухту участвовал в обороне города. Был ранен и контужен. Награждён орденами Св. Владимира 4 степени и Святой Анны 2 степени. Во время перехода отряда в Чёрное море командовал корветом «Вепрь», на котором держал свой брейд-вымпел [16, с. 466].

Командирами остальных кораблей отряда также были опытные офицеры, ранее служившие на Черноморском флоте. Капитан 2 ранга Пётр Александрович Карпов («Волк») в начале Крымской войны служил на линейном корабле «Селафаил», после затопления которого состоял в гарнизоне Севастополя все 349 дней обороны города. Награждён орденом Св. Георгия 4 класса. Был последним командиром 4-й оборонительной линии. 27 августа, во время штурма французами Малахова курган, взят неприятелем в плен. Отказался вступить во Французский иностранный легион. На родину возвратился 13 марта 1856 года [15, с. 298].

Капитан-лейтенант Николай Павлович Макухин («Буйвол») с 13 лет служил гардемаринном на кораблях Черноморского флота. На линейном корабле «Париж» участвовал в Синопском сражении. Во время обороны Севастополя находился на севастопольском рейде на этом же корабле вплоть до затопления его 27 августа 1855 года. Во время перехода второго отряда Н. П. Макухин заболел и был оставлен во французском Бресте. По излечении прибыл в Николаев и получил назначение командиром 2-го Черноморского сводного экипажа [15, с. 629]. Новым командиром «Буйвола» после Макухина стал прибывший 1 ноября из Николаева капитан-лейтенант Николай Львович Добровольский. С апреля 1853 года он служил старшим адъютантом штаба Черноморского флота и портов. Отличился в бою пароходофрегата «Владимир» с «Перваз-Бахри», за что удостоен звания капитан-лейтенанта и ордена Св. Анны 3 степени [15, с. 56].

Переход второго отряда проходил в тяжёлых осенне-зимних условиях, и сопровождался остановками для проведения ремонта [11, с. 180, 189]. 15 апреля 1857 года корветы прибыли на одесский рейд, где задержались для ремонта одного из котлов «Буйвола». Через три дня, утром 18 апреля весь отряд бросил якорь на Николаевском рейде [10, с. 119-120]. Встречал его новый заведующий морской частью в Николаеве контр-адмирал Григорий Иванович Бутаков. С 1837 года он служил на Черноморском флоте. Был флаг-офицером при адмирале М. П. Лазарев, принимал участие в боевых действиях во время Кавказской войны. Командовал различными кораблями, в том числе пароходо-фрегатом «Владимир». После победы в бою с «Перваз-Бахри» награждён орденом Св. Георгия 4 степени. За отличие в Синопском сражении произведён в капитаны 2 ранга [14, с. 337].

С началом обороны Севастополя Г. И. Бутаков, командуя пароходо-фрегатом «Херсонес», принимал участие в отражении всех неприятельских штурмов. За проявленную личную инициативу и храбрость произведён в капитаны 1 ранга, пожалован флигель-адъютантом, награждён орденами св. Анны 2 степени, Св. Владимира 4 и 3 степени с мечами и бантом, золотым оружием «За храбрость». 26 августа 1856 года Г. И. Бутаков, не достигший 36 лет, был произведён в контр-адмиралы с назначением заведывающим морской частью в Николаеве и военным губернатором Николаева и Севастополя [14, с. 338].

Для Г. И. Бутакова было очевидным то, что прибывшие с Балтики корветы явно не годились для боевых действий. Спешно построенные из сырой сосны, они оказались весьма слабыми по корпусу и механизмам [10, с. 471]. Скорость хода кораблей под парами не достигала и 10 узлов из-за слабости машин. Уже по прибытии в Чёрное море корветы нуждались в замене более современными. Сделать это можно было как постройкой новых кораблей в Николаеве, так и закупкой их за границей. Но первое время из-за нехватки средств пришлось в основном ограничиться достройкой судов, находившихся на стапелях Николаевского адмиралтейства.

К концу войны здесь стояли 135-ти пушечные деревянные парусно-винтовые линейные корабли «Цесаревич» и «Синоп». Первый был спущен на воду в 1858 году, второй годом ранее. Оба корабля в декабре 1858 года, без артиллерии и предусмотренных проектом паровых машин, отправились под парусами из Чёрного моря в Балтийское [8, с. 471]. «Цесаревич», которым командовал участник Синопского боя капитан 1 ранга Кондратий Кондратьевич Штофреген [17, с. 370], и «Синоп» под командованием капитана 1 ранга Ивана Андреевича Ендогурова [15, с. 92], прибыли в Кронштадт летом 1859 года [10, с. 228, 231].

После ухода двух линейных кораблей на Балтику корабельный состав Черноморской флотилии ограничился 6 корветами, 9 шхунами, 2 транспортами, 7 пароходами и 5 яхтами [8, с. 158]. В Николаевском адмиралтействе находились небольшие деревянные суда - пароходофрегат «Тигр», корвет «Воин», шхуны «Дон» и «Салгир». «Тигр», построенный из дуба с частью сосны, длиной 62,8 м, водоизмещением 1974 тонны и машиной в 400 л.с., снятой с погибшего близ Одессы английского военного парохода «Tiger», был спущен на воду в октябре 1858 года [8, с. 472]. Поскольку судно не вписывалось в параметры, заданные русско-турецкой конвенцией, было Высочайше повелено не ставить на нём артиллерии, заделать обшивками пушечные порты и считать императорской яхтой [2, с. 18]. Командование кораблём принял участник обороны Севастополя лейтенант Иван Иосифович Дефабр [15, с. 43].

Не соответствовал ограничительным параметрам и «Воин», водоизмещением 1820 тонн и мощностью машин 250 л.с., также построенный из дуба с частью сосны [8, с. 472]. Поэтому, после спуска на воду в 1857 году, он был перекалассифицирован в транспорт [24, с. 329]. Шхуны «Дон» и «Салгир», водоизмещением в 350 тонн и мощностью машины в 50 л.с., спущенные на воду в 1857 году, несколько не соответствовавшие параметрам, заданным в конвенции, всё-таки были включены в состав Черноморской флотилии [24, с. 358]. В этом же 1857 году в Николаевском адмиралтействе заложили корветы «Сокол», «Ястреб» и «Кречет». Они строились из дуба с частью сосны почти по одинаковым

чертежам. Имели водоизмещение 1016 тонн, машины в 220 л.с. и от 9 до 11 орудий [8, с. 472]. Спущенные на воду в 1859-1860 годах, корветы включались в состав Черноморской флотилии постепенно, чтобы численность её не выходила за пределы квот, определяемых конвенцией.

Вскоре после окончания Крымской войны для военного флота России вновь стали привычными длительные дальние плавания. Начиная с 1857 года русская эскадра постоянно находилась и в Средиземном море. Корабельный состав её менялся раз в полгода-год. По мере возможностей, участие в дальних походах принимали и корабли Черноморской флотилии. За 1856-1870 годы они совершили 33 похода в Средиземное море, а также 32 захода в турецкие порты на Чёрном море и в устье Дуная [8, с. 193]. Наиболее длительные плавания в начале 1860-х годов выпали корвету «Сокол», которым командовал капитан-лейтенант Авраамий Богданович Асланбегов, участник обороны Севастополя, в будущем вице-адмирал [14, с. 135] и известный историк флота.

После ввода в строй корвет находился в распоряжении русского посланника в Константинополе. В начале 1861 года «Сокол» вошёл в состав эскадры контр-адмирала Ивана Алексеевича Шестакова, находившейся у берегов Сирии. 8 июня этого же года корабль вместе с фрегатом «Илья Муромец» отправился из Средиземного моря в Балтийское. Через два года «Сокол» под командованием А. Б. Асланбегова, уже произведённого в капитаны 2 ранга, вернулся с Балтики в Чёрное море и вновь вошёл в состав Черноморской флотилии [24, с. 328].

В составе эскадры контр-адмирала И. А. Шестакова в 1860 - 1862 годах находились и другие корабли Черноморской флотилии [11, с. 292, 295, 296], в том числе, корвет «Ястреб», под командованием капитан-лейтенанта Ивана Яковлевича Янушевского, во время обороны Севастополя командовавшего Вторым бастионом [17, с. 459], две однотипные парусно-винтовые шхуны «Псеузапе» - командир капитан-лейтенанта Владимир Петрович Шмидт, участник обороны Севастополя, награждённый золотой саблей с надписью «За храбрость» [17, с. 367-368], и «Туапсе» - командир Дмитрий Иванович Чайковский [17, с. 238]. Вооружение шхун составляло соответственно 4 и 3 пушки, водоизмещение 335 тонн, мощность машин 60 л.с. [24, с. 358].

В 1859 году винтовая шхуна «Абин» под командованием лейтенанта Александра Ксенофонтовича Христофорова [17, с. 221] производила магнитные наблюдения в российских портах Чёрного моря. Для продолжения этих работ у берегов Турции через Министерство иностранных дел было достигнуто соглашение с турецким правительством. Совместные наблюдения с мая 1860 года проводили парусно-винтовая шхуна «Соук-су» под командованием лейтенанта Владимира Ивановича Бутакова [14, с. 334] и турецкий корвет. Оба корабля вдоль берега Анатолии дошли до форта Св. Николая к северу от Батума, затем возвратились к берегам Румелии и работали там у острова Фидониси [8, с. 205-206]. После этого плавания лейтенант В. И. Бутаков был пожалован турецким орденом Меджидие 4 степени [14, с. 335].

С 1860 по 1871 годы главным командиром Николаевского порта и Николаевским военным губернатором был Богдан Александрович Глазенап, в 1861 году произведённый в вице-адмиралы, а в 1869 – в полные адмиралы [14, с. 587]. Уроженец Лифляндии, после окончания Морского кадетского корпуса служил на Балтийском флоте. Мичманом совершил кругосветное плавание на бриге «Сенявин». По возвращении служил в Генеральном штабе. Находился в плавании по Балтийскому морю на различных кораблях. Отличился в кампании против польских повстанцев. В 1837 году в чине капитан-лейтенанта сопровождал императора Николая I и императрицу Александру Фёдоровну на пароходе «Северная Звезда» из Одессы в Крым и к берегам Абхазии. В 1838 году назначен флигель-адъютантом.

В 1839 и 1840 годах капитан-лейтенант Б. А. Глазенап участвовал в боевых действиях против горцев Кавказа. В дальнейшем, командуя различными кораблями, плавал по Балтийскому, Северному и Средиземному морям. Состоял членом Морского учёного комитета, редактировал журнал «Морской сборник», исправлял должность директора Морского корпуса. В декабре 1852 года произведён в контр-адмиралы, в октябре 1857 года назначен главным командиром Архангельского порта и Архангельским военным губернатором [14, с. 583-587]. После назначения главным командиром Николаевского порта и Николаевским военным губернатором Б. А. Глазенапу пришлось решать сложные задачи при крайне ограниченных ресурсах, как военно-технических, так и материальных.

В январе 1863 года началось очередное польское восстание. В антироссийских кругах Европы возникла идея создания при поддержке Англии польского повстанческого флота на Чёрном море, в задачи которого входило бы уничтожение русских кораблей, а также перевозка польско-турецких отрядов и оружия на Кавказ [4, с. 221]. Для этой цели было даже закуплено несколько судов. Российское командование, своевременно получившее информацию об этой угрозе, направило к восточному побережью Чёрного моря два корвета под флагом младшего флагмана Черноморской

флотилии контр-адмирала Михаила Осиповича Дюгамеля [8, с. 158]. В течение лета и осени отряд нёс крейсерскую службу, охраняя побережье и торговое судоходство. В 1864 году под командованием М. О. Дюгамеля корветы участвовали в военных действиях у восточного берега Чёрного моря, которыми завершилась Кавказская война. Корабли Черноморской флотилии были задействованы в перевозке горцев, пожелавших переселиться в пределы Османской империи [8, с. 159].

В 1863 году в Николаеве были заложены одновинтовые корветы «Львица», водоизмещением 885 тонн и мощностью машины 411 л. с., и «Память Меркурия», водоизмещением 880 тонн и мощностью машины 382 л. с. [24, с. 328-329] Как и другие подобные суда ранее, они строились из дуба с частью сосны [8, с. с. 472]. Вошедшие в строй в 1866 году, корветы были включены по замене в состав Черноморской флотилии. На этом военное судостроение в Николаевском адмиралтействе прекратилось более чем на семь лет [5, с. 35].

Корвет «Львица» под командованием Ивана Иосифовича Дефабра, к этому времени капитана 2 ранга, был направлен к Кавказскому побережью [15, с. 44]. Корвет «Память Меркурия» под командованием капитана 2 ранга Михаила Ивановича Станиславского перешёл из Чёрного моря в Средиземное [16, с. 602], где вошёл в состав эскадры капитана 1 ранга, затем контр-адмирала Ивана Ивановича Бутакова. В состав этой же эскадры входили также небольшие суда из состава Черноморской флотилии - военный пароход «Тамань», водоизмещением 573 тонны и вооружённый двумя пушками [24, с. 342] под командованием капитан-лейтенанта Дмитрия Фёдоровича Юрьева [17, с. 435], и винтовая шхуна «Бомборы», водоизмещением 760 тонн, также имевшая на вооружении две пушки [24, с. 357]. Командовал последней капитан 2 ранга Евгений Григорьевич Банков. В «Общем морском списке» шхуна, которой он командовал, ошибочно названа «Богатырь» [14, с. 167].

Отряд И. И. Бутакова направился к острову Кандия (Крит), где в августе 1866 года началось антитурецкое восстание. Греческое население, составляющее подавляющее большинство жителей острова, стремилось освободиться от власти Османской империи. Турецкие войска, раздражённые неудачами в стычках с повстанцами, «начали вымещать свою досаду на мирных христианских жителях». Россия соблюдала нейтралитет, но «судам нашим, плававшим в Средиземном море, даны были инструкции содействовать перевозке кандиотских семейств в Грецию» [8, с. 235]. Вместе с другими кораблями эскадры, «Память Меркурия» и «Бомборы» доставляли беженцев в греческий порт Пирей, перевоза за один рейс более тысячи человек. Русские матросы делились с ними бельём, шили им рубашки, нянчились с детьми и вообще обнаружили столько добродушия в этом христианском деле, что заслужили удивление и благодарность не одних переселенцев, но и высших слоёв афинского общества [8, с. 237].

К лету 1868 года ситуация на острове несколько стабилизировалось. В августе на смену шхуне «Бомборы», вернувшейся в Николаев, прибыла парусно-винтовая шхуна «Туапсе», водоизмещением 285 тонн и мощностью машины в 60 л. с., вооружённая тремя пушками [24, с. 358]. Возглавлял экипаж капитан-лейтенант Николай Андрианович Шевяков, во время обороны Севастополя командовавший батареей на Пятом бастионе [17, с. 35]. Корвет «Память Меркурия» с конца июня до конца сентября под флагом командующего эскадрой перевозил между портами Средиземного моря супругу Константина Николаевича - великую княгиню Александру Иосифовну и его сыновей - великих князей Вячеслава и Константина Константиновичей. После исполнения этой миссии корвет вернулся в Николаев [10, с. 529]. Шхуна «Псезуапсе» вместе с балтийским клипером «Яхонт» участвовала в торжествах открытия Суэцкого канала. 8 ноября 1869 году в составе международной эскадры из более чем 40 вымпелов она прошла по нему в Красное море [8, с. 253].

В этом же 1869 году на Чёрном море проходило практическое плавание гардемарин Морского училища. Прибыв из Санкт-Петербурга сухопутным путём, они в октябре 1869 года вышли в море на корветах «Львица» и «Память Меркурия» под брейд-вымпелом командира отряда капитана 2 ранга Якова Матвеевича Дрешера [8, с. 159-160]. В ноябре корабли с гардемаринами перешли в Средиземное море, где находились всю зиму и заходили в Константинополь, Пирей, Мессину, Неаполь, Наварин, Сиру (Сирок). 27 марта 1870 года отряд возвратился в Севастополь [8, с. 254]. В зиму 1870 – 1871 годов «Память Меркурия» и «Львица» под командованием начальника отряда черноморских корветов капитана 1 ранга Григория Густавовича Майделя [15, с. 618] вновь плавали в Средиземном море с гардемаринами, возвратившись в апреле в Чёрное море [8, с. 256].

Точное соблюдение условий Парижского мирного договора ставило Российскую империю в крайне невыгодное положение с точки зрения защиты своих границ на Чёрном море. Франция и Англия могли по-прежнему держать свои эскадры в Средиземном море. Османская империя могла иметь в Архипелаге и проливах военно-морские силы в неограниченном количестве. При необходимости весь турецкий флот за сутки мог проследовать из Мраморного моря в Чёрное. Парижский трактат

провозглашал, что навсегда воспрещается военным судам, как прибрежных, так и всех прочих держав вход в Чёрное море.

Вместе с тем, оставалась в силе Лондонская конвенция о проливах 1841 года. Согласно этому документу, Босфор и Дарданеллы объявлялись закрытыми для военных судов всех стран в мирное время. Однако о режиме проливов во время войны в конвенции ничего не говорилось. В силу этого, Черноморское побережье России оставалось беззащитным в случае конфликта с любым государством, располагающим крупными военно-морскими силами в Средиземном море. Более того, противник практически беспрепятственно мог войти и во внутренние воды страны через Керченский пролив и Днепро-Бугский лиман. Существовавшие в тех местах береговые крепостные сооружения были не в состоянии обстреливать всю ширину водных проходов.

Для руководства России была очевидной возможность возобновления боевых действий на Чёрном море, так как причины, приведшие к Восточной войне, не были устранены. Поэтому, незадолго до подписания Парижского трактата 1856 года, когда его содержание в основном было согласовано, Великий князь Константин Николаевич представил императору Александру II доклад, в котором подчеркнул, что в «случае заключения мира было бы весьма полезно учредить на Чёрном море в самых больших размерах частное Пароходное общество на акциях, которое содержало бы постоянно сколь возможно большее число самых больших пароходов, построенных с таким расчётом, чтобы, когда понадобится, правительство могло нанять или купить их для перевозки десанта и обращения в боевые суда» [3, с. 106]. Предложение поддержал Александр II, утвердивший 3 августа 1856 года устав коммерческой судоходной компании Российское общество пароходства и торговли, сокращённо РОПиТ [23, с. 56].

В начале своей деятельности РОПиТ располагал четырьмя судами, в команды которых разрешено было включать морских офицеров. В конце 1857 года общество имело 17 пароходов, кроме того, строилось ещё десять. Через год оно располагало уже 35 пароходами. Были установлены четыре международные линии – из Одессы в Галац, Константинополь, Александрию и Марсель [6, с. 220]. Правительство выделило для общества участок земли в Севастополе неподалёку от Графской пристани на территории старого Адмиралтейства. Здесь находилось представительство РОПиТа, его пристань и контора корабельного смотрителя. В марте 1858 года общество получило от Морского ведомства территорию Лазаревского адмиралтейства с правом безвозмездно использовать сохранившиеся фундаменты и находившийся на территории заготовленный камень [1, с. 203].

Александр II ещё в октябре 1856 года распорядился, «чтоб Севастополь оставался по-прежнему военным портом и в ведении морского начальства...» [21, с. 54]. Размещение учреждений РОПиТ в разрушенном городе позволяло принимать меры по достижению этой цели, формально не нарушая ограничительных статей Парижского договора. Прежде всего необходимо было расчистить севастопольские бухты от десятков затопленных в них судов. Основные обязанности по решению этой задачи были возложены на участника обороны Севастополя контр-адмирала Павла Матвеевича Юхарина [13, с. 566].

Уже в 1856 году к подъёму судов приступили специалисты, прибывшие из Николаева. Пока они поднимали небольшие суда, дела шли успешно. Павел Матвеевич Юхарин в том же году был даже награждён бриллиантовым перстнем за труды по поднятию из воды судов в Севастополе [13, с. 566]. Вскоре, однако, выяснилось, что подъем больших кораблей оказался не под силу - не хватало специального водолазного оборудования. Пришлось обращаться к предпринимателям, отечественным и зарубежным. В итоге очистка севастопольских бухт затянулась более чем на десять лет [9, с. 283-284].

Постепенно оживало Лазаревское адмиралтейство. 7 марта 1861 года в новом эллинге был поставлен пароход «Митридат» для ремонта и окраски подводной части. До конца года отремонтировали ещё 22 паровых судна. В 1868 году произошло знаменательное событие - началось строительство шхуны водоизмещением 250 тонн с железным корпусом и двумя паровыми машинами. Через год судно с символическим именем «Первенец» спустили на воду [1, с. 203-204].

Черноморская флотилия, сформированная в соответствии с ограничительными статьями Парижского договора, утратила всякое военное значение к середине 1860-х годов в связи с появлением броненосных судов в Османской империи. В нарушение конвенции три турецких броненосца прошли по Чёрному морю и расположились в устье Дуная. Затем Турция приступила к постройке ещё семи подобных судов. Входившие в состав Черноморской флотилии корветы, построенные из дерева и лишённые брони, были совершенно беззащитны перед самым слабым турецким броненосцем [8, с. 569-570].

В 1869 году Особое совещание под председательством Великого князя Константина Николаевича рассмотрело вопрос «безотлагательной постройки на юге России броненосных судов для защиты побережий Чёрного моря». На основании предложений, выработанных на совещании, император Александр II повелел приступить к постройке четырёх броненосных судов для укрепления обороны в Керченском проливе и Днепро-Бугском лимане [8, с. 570-571].

К этому времени радикально изменилась политическая ситуация в Европе. Франция потерпела сокрушительное поражение от Пруссии, её армия капитулировала под Седаном, а император Наполеон III оказался в плену. В Париже начались волнения, которые привели к падению монархии и провозглашению республики. Завершалось объединение Италии и Германии. 19/31 октября 1870 года министр иностранных дел А. М. Горчаков направил Циркулярную депешу представителям России при дворах держав, подписавших Парижский трактат. В начале документа указывалось на систематические нарушения его статей европейскими державами [20, с. 103]. Далее говорилось о том, что неоднократно, под разными предлогами был открываем проход через проливы для иностранных военных судов, и в Чёрное море были впускаемы целые эскадры, присутствие которых было посягательством против присвоенного этим водам полного нейтралитета. Более того, изобретение броненосных судов, неизвестных и неимевшихся в виду при заключении трактата 1856 года, увеличивало для России опасности в случае войны, значительно усиливая уже весьма явное неравенство относительно морских сил [20, с. с. 105].

Российским дипломатам предписывалось довести до сведения «правительства, при котором вы уполномочены. По отношению к праву, наш Августейший Государь не может допустить, чтобы трактаты, нарушенные во многих существенных и общих статьях своих, оставались обязательными по тем статьям, которые касаются прямых интересов его империи... Его Императорское Величество не может более считать себя связанным обязательствами трактата 18-го марта 1856 года, насколько они ограничивают его верховные права в Чёрном море» [20, с. 106].

Циркуляр Горчакова был негативно встречен большинством европейских держав. Особенно бурную реакцию он вызвал в Англии, угрожавшей даже объявлением войны. Но, в итоге, проблему удалось решить дипломатическими средствами. В январе 1871 года в Лондоне открылась конференция. После долгих прений, странами-участницами 20 февраля была подписана конвенция [20, с. 107-110]. Она подтвердила принцип закрытия Дарданелл и Босфора для иностранных военных кораблей с правом султана делать исключение для дружественных и союзных держав. Лондонская конвенция отменяла статьи Парижского трактата, ограничивавшие число военных судов, которые Россия и Турция имели право содержать в Чёрном море, а также возможность возводить укрепления по его берегам. Суверенные права России на Чёрном море были восстановлены. Наступало время возрождения Черноморского флота и Севастополя как его главной базы.

Список литературы

1. Алтабаева, Е. Потомству в пример. Севастополь от основания до начала XX века. / Е. Алтабаева, В. Коваленко. - Симферополь: Таврида, 1999. – 286 с.
2. Артамонов, А. Госдачи Крыма. История создания правительственных резиденций и домов отдыха в Крыму. Правда и вымысел / А. Артамонов. – М. : Центрполиграф, 2015. – 448 с.
3. Барышников, М. Н. Русское общество пароходства и торговли: учреждение, функционирование, перспективы развития (1856–1864 гг.) / М. Н. Барышников // TERRA ECONOMICUS. - 2015 – Т. 13. - № 2. – С. 106 - 130.
4. Дегоев, В. В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х гг. XIX в.: Монография / Под ред. Н. С. Киняпиной. - Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992. - 312 с.
5. Зубов, Б. Н. Развитие кораблестроения на юге России / Б. Н. Зубов. - Калининград: Калининградское книжное издательство, 1990. - 383 с.
6. История города-героя Севастополя / Отв. ред. д-р ист. наук С. Ф. Найда. — Киев : Изд-во Акад. наук УССР, 1960. — 366 с.
7. Мартенс, Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами: [В 15-ти т.] / / По поручению Министерства Иностранных дел составил Ф. Мартенс. - СПб. : Тип. М-ва Путей Сообщения (А. Бенке), 1874 - 1909. - Т. 15 : Трактаты с Францией. 1822-1905. - 1909. - [5], XIV, 836 с.
8. Обзор деятельности Морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича. 1855-1880 / Сост. на основании офиц. сведений под руководством члена адмиралтейств-совета тайного советника К. А. Манна. - Санкт-Петербург: печатано в типографии Морского министерства, 1880. - Ч. 1. - XXIII, 592 с.

9. Обзор деятельности Морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича. 1855-1880 / сост. на основании офиц. сведений под руководством члена адмиралтейств-совета тайного советника К. А. Манна. - Санкт-Петербург : печатано в типографии Морского министерства, 1880. Ч. 2, XI. – 995 с.
10. Обзор заграничных плаваний судов Русского военного флота с 1850 по 1868 год. - СПб. : Тип. Морского Мин-ва, 1871-1873. Т. 1. - 1871. - [2], VI, 701 с.
11. Обзор заграничных плаваний судов Русского военного флота с 1850 по 1868 год. - СПб. : Тип. Морского Мин-ва, 1871-1873. Т. 2. - 1871. - [2], XX, 751, [1] с.
12. Общий морской список. Ч.7. Царствование Александра 1. Д-О.. - Санктпетербург : Печатан в Морской типографии, 1893. - 674 с.
13. Общий морской список. Ч.8. Царствование Александра 1. П-Ф.. - Санктпетербург : Печатан в Морской типографии, 1894. - 654 с.
14. Общий морской список. Ч. 9. Царствование Александра 2. А-Г. [Текст]. - Санктпетербург : Печатан в Морской типографии, 1907. - 694 с.
15. Общий морской список. Ч.10. Царствование Николая 1. Д-М. [Текст]. - Санктпетербург : Печатан в Морской типографии, 1898. - 768 с.
16. Общий морской список. Ч. 11. Царствование Николая 1. П-С. [Текст]. - Санктпетербург : Печатан в Морской типографии, 1900. - 690 с.
17. Общий морской список. Ч. 12. Царствование Николая 1. Т-Ю. [Текст]. - Санктпетербург : Печатан в Морской типографии, 1900. - 524 с.
18. Отчёт по Морскому министерству за 1859 г. – Санктпетербург : В типографии Морского министерства, 1860. – 258 с.
19. Ридингер, Н. Адмирал Николай Фёдорович Метлин / Н. Ридингер // Русская старина. – Т. XLVIII. – С. 359 – 363.
20. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / Под ред. Е. Адамова, сост. И. Козьменко. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. — 464 с.
21. Севастополю 200 лет 1783-1983. Сборник документов и материалов / Сост. Г. И. Ванеев, И. П. Кондранов и др.: Киев, Наукова Думка, 1983. - 416 с.
22. Татищев, С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. / С. С. Татищев. Т. 1. - СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. - 554 с.
23. Устав Русского Общества Пароходства и Торговли // Морской сборник. — 1856. — № 12. — С. 56 –82.
24. Широкоград, А. Б. 200 лет парусного флота России / Под ред. А. Б. Васильева. - 2-е изд. — М.: «Вече», 2007. – 448 с.

Статья поступила в редакцию 15.05.2018

Kovalenko, V. V. *From the Parisian Treatise to the London Convention: The Black Sea Flotilla in 1856-1870.*

The article covers the fifteen-year period from the end of the Crimean war to the conclusion of the London convention of 1871. At that time, the Russian Empire had no right to keep military fleet in the Black Sea, naval bases and arsenals on its coast, while having to ensure safety of coastal territories, passenger traffic and delivery of freights and fight against smuggling. The major part in the solution of these complex challenges was assigned to the small Black Sea flotilla the personnel of which was made up of experienced sailors seasoned in battles at sea and on land.

Keywords: Alexander the Second, Grand duke Konstantin Nikolaevich, Crimean war, Parisian Treatise of 1856, Black Sea flotilla, Russian Steam Navigation and Trading Company, Sevastopol, Nikolaev, Nikolay Fyodorovich Metlin, Bogdan Aleksandrovich Glazenap, London convention of 1871.

УДК 94«1771/1779»+908(470)

В статье проводится анализ расположения русских войск на территории юго-западного Крыма в 1771-1779 годы. На основании документов из фондов Второй армии для периода 1771-1776 гг. можно констатировать два основных места дислокации – Балаклава с прилегающими деревнями и Бельбек. Здесь были расположены соответственно Воронежский и роты Рязского пехотных полков. На втором этапе (1776-1779 гг.) к указанным местам расположения войск добавляются Ахтиарская бухта и Инкерман. Присутствие войск помимо основной военной функции объективно способствовало знакомству со спецификой региона.

Ключевые слова: русская армия, Брянский полк, Балаклава, Бельбек, Ахтиар, Прозоровский.

С. Н. Осиповский, доцент, к. полит. н.

Севастопольский государственный университет

E-mail: simosip@gmail.com

С. В. Иванов, магистрант

Севастопольский государственный университет

РАСПОЛОЖЕНИЕ ВОЙСК РУССКОЙ АРМИИ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ В 1770-Е ГОДЫ

В изучении событий русско-турецкой войны 1768-1774 годов традиционно основное внимание уделялось действиям на Дунае. События на Крымском театре военных действий были «оттеснены на задний план и оставлены без должного описания и исследования» [11, с. 4]. По сути, первой серьезной работой, посвященной событиям в Крыму, является изданная в 2016 году научно-популярная монография А. В. Мальгина «Покорение Крыма» 1768-1774» [11]. В этой связи приходится констатировать недостаточное внимание, и, как следствие, малую степень изученности событий, происходившим на месте основания будущего Севастополя в начале 1770-х годов. Несколько лучше ситуация обстоит с периодом конца 70-х годов, поскольку непосредственное участие здесь принимал А. В. Суворов, внимание к деятельности которого в отечественной историографии нельзя считать недостаточным.

Описание занятия русскими войсками юго-западного Крыма достаточно фрагментарно и значительно отличается в исторической литературе. В одной из первых работ, посвященных русско-турецким войнам, [2, с. 69], весьма кратко отмечалось, что после успешного занятия второй армией под руководством В. М. Долгорукова Крыма в июне-июле 1771 года, «русская армия, обеспечив спокойствие полуострова оставлением в оном своих гарнизонов, возвратилась в Украину». «Корпус, занимавший Крым», отмечается Бутурлиным в 1773 году [2, с. 90], и в 1774 году в связи с отражением десанта под Алуштой [2, с. 104].

Несколько более подробно ситуация описана в одном из трех изданных выпусках «Журнала военных действий Ея императорского величества» (за 1771 год, издан в 1773 году). В сообщении за 3 июля 1771 года помещено сообщение о распоряжении В. М. Долгорукова генерал-майору князю Прозоровскому занять Балаклаву и Акмечеть. 19 июля командующий 2-ой армией получает рапорт от Прозоровского о занятии Балаклавы 16 числа отправленным для этого генерал-майором Чарторижским. По этому рапорту Балаклава «окружена превеликими каменными горами», что лишает ее возможности «доставлять туда через сии горы потребное войскам пропитание» [9].

В пятитомной работе А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769-1774 год» также весьма лаконично указывается на занятие «небольшими отрядами ...Ялты, Балаклавы, Бахчисарая и Судак» в 1771 году [12, с. 190]. Дальнейшее описание участия русских войск на полуострове связано с событиями под Алуштой в 1774 году.

В работе советского военного историка Л. Г. Бескровного отмечалось, что согласно плану, составленному З. Чернышевым, после захвата основных стратегических пунктов (Кафа, Керчь - Еникале, Козлов) «Долгоруков очистил от татар Судак, Ялту, Балаклаву и Ахтиар, где разместились русские гарнизоны» [1, с. 492]. Отметим, что Ахтиар до этого ни разу не упоминался в источниках и работах дореволюционных историков как место размещения гарнизона. Достаточно странным выглядит также тезис Бескровного об эффективности действий Азовского флота в 1773 году, после которых «турки ни разу не пытались высаживать десанты в Крыму или на Черноморском побережье» [1, с. 502]. При описании военных действий 1774 года указания на турецкий десант под Алуштой у указанного автора нет.

Наиболее полное описание участия русских войск в Крыму, и, в частности, в юго-западной его части в первой половине 1770-х годов, можно встретить в «Журнале генерал-фельдмаршала князя А. А. Прозоровского (1769-1776)», впервые опубликованном в 2004 году [8]. Здесь можно увидеть

значительное количество фактов, дополняющих и расширяющих наше представление об этих событиях. В «Журнале» Прозоровского не совпадают с «Журналом военных действий» некоторые даты описываемых событий.

Следует подчеркнуть, что не все имеющиеся источники по данной теме были введены в научный оборот. В фонде Поповых, находящемся в Государственном архиве республики Крым, содержится весьма интересный комплекс документов, относящихся ко Второй армии, и, в частности, к событиям в юго-восточном Крыму. Представляется возможным, опираясь на все имеющиеся источники, расширить наше представление о событиях 70-х годов XVIII века в районе юго-западного Крыма.

Распоряжение об установлении контроля над Балаклавой и Бельбеком (этот пункт не встречался в исторической литературе) было издано 10 июля Долгоруковым по представлению Прозоровского «яко имеющие пристани» [8, с. 407]. Военный отряд под командой последнего состоял из двух полков гусар, Борисоглебского драгунского полка, Донецкого пикинерного, трех Донских казачьих полков и четырех батальонов пехоты. Получив 13 июля повеление главнокомандующего, Прозоровский разместил свой лагерь на выходе «из гор... в одном часу от Бахчисарая» для того, чтобы «не только детамент, отправляемый тогда в Балаклаву и Бельбек в случае надобности подкреплять, но и весь тот край и берег Черного моря закрывать» [8, с. 407]. Долгоруков определил необходимое количество войск для занятия Балаклавы в один батальон, для Бельбека – одну роту. Однако Прозоровский, опасаясь оставшихся в горах турок, отправляет 14 июля генерал-майора Чарторижского с тремя батальонами пехоты, двумя полукартаульными единорогами и батальонными пушками. Для конного сопровождения были отправлены два эскадрона гусар и один полк казаков. Командование над Балаклавским постом Прозоровский предполагает передать полковнику Кохиусу, «препоруча в его команду и того коменданта, который будет в Бельбеке» [8, с. 409]. Издатели «Журнала» Прозоровского отмечают, что этим Кохиусом был «возможно, Кохиус Иван Степанович», занимавший с 1778 года должность обер-коменданта в Ревеле. В работе, посвященной истории Брянского пехотного полка, дислоцированного в Балаклаве, утверждается, что его командиром с 22 сентября 1768 года был Иван Иванович Кохиус, в том числе в следующие годы как начальник «одного из русских отрядов в Крыму» [14, с. 45]. Анализ всех имеющихся источников позволяет с большой долей уверенности утверждать, что речь идет об одном и том же человеке, Иоганне Франце фон Кохиусе (1729-1797), упоминаемом в разных источниках с различными отчествами. Однозначно ответить на вопрос об употребляемом отчестве позволяет письмо русского поверенного при ставке хана Петра Веселицкого к Долгорукову, где он упоминает в контексте событий в Балаклаве «его превосходительство Ивана Степановича Кохиуса» [7, л.1]. В работе Ю. П. Соловьева ошибочно указано, что уже с 16 июля 1771 года командование Балаклавским постом, Бельбеком и Ялтой осуществлялось полковником Кохиусом [14, с. 55]. Тем не менее, по распоряжению Долгорукова командование над Балаклавским постом остается у Чарторижского, а Кохиус остается под его руководством.

Балаклава была занята 10 июля по данным Журнала военных действий [9] или, что вероятнее, 16, согласно записям Прозоровского [8, с. 409]. В дальнейшем небольшие подразделения Крымского корпуса численностью от роты до батальона были размещены во всех значительных с точки зрения обороны местах (включая Алушту, устья Альмы и Качи, Салгирский ретраншемент, и пр.). В Бельбек Прозоровский 20 июля отправляет Кохиуса с «воронежскими ротами и их двумя пушками» [8, с. 412]. Командиром бельбекского поста стал подполковник Следков [8, с. 421]. 30 июля посты, подчиненные Чарторижскому, были усилены 11 орудиями. Снабжение гарнизонов осуществлялось морским путем, первоначально из Кафы в Балаклаву и Бельбек [8, с. 411], а в дальнейшем «из Козлова в Балаклаву и другие прибрежные места» [7, л.1]. Интересно отметить, что первоначально провиант должен был отправляться на арендованных у татар судах, с татарскими же экипажами. Веселицкий сообщает, что для этого понадобится «до тридцати матрозов и двух реизов (капитанов – С. О.)... коим матрозам производимо будет в месяц по два рубли жалования и салдатская дача муки и круп а реизам вдвое» [7, л.1]. На судах размещалось несколько русских солдат для охраны. Граф П.А. Румянцев в одном из писем к В.М. Долгорукову сообщает о двух драгунах Борисоглебского полка, посаженных на судно для перевозки соли из Козлова, но захваченных в море реизом и отправленных в Константинополь [6, л. 33-36 об.].

Охрана побережья от Керчи до Козлова осуществлялась с 12 августа 1771 года 4 новоизобретенными кораблями (Азов, Хотин, Морей и Новопавловск) под командованием капитана Сухотина.

Общее командование размещенным в Крыму корпусом осуществлялось с 21 августа князем Ф.Ф. Щербатовым, а с октября, ввиду его болезни, – генерал-майором Тургеневым. В середине августа 1771 года расположенные в Балаклаве войска (батальон Воронежского полка) были заменены Брянским полком (для этого две гренадерские роты означенного полка были отправлены из Кафы, а мушкетерские – из Козлова) [8, с. 424]. Руководство Балаклавским постом переходит от Чарторижского к Кохиусу. По штатам 1763 года в полевом пехотном полку насчитывалось 12 рот, из которых 2 было гренадерских, а 10 – мушкетерских общим числом 1987 человек [14, с. 44].

Вызывает интерес вопрос о месте расположения русских войск в Балаклаве. В качестве источника могут быть использованы письма Кохиуса на имя В. Долгорукова, хранящиеся в Государственном архиве республики Крым. Они датируются 1772-1773 годами и содержат данные о двух местах дислокации войск. Письма от 14 ноября и 30 декабря 1772 года отправлены из «благополучной деревни Камара» [5, л. 1-4]. В 1773 году Кохиус отправляет свои письма из Балаклавы. В письме от 29 апреля 1773 года местом написания значится «благополучная д: (деревня – С.О.) при Балаклаве» [5, л. 5 об.]. Последующие же письма (от 10 мая, 1 и 29 июня) написаны из «благополучного лагеря при Балаклаве» [5, л. 6-8 об.]. Следует отметить, что расположение лагеря «при Балаклаве» было не на территории Балаклавы непосредственно. В «Поденной записке путешествия его сиятельства князя Василья Михайловича Долгорукова...» сообщается о посещении 17 июля 1773 года «лагеря деташемента господина генерал майора Кохиуса». После этого Долгоруков отправляется «для смотра города Балаклавы, в двух верстах от лагеря лежащего». Вход в балаклавскую бухту «защищают сделанные с обеих оного сторон батареи» [13]. Сказанное подтверждается прямым указанием на расположение Брянского полка «в Ялте и поблизости Балаклавы в деревнях. Балаклава же оставлена единственно для морской команды прибывшей в эскадре флота с господином капитаном Кенигсбергенном» [4, л. 10 об.]. Таким образом, можно констатировать, что первоначально Кохиус занимает батареями вход в балаклавскую бухту и размещает свои основные войска в районе современного села Оборонное (Камара), отстоявшего от Балаклавы на 6,5 км. Затем, в начале 1773 года, он переносит основной лагерь ближе к Балаклаве, на расстояние около 2 км от нее.

Количество размещенной в Балаклаве артиллерии можно представить из ведомости князя Прозоровского, поданной командующему второй армией Долгорукову в 1773 году («Ведомость состоящей полевой артиллерии с показанием в каких именно местах и сколько находится») [4, л. 2-3]. Здесь были размещены: «единоголов полукартаульных (полупудовых – С. О.) старой пропорции - два, легкой артиллерии единоголов же двухфунтовых два, трехфунтовых два, малороссийской артиллерии пушек трехфунтовых три». Отдельно Прозоровский отмечает артиллерию Брянского полка – один 12-фунтовый и один 8-фунтовый единоголови.

Из «Поденной записки ...» также можно представить примерное расположение бельбекского лагеря, «близ местечка и речки Бельбека расположенному». «Местечко Бельбек» - современное Фруктовое, так что расположение войск недалеко от устья реки Бельбек очевидно должно было воспрепятствовать высадке здесь десанта. Из Записок Прозоровского видно, что в Бельбеке, как и в Балаклаве, была приспособленная для высадки пристань. В Бельбеке было размещено только одно орудие – «легкой артиллерии $\frac{1}{4}$ картаульной единоголов» [4, л. 3]. Из войск, дислоцированных здесь, можно отметить зимовавшие здесь в 1772-1773 годах две грендерские роты Ряжского пехотного полка, и второй батальон этого же полка, перемещенный сюда на 1773 год [4, л. 10]. Он меняет здесь грендерские роты, отправленные в Перекоп, и остается как минимум на год.

Следует отметить, что войска Крымского корпуса в 1771-1774 годах неоднократно меняли места своей дислокации. Так, в «Исчислении сколько войск в Крыму и где именно положено оставить на 10 месяцев с сентября по июль следующего года» есть отдельный документ, к сожалению, не датированный, с планируемым на расквартированные подразделения продовольствием. В Балаклаве должен был размещаться «воронежский батальон с одной грендерскою ротою» с необходимым провиантом в 1700 четвертей муки и 106 четвертей круп [4, л. 6]. Это позволяет датировать документ 1771 годом, поскольку батальон Воронежского полка располагался здесь в июле-августе отмеченного года. Однако уже после составления «Исчисления» в него были внесены изменения. Воронежский батальон в тексте вычеркнут, а поверх него вписан Селенгинский полк (изменения коснулись и необходимого продовольствия). Тем не менее, вместо Селенгинского, Балаклаву занимает Брянский полк. Он отмечен в целом ряде документов - за 1772 год [4, л. 10 об.], 1773 - «Расписании о расположении второй армии по квартирам 1773 года» [4, л. 12 об.], занимая позиции в деревнях рядом с Балаклавой и Ялтой. Ниже в тексте «Исчисления» встречается новое место расположения русских войск, которое и занимает уже упоминавшийся воронежский батальон с одной грендерской ротой – это Ахтиар. В Бельбеке планировался к размещению батальон Московского легиона.

Из уже упоминавшихся писем полковника Брянского полка Кохиуса можно видеть своеобразный интерес, проявляемый Долгоруковым к истории региона. В ответ на его повеление Кохиус отправляет «оставшиеся от древности в Балаклавском и Инкерманском замках вырезанные камни с гербами и надписью в первом на латынском и в последнем на греческом языках» [5, л. 8-8 об.]. Посылает он также Долгорукову выловленные местным греком «з заплаतोю за труды» 2 200 устриц [5, л. 1-1 об.]. В ответ на повеление Долгорукова Кохиус производит поиск растущих здесь деревьев, отмечая большое количество ореховых, буковых, яблоневых и грушевых, в то время как «палмового дереву и кипарису...здесь нигде не растет» [5, л. 7-7 об.].

Между местами расположения сухопутных войск были расположены небольшие посты, ответственность за которые была назначена на кавалерийские полки. Так, содержание постов «от Казлова до Балаклавы» было поручено донскому полку полковника Грекова [4, л. 11].

После заключения Кучук-Кайнарджийского мирного договора русские войска выводятся из юго-восточного Крыма. В 1775 году Брянский полк был выведен из Балаклавы вместе с его командиром, уже генерал-майором Кохиусом, «назначенным для принятия Кинбурна» [3, л. 90 об.]. При этом Долгоруков, «в рассуждение недостаточного его состояния» распорядился ему «определить столовых денег по сту рублей на месяц» [3, л. 90 об.].

Следующий этап присутствия русских войск в юго-западном Крыму и возведения здесь фортификационных сооружений может быть датирован 1776 годом. Для борьбы с провозглашенным турками ханом Девлет-Гиреем и поддержки пророссийского Шагин-Гирея по личному указанию Екатерины в Крым вводятся войска под командованием князя Прозоровского. Планируя занятие войсками Крыма, Прозоровский на юго-западе определяет места, где уже располагались до этого наши войска. Это пост на Бельбеке, «знатный ...пост при Балаклавской гавани при реке Кизикермене или...в самой Балаклаве» [8, с. 648].

В апреле 1778 года высшее командование над войсками Крыма, Кубани и низовьев Днепра переходит к А. В. Суворову. Для защиты Крыма им были определены четыре отдела, где должны были быть усилены уже существующие, либо построены новые укрепления. Ко второму отделу было отнесено побережье от Ахтиара до Судака. В Крыму, и, вероятно, в районе Ахтиара в том числе, до этого в 1777 году Прозоровским были возведены 23 редута с количеством орудий от 2 до 6. К сожалению, точно определить место их возведения не представляется возможным, но, вполне вероятно, что два из них находились на месте уже не раз отмеченных Бельбека и Балаклавы. Общий стратегический резерв и ставка самого Суворова находились «неподалеку от Ахтиара» [16, с. 510]. В работе Г. Тимченко-Рубана указывается со ссылкой на приказ от 16 мая 1778 года, что из 29 укреплений на территории Крыма два должны были быть расположены на территории будущего Севастополя – «15) у Инкермана, 16) у Ахтиара» [16, с. 511]. Тем не менее, анализ приложения 1 к рапорту А.В. Суворова позволяет констатировать расположение первой части второй бригады в следующих местах: «Инкерман, паче Ахтиарская гавань с ее шестью при рейдах заливами, площадь старого Херсона, Георгиевский монастырь, гавань и место Балаклавы...» [17, с. 52]. В приложении 2 содержится ведомость артиллерии, которая должна содержаться в укреплениях, из которой видно наличие здесь двух фельдшанцев. Один располагался в Балаклаве и имел три медных орудия (6-фунтовую пушку, 8- и 12-фунтовые единороги), второй был при Бельбеке и состоял из двух 8-фунтовых единорогов (медного и чугунного) [17, с. 56].

В письме П. А. Румянцеву от 4 июня Суворов, предвидя возможную высадку турок, указывает на места, где необходимо усилить оборону новыми укреплениями – это Ахтиар, Козлов и Кафа [17, с. 66]. Основные события происходят в Ахтиарской бухте. Суворов передислоцирует сюда свой стратегический резерв и в ночь на 15 июня начинает работы на обоих берегах у входа в бухту. В рапорте П.А. Румянцеву, написанном из лагеря на р. Каче 18 июня, Суворов так описывает ход работ: «по три батальона друженно расположились с обеих сторон Инкерманской (Ахтиарской) гавани с приличной артиллериею и конницею и при резервах вступили в работу набережных ее укреплений» [17, с. 69]. Всего возводится шесть земляных укреплений: пятиугольная батарея на Константиновском мысу, четырехугольный редут позади ее горжи, пятиугольная батарея на Александровском мысу, звездообразный шанец в ее тылу, трехфасная батарея на мысу к востоку от Константиновского, и четырехугольный редут возле устья реки Бельбек [16, с. 512].

К началу 1779 года в Ахтиаре и Балаклаве были устроены карантинные, и на расстоянии 10 верст друг от друга в обоих этих местах были возведены оборонительные сооружения [17, с. 165]. Балаклавский шанец «занимал господствующую над бухтой вершину горы и представлял собой бастионный четырехугольник. У подошвы вершины был дополнительно сооружен люнет» [15, с. 65]. Вызывает интерес расположение войск второй бригады. На прилагаемой к рапорту от 2 января 1779 года «О расположении постов, укреплений и тыловых учреждений в Крыму и на Кубани» карте отмечен их перечень и место дислокации. Они находились «при речке Каче», «под Инкерманом», «близ Балаклавы при д. Каморе» и в двух фельдшанцах – «при Балаклаве» и «при Бельбеке» [17, с. 165-167]. Как видим, построенные в 1778 году укрепления на входе в бухту в этом перечне отсутствуют. Предлагаемый А.В. Суворовым план защиты Крыма исходил из учета превосходства турок на море и не предусматривал сооружения прибрежных укреплений для противодействия флоту противника. Основная задача разветвленной сети земляных укреплений, усиленных сравнительно небольшим количеством полевой артиллерии, была в противодействии возможному десанту и ведении военных действий с сухопутными войсками. Следует особо подчеркнуть, что эти укрепления были лишь одним из элементов обороны всего Крыма, как расположенных на берегу, так и в глубине полуострова. Система обороны, основанная на значительном количестве укреплений, не дала возможности провести турецкому флоту высадку десанта, и одновременно воспрепятствовала антироссийским выступлениям в самом Крыму. В работе В.В. Крестьянникова, посвященной сухопутной обороне Севастопольской крепости, указывается, что «к началу 1790-х годов Севастополь обороняли укрепления, построенные еще в 1778 г.» [10]. С учетом приведенного выше «...расположения постов...» представляется необходимым скорректировать это утверждение. Постройка в июне 1778 года укреплений на входе в

Ахтиарскую бухту преследовала задача, прежде всего, оказания психологического давления на команды турецких кораблей. При этом их орудия были направлены в том числе внутрь бухты. Когда же турецкий флот покинул берега Крыма, надобность в этих укреплениях отпала. Главными опорными пунктами в конце 1770 - х годов становятся Балаклава, Инкерман и Бельбек. После заключения «изъяснительной конвенции» 10 марта 1779 года русские войска летом этого же года покидают Крым, оставив гарнизоны только в Керчи и Ени-Кале.

Все сказанное позволяет сделать определенные выводы. С момента вхождения русских войск в Крым его юго-западная часть представляла значительный интерес с точки зрения осуществления контроля как над побережьем – для недопущения высадки турецкого десанта, так и над сушей – для предотвращения восстания татар. При этом следует отметить значительное количество мест дислокации русских войск. Основным центром военного присутствия в регионе в 1771 - начале 1775 года была Балаклава с прилегающими населенными пунктами (Камара, возможно, Кадыкой), а на севере – Бельбек. В 1777-1779 годах к этим пунктам добавляется Инкерман, а во время событий июня 1778 года – территория на мысах при входе в Ахтиарскую бухту. Длительный период нахождения здесь русских войск способствовал знакомству с особенностями местной географии, климата и объективно закладывал основы дальнейшего использования территории, реализовавшиеся в следующем десятилетии с момента основания здесь главной базы Черноморского флота – Севастополя.

Список литературы

1. Бескровный, Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке / Л. Г. Бескровный. - М, 1958. - 646 с.
2. Бутурлин, Д. П. Картина войн России с Турцией в царствования императрицы Екатерины II и императора Александра I / Д. П. Бутурлин. - СПб, 1829, Ч. 1. - 171 с.
3. Государственный архив республики Крым (ГАРК). Ф. 535, Оп. 1, Д. 843.
4. ГАРК. Ф. 535, Оп. 1, Д. 848.
5. ГАРК. Ф. 535, Оп. 1, Д. 870.
6. ГАРК. Ф. 535, Оп. 1, Д. 889.
7. ГАРК. Ф. 535, Оп. 1, Д. 970.
8. Записки генерал-фельдмаршала князя Алексея Александровича Прозоровского (1756-1776). - М.: АНО «Редакция альманаха «Русский архив», 2004. - 784 с.
9. Журнал военных действий армией Ея императорского величества 1771 года. - СПб, при государственной Военной коллегии, 1773.
10. Крестьянников, В. Сухопутная оборона Севастопольской крепости в конце XVIII — начале XX вв. / В. С. Крестьянников. - MilitaryКрым, 2009, № 11. - URL: <http://mil.sevhome.ru/voenistor/voenistor19v/v-krestjannikov-sevastopol-suhoputnaja-oborona-sevastopolskoj-kreposti-v-konce-xviii-nachale-xx-vv/> (дата обращения 18.06.2018).
11. Мальгин, А. В. «Покоренье Крыма» 1768-1774» / А. В. Мальгин. - Симферополь, 2016. - 176 с.
12. Петров, А. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769-1774 год / А. Петров. Т.3. 1771 год. - СПб, 1874, 323 с.
13. Поденная записка путешествия его сиятельства князя Василья Михайловича Долгорукова в Крымский полуостров, во время кампании 1773 года. - URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/17601780/Dolgorukov_V_M/text1.phtml?id=12424 (дата обращения 18.06.2018).
14. Соловьев, Ю. П. «Старый» Брянский полк. Страницы истории / Ю. П. Соловьев. - Брянск, 2015. - 432 с.
15. Тимофеев, В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века / В. И. Тимофеев. - К.: Наукова думка, 1984. - 220 с.
16. Тимченко-Рубан, Г. Суворов и инженерное дело / Г. Тимченко-Рубан // Инженерный журнал. - 1913. - № 4. Апрель. - Отдел неоф. - С.493–533.
17. Указания А. В. Суворова крымскому корпусу о распределении войск по участкам, их задачах, способах связи и взаимодействия // А. В. Суворов. Документы. Т. 2. — М.: Воениздат, 1951. — 688 с.

Статья поступила в редакцию 16.05.2018

Osipovskiy, S. N., Ivanov S. V. Disposition of the Russian Army in South-Western Crimea in the 1770th

The article analyses the disposition of Russian troops on the territory of south-western Crimea in 1771-1779. On the basis of the documents from the Second Army archives for 1771-1776, it is possible to state two main places of disposition - Balaklava with the surrounding villages and Belbek, where the Voronezh regiment and the companies of the Ryazhsky Infantry regiment were located respectively. At the second stage (1776-1779), Akhtiar Bay and Inkerman were added to these dispositions. In addition to the basic military function, the presence of the troops also facilitated the acquaintance with the specifics of the region.

Key words: Russian army, Bryansk regiment, Balaklava, Belbek, Akhtiar, Prozorovsky

УДК 339.9(09)

Смешанные общества создавались на выгодных для советской стороны условиях. Плата за предоставление концессий производилась частными фирмами и лицами в виде оплаты значительной части акций, принадлежащих правительству РСФСР. В управлении смешанным акционерным обществом преобладало влияние советских государственных организаций. Смешанные акционерные общества во внешней торговле сыграли определенную роль в восстановлении и развитии советской экономики. Их деятельность позволила установить деловые отношения со многими иностранными государствами и отдельными фирмами.

Ключевые слова: Наркомвнешторг, смешанные общества, торговые концессии, иностранный капитал, импортный товарный кредит, общий оборотный кредит, номенклатура и контингенты, экспортные операции.

С. Л. Данильченко, профессор, д-р ист. наук, академик РАЕН

Севастопольский государственный университет

E-mail: sldistorik@bk.ru

СМЕШАННЫЕ ОБЩЕСТВА И СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ В УСЛОВИЯХ НЭПА

Дополнение к декрету о национализации внешней торговли от 30 апреля 1919 года СНК констатировало, что ни одно советское или общественное учреждение, ни одна частная фирма или лицо не уполномочены заключать договоры на предмет ввоза или вывоза товара из иностранных государств без предварительного на то разрешения Комиссариата торговли и промышленности. Участие частных организаций и лиц во внешнеторговой деятельности считалось особой льготой, дававшей существенные материальные выгоды. Торговые концессии постоянно привлекали внимание иностранных инвесторов. Капиталы, вложенные в товары, давали непосредственный и немедленный эффект, а промышленные концессии требовали значительных предварительных затрат на оборудование предприятий и их ремонт. Тем не менее, в первые годы провозглашения концессионной политики (1917-1920) ни одной торговой концессии предоставлено не было.

При сдаче в концессию промышленных и сельскохозяйственных объектов государство вступало в договорные отношения непосредственно с иностранной фирмой или частным лицом. Во внешней торговле создавалось акционерное общество, учредителями которого становились советские организации и иностранные фирмы. Совет Народных Комиссаров утверждал его устав, а затем заключал с этим обществом концессионный договор. В такой смешанной организации, какой являлось акционерное общество, преобладало влияние советской стороны, поскольку государство приобретало 50% акций. Поэтому после организации торговых концессий в форме смешанных обществ иностранные предприниматели выдвигали Наркомату внешней торговли контрпредложения о предоставлении концессий на обычных условиях. Смешанные общества создавались на выгодных для советской стороны условиях. Плата за предоставление концессий производилась частными фирмами и лицами в виде оплаты значительной части акций, принадлежащих правительству РСФСР. В управлении смешанным акционерным обществом преобладало влияние советских государственных организаций. Устанавливалось особое отчисление сверх установленной нормы прибыли по определенной шкале в пользу государства. Органам НКВТ предоставлялось преимущественное право закупки товаров общества. Наркомвнешторг устанавливал номенклатуру экспорта и импорта товаров. Предусматривался и ряд других условий.

Возобновление торговых отношений, получение концессий вообще, а торговых концессий в частности, были необходимы, прежде всего, Германии. Валютный кризис вызывал финансовую и торговую депрессию, а репарационная проблема и грядущие экономические репрессии со стороны стран Антанты заставляли крупные фирмы воздерживаться от строительства новых предприятий. Торговля с Советской Россией в таких условиях являлась чрезвычайно выгодным делом. Советское правительство рассчитывало, что работа смешанных обществ поможет установить деловые связи с промышленно-финансовыми кругами Запада, привлечь иностранные инвестиции для восстановления и развития отечественного производства, открыть мировой рынок для советских товаров, укрепить денежное обращение в стране. Председатель СНК В. И. Ленин неоднократно говорил: «Что касается торговли, я хочу еще раз подчеркнуть, что мы стараемся основывать смешанные общества, что мы уже основываем их, т.е. общества, где часть капитала принадлежит частным капиталистам, и притом иностранным, а другая часть - нам» [2, с.289]. «Во-первых, мы таким путем учимся торговать, а это нам необходимо, и, во-вторых, мы всегда имеем возможность, в случае, если мы сочтем это

необходимым, ликвидировать такое общество, так что мы, так сказать, ничем не рискуем» [2, с. 289-290].

Во внешней торговле в течение 1922/23 года производили торговые операции смешанные общества «Русгерторг», «Дава-Бритополь», «Востваг». Основной капитал этих предприятий составил 1 030 2 млн. руб. [3, л.156]. В 1923/24 году начали свою деятельность «Русот», «Русавсторг», «Ратао», «Эгеэкспорт», «Аламерико», «Руссотюрк» и «Рустранзит» [3, л.157]. С учетом капитала, привлеченного в 1922/23 году в сумме 1, 030 2 млн. руб. в области внешней торговли, весь привлеченный иностранный капитал составил 2, 482 941 млн. руб. На 1 января 1926 года капиталовложения в смешанные общества во внешней торговле по 9 обществам составили 3,774 млн. руб., из них Советским правительством вложено 0,806 млн. руб. и 2,968 млн. руб. - иностранной группой предпринимателей. Активный баланс смешанных обществ за четыре года работы выражался в сумме 27,8 млн. руб. Доля в экспорте СССР за этот период равнялась 3,7%, в импорте - 2,6% [11, с. 414-416]. Смешанные торговые акционерные общества пользовались кредитом за границей и в СССР. Общая оборотная сумма кредита всех обществ за границей исчислялась в 21, 260 155 млн. руб. Кредит в СССР равнялся 8, 944 240 млн. руб. Из всей суммы иностранного кредита товарный кредит составлял 13, 595 млн. руб. Импортный товарный кредит предоставлялся обществам на самых разнообразных условиях в зависимости от рода товаров и кредита. Так, сельскохозяйственные машины давались на срок в среднем от 12 до 24 месяцев, при этом взимались 9-11% годовых. Банковский кредит за границей составлял сумму около 7,6 млн. руб. и предоставлялся, главным образом, в форме финансирования заготовок, ссуд по товарам, акцептам, траттам [3, л.159].

В 1924/25 году кредиты смешанных обществ выросли. Общий оборотный кредит, привлеченный из-за границы, равнялся 26, 464 млн. руб., в том числе товарный кредит - 11,863 млн. руб. [3, л.161]. По сравнению с 1923/24 годом иностранный кредит возрос по абсолютным размерам, но соотношение между привлеченным иностранным и советским кредитом изменилось. Увеличилось пользование советским кредитом, что считалось неблагоприятным явлением. Смешанные общества в свою очередь предоставляли кредит своим покупателям. В кредит, продолжительность которого зависела от рода товаров и солидности предприятия, продавалось 90% товаров. Кредиты государственным предприятиям колебались от 4 до 16 месяцев. Самые продолжительные кредиты предоставлялись по сельскохозяйственным машинам и автомобилям, самые короткие - по химическим товарам и галантерее. Частным лицам кредит давался в виде исключения. О размере предоставленного отдельным внешнеторговым предприятиям кредита можно судить по задолженности некоторых обществ на день составления баланса за 1924/25 год. Так, среднемесячная задолженность у «Русот» составляла около 0,9 млн. руб., у «Ратао» - около 0,5 млн. руб., у других приближалась к среднемесячной задолженности по полученному кредиту [3, л.171].

Основная торговая и заготовительная деятельность обществ началась в 1923/24 году. В течение этого года все смешанные торговые организации занимали 4,35 % в объеме всего вывоза из СССР. Смешанные общества вывозили из страны 100% антрацита и рыбьей чешуи, 30% кишок. Самой же крупной статьей вывоза была пушнина, составлявшая 62% всего вывоза обществ [3, л.171]. Экспорт за 1924/25 год составил 23,3 млн. руб. Основной статьей вывоза смешанными обществами являлись яйца, составлявшие 23% от всего объема их экспорта и 21% от вывоза этого товара из СССР. На втором месте стояли жмыхи, далее шерсть, коконы, каменный уголь, кишки и т.д. По сравнению с предыдущим годом вывоз пушнины значительно уменьшился и выражался в сумме лишь 0,251 млн. руб. [3, л. 173].

Смешанные торговые организации допускались к заготовкам на территории СССР отдельных товаров в пределах установленной номенклатуры и контингентов, а также к организации подсобных помещений для обработки экспортных товаров. В 1923/24 году торговые акционерные общества через своих уполномоченных производили заготовки партиями пушнины, яиц, щетины, кукурузы, кишок, жмыхов, коровьего масла. Пушнина заготавливалась в Средней и Восточной Сибири, на Кавказе, а также отчасти на Севере и в средней полосе СССР. Непосредственно с охотниками аппарат смешанных обществ не контактировал. Яйца закупались на Украине в Киевском, Проскуровском, Каменец-Подольском, Бердичевском в других районах, в России в Воронежской губернии и в южной части средней полосы. Скупка яиц производилась уполномоченными через низовые кооперативные организации. На местах устраивались склады, где товар упаковывали, сортировали и отправляли по назначению. По заготовке яиц общества проделали ощутимую работу: организовали новые склады, вовлекли в работу старых специалистов по заготовке, продвинулись в районы, где заготовка государственными и кооперативными организациями или совсем не производилась, или производилась недостаточно. Заготовки смешанными обществами продолжали развиваться и в 1924/25 году. Заготавливались яйца, коровье масло, жмыхи, кишки, семя подсолнечника, чечевица, тряпье, пух-перо, кукуруза. Все эти товары на 80% заготавливались собственным аппаратом, остальное количество

приобреталось готовыми партиями. Исключение составлял лишь «Руссотюрк», который 95 % товаров приобретал готовыми партиями. Это объяснялось ассортиментом вывозимых товаров. «Руссотюрк» экспортировал коконы, каменный уголь, антрацит, каустическую соду, цемент и ковры. Остальные торговые общества приобретали готовыми партиями только лес, альбумин, рыбу, марганцевую руду.

Смешанное акционерное общество «Русот» основную заготовительную деятельность вело в Сибири, в Северном крае. В Сибири и в Архангельской губернии проводилась заготовка дичи, которая предназначалась для отправки в Финляндию, Швецию, Данию. Заготовка осуществлялась через кооперативные организации. Также закупались льняное семя, волос и щетина. За 1923 год общество отгрузило 50 тыс. пудов льняного семени. «Русское общество торговли» заключило целый ряд крупных договоров, из них два с германскими фирмами на сумму 1 млн. руб. золотом. По этим договорам германские фирмы обязывались поставить в Россию технические материалы и станки, обслуживающие лесную промышленность, и продать их на консигнационных основаниях. Был заключен договор с английской фирмой на экспорт яиц и с группой французских предпринимателей на финансирование экспортно-импортных операций «Русота» на французском рынке.

Объективные условия деятельности концессионных предприятий в области заготовок были более тяжелыми, чем у государственных организаций, ведущих такую же работу. Право на заготовку того или иного товара аннулировалось у смешанных обществ, как только заготовка этих товаров, особенно пушнины, коровьего мяса, некоторых видов хлебопродуктов, принимала широкий размах у государственных или кооперативных предприятий. Смешанные торговые акционерные общества с первого года своей деятельности занимались и импортом товаров на следующую сумму: «Русгерторг» - 2,369 млн. руб., «Дава-Бритополь» - 4,309 млн. руб. «Аламерико» - 0,214 млн. руб., «Востваг» - 1,255 млн. руб. Всего импорт обществ составил 8,147 млн. руб. [3, л.177].

Всего ввезено в СССР товаров на 351,691 млн. руб., процент участия смешанных торговых обществ в импорте составил 5,6% [3, л. 176]. Сам по себе процент незначителен, но за процентами стояли необходимые народному хозяйству товары. Наибольший удельный вес общества заняли в импорте сельскохозяйственных машин - 54% ввоза этого товара в СССР. Следует отметить, что смешанные общества имели больший удельный вес в импорте, чем в экспорте. В 1922/23 году удельный вес обществ составил по импорту - 5%, по экспорту - 3,5%. В 1923/24 году импорт составил 5,6%, экспорт - 4,35%. Импортные товары реализовались смешанными обществами по различным направлениям, а именно: государственные учреждения получали 75%, кооперация - 15%, частные предприниматели - 10% всех ввезенных товаров [3, л. 176].

Анализ реализации импортных товаров всеми концессионными обществами свидетельствует о том, что различные товары приносили разную прибыль. Наибольшую прибыль приносила реализация галантереи - 77% к себестоимости, хозяйственных товаров - 66%, химических товаров и анилинокрасителей - 40 %, сельскохозяйственных машин всего лишь 10-15%. В целом же по шести смешанным торговым обществам в 1924/25 году реализация импортных товаров принесла 32% прибыли. В начале деятельности смешанных обществ их торговый баланс был пассивен. Так, в 1922/23 году импорт составлял 8,2 млн. руб., экспорт - 4,4 млн. руб., оборот - 12,6 млн. руб. Пассив равнялся 3,8 млн. руб., или 30% к обороту. В 1923/24 году импорт без «Русгерторга» и «Расо» составлял 14 млн. руб., экспорт - 12 млн. руб., оборот - 26 млн. руб. Пассив составлял 2 млн. руб., или 7,8% к обороту, т. е. значительно уменьшился. В этом же году оборот смешанных обществ ко всему обороту СССР составил по экспорту - 3,5%, по импорту - 5%, в целом - 3,1 % [3, л. 180].

В 1924/25 году торговый баланс смешанных обществ был уже активным. Импорт - 11,5 млн. руб., экспорт - 23,4 млн. руб., оборот - 34,9 млн. руб. [4, л.147]. В 1924/25 году удельный вес оборота смешанных обществ ко всему обороту СССР не изменился, он остался на уровне 3,1%, но при увеличении экспорта до 4,6% импорт сократился до 1,8%. Это и повлияло на результаты деятельности обществ - пассивный баланс превратился в активный. Актив составил 11,9 млн. руб. к обороту. В 1926/27 году общая сумма экспорта смешанных обществ составила по всем товарам 32,752 млн. руб., в том числе на продукты земледелия приходилось 4,553 млн. руб., на продукты животноводства и птицеводства - 17,18 млн. руб., продукты рыболовства - 0,35 млн., пушнину - 4,565 млн., лесоматериалы - 0,608 млн. руб., продукцию горной промышленности - 1,612 млн. руб. [4, л.147]. Импорт смешанных обществ в этом же году составил 9,76 млн. руб. Актив в торговом балансе равнялся 33% к обороту.

Таким образом, акционерные общества помогли налаживанию международных экономических связей, привлекли в СССР иностранные кредиты и технологии, внесли существенный вклад в организацию торговой деятельности Советского государства.

Деятельность смешанных обществ не нарушила монополию внешней торговли СССР, так как весь внешнеторговый оборот проходил через НКВТ под его непосредственным контролем. Помимо смешанных обществ в виде исключения к торговой деятельности допускались и отдельные иностранные фирмы, с которыми заключался концессионный договор. Их было немного - «Востваг»,

«Рубен и Биллефельд», «Дава-Бритополь», а также договор с германским гражданином Реш на право сбора отходов крестьянского хозяйства на территории УССР и вывоза их за границу [5, л.61].

Наиболее крупными смешанными обществами во внешней торговле являлись «Русгерторг», «Русавсторг», «Совпольторг», «Ратао». Одним из первых был заключен концессионный договор с германской фирмой «Отто Вольф» 9 сентября 1922 года. По договору обществу предоставлялось право: ввоза и вывоза из России всех разрешенных товаров, открытия главного отделения в Москве и филиалов на местах, иметь склады, арендовать недвижимость, пользоваться кредитами Госбанка, производить закупку сырья и других товаров внутри России, принимать поручения и заказы от правительственных, кооперативных и частных фирм для импорта товаров. Договор предусматривал и распределение прибыли на капитал. В первую очередь выплачивается льготный дивиденд на акционерный капитал в размере 10%, остаток прибыли распределяется поровну между правительством и немецкой фирмой, если он не превышает 40%, из превышения этого процента получают советская сторона - 75%, «Отто Вольф» - 25% [6, л.3]. Уставной капитал общества составлял в 0,03 млн. ф. ст., погашаемый в равных долях НКВТ и фирмой «Отто Вольф». Срок договора не устанавливался, каждая сторона могла его расторгнуть, оповестив об этом предварительно за 12 месяцев. Заключение данной концессии благоприятно отразилось на развитии торговых отношений между РСФСР и Германией. Б. С. Стомоняков 8 ноября 1922 года писал В. И. Ленину из Берлина: «Заключение договора с Отто Вольфом и ратификация его в Москве произвели огромное впечатление за границей и создали благоприятную атмосферу для новых переговоров, которую нужно спешить использовать... Оживление громадное, насилиу справляемся со всеми поступающими предложениями» [1, с.663-666].

В советское торговое представительство в Германии стали поступать многочисленные предложения, в том числе от крупного английского концерна «Виккерс», от германского концерна «Хенкель», от концерна прирейнских промышленников «Дельфоссе», «группы Каро-Михаэль» и т. д. В первый оперативный хозяйственный год оборот общества «Русгерторг» достиг 4,856 млн. руб., в последующие годы он расширился [6, л.3-5]. Удельный вес «Русгерторга» в импорте всех смешанных обществ составлял 29%, по экспорту - 15,5%. Деятельность «Русгерторга» особенно широко развернулась после выхода Отто Вольфа из состава акционеров, чему способствовало несколько обстоятельств. Согласно концессионному договору Отто Вольф обязывался открыть текущий кредит обществу на сумму 7,5 млн. руб. При незначительном акционерном капитале - 0,3 млн. золотых рублей этот кредит сыграл роль оборотного капитала общества. Вскоре после начала деятельности общества Рурская область, в которой находились все заводы Отто Вольфа, была оккупирована, и он лишился возможности предоставить кредит. Советское правительство, учитывая затруднительное положение фирмы и желая экономического сближения двух стран, пошло на ряд изменений в концессионном договоре, разрешило увеличить импортную программу «Русгерторга». В начале августа 1923 года после окончания так называемого пассивного сопротивления в Рурской области, Торгпредство СССР в Берлине заявило О. Вольфу о необходимости выполнения кредитных обязательств. Отто Вольф отказался от своих обязательств и выставил встречные требования, которые Советское правительство не приняло. Концессионный договор был расторгнут. С выходом из состава акционеров германского капитала, а также в связи с борьбой за снижение цен, процент наценки к себестоимости товара снизились более чем в 2 раза, в результате чего выиграли советская сторона и заказчики «Русгерторга».

Заказы на импортные товары размещались «Русгерторгом» преимущественно в Германии, и только незначительный процент оборота по закупкам сельскохозяйственных машин и орудий передавался Австрии, Швеции, Чехословакии, Франции и Англии. Общество импортировало сельскохозяйственные машины и орудия - 43% к обороту, продукцию химического производства, главным образом анилиновые красители - 30%, предметы технического оборудования, электроматериалы и пр. - 24%, полиграфическое оборудование - 4% [7, л.194]. Сельскохозяйственные машины реализовались согласно договорам - Госсельскладу, Южсельскладу, Туркгоссельскладу, Мосселькредитсоюзу и другим организациям. «Русгерторг» имел определенные заслуги в развитии полиграфической промышленности. Постоянными контрагентами общества являлись Полиграф, Укрполиграфсиндикат, Закгосторг и другие организации. Учитывая, что у заказчиков имелось незначительное количество денежных средств, общество старалось снизить цены, в результате чего оборот товаров полиграфической промышленности значительно возрос. Если в 1924 году он занимал 4% к обороту общества, то в 1925 году - 11% [7, л.98-99].

Экспортная работа занимала в обществе второстепенное значение, так как главное внимание направлялось на удовлетворение требований государственной промышленности в германском техническом оборудовании фабрик, заводов и в импортном сырье. Кроме того, недостаток свободных денежных средств, необходимых для размещения и заготовки экспортной продукции, значительно суживал рамки работы в этой области, вследствие чего общество занималось экспортом в пределах товарного финансирования иностранными фирмами закупок тех или иных товаров в СССР. Объектом

экспорта вначале являлась пушнина, а затем сельскохозяйственные продукты - кукуруза, жмыхи, битая птица и пр. На 1 января 1925 года «Русгерторгом» было вывезено товаров на сумму 2,6 млн. руб. За все годы существования общества наибольший удельный вес «Русгерторга» в общем торговом балансе с Германией в 1924 году составлял 19% в импорте товаров и 5% в экспорте [7, л.109]. После выхода из состава акционеров Отто Вольфа «Русгерторг» продолжал свою деятельность как государственная организация и был исключен из состава смешанных обществ.

3 июля 1923 года СНК СССР утвердил устав смешанного Русско-австрийского торгово-промышленного акционерного общества «Русавсторг», а в августе этого же года с обществом был заключен концессионный договор [7, л.119-120]. Обществу предоставлялось право ввоза в СССР фабрикатов преимущественно австрийского происхождения под контролем Советского правительства и вывоза русского сырья и других товаров. Основным капитал общества определялся в 0,1 млн. североамериканских долларов, разделенных на 1 тыс. именных акций по 100 долларов каждая. Все наличное количество акций распределялось в равных долях между учредителями - правительством СССР и Русско-австрийским торгово-промышленным акционерным обществом. Общество «Русавсторг» имело довольно широкую сеть отделений и представительств по стране, что давало ему возможность изучить местный рынок. Его деятельность не только ограничивалась крупными городами Европейской части России, но и охватывала Кавказ, Среднюю Азию, Сибирь.

Практическая деятельность общества началась в августе 1923 года участием во Всероссийской сельскохозяйственной выставке и реализацией ее экспонатов. Одновременно началось и выявление потребности в австрийских товарах. К концу 1923 года «Русавсторг» располагал импортными лицензиями на сумму 2 млн. руб. За первый год деятельности общество ввезло в СССР товаров на сумму 2,1 млн. руб. Основными экспортными товарами являлись напильники, водомерные приборы, разные пилы для дерева и металла, молибденовая и вольфрамовая проволока для изготовления электрических ламп, металлообрабатывающие станки и пр. [8, л.7]. В последующие годы характер импорта общества изменился. Сократился ввоз готовых фабрикатов и увеличился ввоз средств производства для промышленности и сельского хозяйства. Общество занималось и экспортом товаров, но менее интенсивно. Вывозились икра, зерно, яйца, жмыхи и прочая продукция сельского хозяйства. В первый год было экспортировано товаров на сумму 1,8 млн. руб. В последующие годы обороты общества возросли и в 1926/27 году составили 6,6 млн. [8, л.9-11]. Деятельность общества продолжалась до 1930 года. 29 ноября 1929 года очередное ежегодное собрание акционеров приняло решение о его ликвидации. Развитие государственной внешней торговли с Австрией сделало это общество излишним.

5 июня 1923 года был утвержден устав и подписан учредительский договор между правительством РСФСР в лице НКВТ и австрийским торгово-промышленным кооперативным хозяйством - синдикатом «Арсенал», положившие начало деятельности русско-австрийского акционерного общества «Ратао». Общество учреждалось с целью экспорта и импорта различных товаров. Основным капитал общества составил 0,3 млн. руб. и был разделен на 2 тыс. акций по 150 руб. каждая. Оба учредителя получили акции в равных долях, причем «Арсенал», пользуясь правом передачи акций, уступил принадлежащие ему 48% акций «АльгеймайнеДепозитен Банк», который стал третьим акционером «Ратао» [9, л.3]. Иностранная группа акционеров обязывалась по договору предоставить для деятельности общества кредит, постоянный лимит которого в 1925/26 году составил 0,25 млн. руб. и увеличился в 1929/30 году до 1,2 млн. руб. [9, л.8].

В первый год деятельности общества его оборот равнялся 2,7 млн. руб., причем 62 % всей суммы приходилось на экспорт и 38 % - на импорт. Основными экспортными товарами являлись пушнина, кукуруза, яйца и фасоль. Импортировались обществом товары, необходимые для восстановления и развития народного хозяйства: машины и оборудование, химические товары, цветные металлы, велоавтомобили. Все они - свыше 90% - реализовались государственным и кооперативным организациям. В начале 1925 года в составе акционеров «Ратао» произошли некоторые изменения. Австрийская группа акционеров «Арсенал», испытывая серьезные финансовые затруднения, уступила свои акции обществу «Гец» и Всеобщему товарному акционерному обществу «Трайхард». Смена акционеров на деятельности общества не отразилась. В 1925 году его оборот вырос по импорту на 125% и по экспорту на 118% [9, л. 16].

В последующие годы оборот общества также значительно увеличился. В 1929/30 году он составил 16,5 млн. руб. «Ратао» занимало прочное положение на австрийском рынке. Это давало ему возможность использовать длительные денежные кредиты на срок 2 - 2,5 года, добиваться лучших условий реализации, снижать цены. В импорте «Ратао» основными товарами выступали оборудование и металлоизделия для промышленности. В 1926/27 году из всего импорта по лицензионной стоимости в 2,9 млн. руб. оборудование и металлоизделия составляли 2,1 млн. руб., в 1927/28 году из 2,3 млн. руб. - 2,2 млн. руб., в 1928/29 году из 2,9 млн. руб. - 2,1 млн. руб. и в 1929/30 году из 2,8 млн. руб.-

2 млн. руб. Благодаря успешной работе общества срок действия концессионного договора с ним несколько раз продлевался. Вопросы, связанные с ликвидацией «Ратао», были урегулированы особым соглашением от 25 февраля 1934 года. Аналогичным образом разворачивали деятельность другие смешанные общества во внешней торговле - «Совпольторг», «Русот», «Расо» и др.

Во внешней торговле, помимо названных смешанных обществ, действовал еще ряд акционерных обществ, задачей которых являлось налаживание торговых отношений со странами Ближнего Востока. До 1924 года Советское государство не могло установить экономических и торговых отношений с ближневосточными странами, в частности с Турцией. Турецкие деловые круги недоверчиво относились к монополии внешней торговли и не стремились развивать торговые связи с Советским Союзом. Рынки Ближнего Востока постепенно попадали под влияние Европы и Америки. Для расширения связей с ближневосточным регионом требовалось вовлечь турецкие коммерческие и финансовые круги в организацию товарооборота с СССР. Эту задачу решали путем создания смешанного русско-турецкого общества. Общество «Руссотюрк» с основным капиталом в 0,4 млн. руб. было организовано 5 июля 1924 года на основании учредительского договора, заключенного между правительством СССР и турецкой группой акционеров [10, л. 3]. Общество, развивая свою деятельность, рассчитывало, на выход за пределы Турции, в другие близлежащие страны. В первый же год ему удалось разместить на турецком рынке значительное количество советских товаров. За период с начала организации общества до 15 октября 1926 года сумма экспортно-импортных операций составила 13,8 млн. руб. [10, л.12-14]. Поставленные перед ним задачи общество выполнило, в 1928 году оно было ликвидировано. В 1924 году возникло пять специальных персидских обществ с весьма незначительными капиталами. Они действовали на территории Персии и выполняли ту же задачу, что и русско-турецкое общество.

Таким образом, смешанные акционерные, общества во внешней торговле сыграли определенную роль в восстановлении и развитии советской экономики. Их деятельность позволила установить деловые отношения со многими иностранными государствами и отдельными фирмами. Смешанные общества ввозили необходимое оборудование для промышленности и сельского хозяйства, химические товары и сырье, предметы широкого потребления. Советские товары через отделения и представительства смешанных обществ продвигались на рынки европейских и ближневосточных стран. Смешанные общества помогли увеличить товарные фонды на внутреннем рынке и наладить товарные связи между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством, поскольку располагали разветвленной сетью отделений и представительств во многих районах СССР.

Список литературы

1. Документы внешней политики СССР. Т.5. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – 809 с.
2. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т.45 / В. И. Ленин. – М.: Политиздат, 1970. – 730 с.
3. РГАЭ. Ф.5240. Оп. 6. Д.79.
4. РГАЭ. Ф.413. Оп. 19. Д.170.
5. РГАЭ. Ф.5240. Оп.4. Д.94.
6. РГАЭ. Ф.413. Оп. 4. Д. 1837.
7. РГАЭ. Ф.413. Оп. 6. Д.79.
8. РГАЭ. Ф.413. Оп.3. Д.639.
9. РГАЭ. Ф.413. Оп. 4. Д.40.
10. РГАЭ. Ф.5240. Оп.2. Д.202.
11. СССР. Год работы правительства: (Материалы к отчету за 1925-26 бюджетный год): 2-й год изд. / Под общ. ред. Н. П. Горбукова, А. В. Стокличкого и С. М. Бронского. - М. : Информац. бюро СНК СССР и СТО, 1927. – 652 с.

Статья поступила в редакцию 28.04.2018

Danilchenko, S. L. *Mixed Companies and Soviet Foreign Trade in the NEP Period*

Mixed companies were created on favorable terms for the Soviet side. The payment for granting concessions was made by private firms and individuals in the form of payment of a significant portion of shares owned by the government of the RSFSR. The management of a mixed joint stock company was dominated by the influence of Soviet state organizations. Mixed joint stock companies in foreign trade played a certain role in the restoration and development of the Soviet economy. Their activities allowed establishing business relations with many foreign states and individual firms.

Keywords: Narkomvneshtorg, mixed companies, trade concessions, foreign capital, import commodity credit, general working credit, nomenclature and contingents, export operations.

УДК 21:94(470)"980/1015"

В исследовании автор затронул одну из самых загадочных тем в истории Древней Руси домонгольской эпохи – языческую реформу 980 г. Используя историко-аналитический метод научного исследования, автор провел историографический анализ проблемы, показал причины и последствия религиозной реформы 980 года, представил свое виденье принципов отбора восточнославянских божеств в новый пантеон. Коснулся автор и довольно значимой в современной исторической науке темы существования в новом святилище практики человеческих жертвоприношений. В исследовании также затронута тема трансформации иерархии служителей Перуна и других дружинных божеств после религиозной реформы князя Владимира 980 года.

Ключевые слова: языческая реформа, капище, святилище, дружинный пантеон, человеческие жертвоприношения, бояре, старцы, родовая община, служители языческого культа.

М. Н. Козлов, доцент, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет»

E- mail: kmn_75@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ РЕФОРМА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА 980 г.: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Религиозная реформа князя Владимира 980 года стала своего рода апогеем восточнославянского язычества. Культ нескольких дружинных богов приобрел статус общегосударственного культа. Киев стал сакральным центром всего государства, киевский князь – верховным жрецом Древней Руси, а его наместники главными служителями языческого культа на периферии страны. Таким образом, всесторонний исторический анализ первой религиозной реформы князя Владимира поможет нам глубже осмыслить политические и социально-экономические процессы, происходящие в то время в восточнославянском обществе.

Первая религиозная реформа князя Владимира не привлекла большого внимания исследователей дореволюционного периода. Большинство из них просто констатировало факт строительства новых святилищ, мимоходом пытаясь трактовать функции божеств, указанных в пантеоне. При этом собственно причины и сущность проведенной реформы рассматривались лишь поверхностно.

Так, Н. И. Карамзин, например, пришел к выводу, что Владимир построением нового храма пытался загладить свою вину перед богами за убийство брата [14, с. 126]. По мнению С. Иловайского, реформа 980 г. была сделана по настоянию язычников северной части Руси, приведших Владимира к власти [13, с. 79]. Несколько иной точки зрения придерживался С. М. Соловьев. С точки зрения данного историка, строительство нового храма в Киеве стало платой местном жречеству за помощь в захвате города [31, с. 167].

Е. Е. Голубинский доказывал в «Истории русской церкви», что события 980 года не имели особого значения, якобы Владимир в Киеве только заменил старого идола Перуна идолом новым, а Добрыня в Новгороде построил святилище Перуну потому, что в начале каждого княжения было принято ставить в больших городах новых идолов [7, с. 130].

Постреволюционные исследователи увидели в языческой реформе князя Владимира в 980 году попытку упорядочить восточнославянское язычество, придать ему статус государственной религии. Эта религия, по мнению исследователей, должна была консолидировать восточных славян и противостоять влиянию христианства [34, с. 69, 70], [24, с. 45], [3, с. 45].

Польский археолог Генрих Ловмянский скептически отнесся к данному отрывку из «Повести временных лет», считая его результатом книжной обработки византийской литературы [36, s.123]. Схожей точки зрения придерживается и О. М. Рапов, считавший, что никакой религиозной реформы не было вовсе. В летописи, по его мнению, речь идет лишь о построении нового капища с целью показать жителям Киева свою приверженность язычеству [23, с. 210].

Таким образом, в современной исторической науке нет однозначной точки относительно причин, смысла и принципов проведения первой религиозной реформы князя Владимира. Проанализировать социально-экономические процессы, происходившие в восточнославянских землях в конце X ст., выявить причины религиозной реформы 980 г., проанализировать принципы отбора восточнославянских божеств в общерусский пантеон – главная цель данной статьи.

По нашему мнению, никак нельзя согласиться с тем, что Владимир Великий, став князем Киева лишь построил новый храм, показав свою приверженность язычеству. С данной точкой зрения нельзя согласиться. Во-первых, в летописи сказано о строительстве как минимум двух святилищ после прихода Владимира к власти – в Киеве и Новгороде. Кроме того, как свидетельствуют данные археологии, святилища Перуна были построены также в Полоцке за рекой Полотой, у озера Воловое вблизи Старой Русы, в устье ручья Войе недалеко от поселка Терхипов [11, с. 235]. По мнению Б. А. Рыбакова, капище Перуна находилось также в Чернигове, недалеко от кургана Гульбище [24, с. 273].

Во-вторых, повторное исследование В. В. Седовым новгородского святилища в Перине выявило интересную деталь — языческий храм был построен на месте как минимум трех других языческих капищ, разрушенных в период осуществления первой религиозной реформы князя Владимира [28, с. 105–107]. Б. А. Рыбаков проанализировав данные раскопок старого Перыньского святилища, обратил внимание современных исследователей на тот факт, что структура данного святилища во многом аналогична структуре языческих святилищ, посвященных богиням-роженицам [25, с. 397–399].

Есть основания предполагать, что богини-роженицы были одними из самых почитаемых божеств в Северной Руси и, следовательно, должны были иметь достаточно влиятельный клан жрецов. Таким образом, попытка князя Владимира ослабить их позиции выглядит вполне закономерно. Это убедительно свидетельствует о том, что Владимир стремился навязать новгородцам культ собственного покровителя, уничтожив здесь святилище каких-то местных божеств.

В-третьих, слова летописца о том, что: «осквернися кровью земля Руская и холмъ тот» означают, что ритуальное богослужение в новом киевском святилище существенно отличалось от службы в других языческих святилищах.

Таким образом, построение новых святилищ Владимиром в 980 году было частью серьезной религиозной реформы, целью которой стала консолидация восточнославянского общества и ослабление позиций восточнославянского жречества.

В конце X века общественно-экономическое развитие восточных славян проходило крайне неравномерно. В южных районах Киевской Руси старые родовые отношения окончательно распались, а крупные административные центры родовой эпохи почти повсеместно были заменены княжескими замками. В то же время, в северных и восточных областях восточнославянского государства только начинались сложные процессы распада родовых отношений. Как следствие, в Киевской Руси старые родовые культы соседствовали с почитанием Велеса и Рода, а в больших городах и княжеских крепостях доминировали культы дружинных божеств — Перуна, Хорса и т.п.

Старейшины, вероятно, опирались на родовые верования и культы для борьбы, как с местными князьями, так и великокняжеской властью. Система родовых инициаций способствовала возникновению целых армий высокопрофессиональных воинов, которых использовала периферийная знать для восстаний против киевских князей. Определенную угрозу для центральной власти в Киевской Руси представляли также жрецы, сохранившие значительное влияние на сознание наших предков тогдашней эпохи.

«Повесть временных лет» сообщает о первой религиозной реформе князя Владимира следующим образом: «И нача кн(я)жити Володимерь в Кыеве единый, и постави кумиръ на холмъ внь двора теремнаго: Перуна древяна, а глава ему серебряна, а усь златъ, и Хорса, и Дажеб(о)га, и Стрибога, и Семарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричюще а богы, и привожаху сыны своа и дщери и жряху бесом, и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровью земля Руская и холмъ той... Володими[ръ] же посади Добрыню, уя своег(о), в Новъгородъ. И пришед Добрыня к Новугороду, постави кумира над рекою Волховомъ. И жряху ему люд(и)е новгородстии, акы б(о)гу» [20, с. 77, 78].

Существенно дополняют наши знания о первой религиозной реформе князя Владимира данные археологии. Так, руины языческого святилища, поставленного Владимиром в 980 году в Киеве, были исследованы специальной экспедицией Института археологии АН УССР в 1975 году. Раскопками были открыты фундаментные рвы, вырытые в материковом лессовом грунте. Глубина залегания фундамента капища достигала одного метра, что указывает на его монументальность. Изучение конфигураций фундамента языческого святилища позволило воссоздать постройку, которая представляла собой в плане прямоугольник (7×1,75 м), вытянутый по оси север — юг с шестью симметричными скругленными выступами, примыкавшие к нему с севера, востока и юга. На них могли стоять постаменты шести летописных богов. Выступы напоминают лепестки из новгородского святилища Перынь. Сооружение точно ориентировано по сторонам света.

В святилище найдено большое количество костей животных, главным образом крупного рогатого скота (91% всех костей), принадлежавших молодым и взрослым особям. В жертвеннике найдены также

кости свиней, птиц и рыб. Кости животных, обнаруженные в жертвеннике, были аккуратно разрублены, следовательно, туши жертвенных животных делили на части.

Значительный интерес вызывает находка в жертвеннике обломков типичной для X века керамики, а также боевого железного топора, символа грозного Перуна. Вокруг культового сооружения найдены остатки ритуальных костров с пережженными и обгоревшими костями животных и людей, углем и камнями, а также амулеты и предметы языческого богослужения. Так, здесь, в частности, был найден амулет из мамонтовой кости в виде двух сегментов месяца с отверстием в верхней части. Выявленные в сравнительной близости от капища указанные кострища являются, видимо, остатками языческих жертвоприношений. По мнению исследователей, святилище было разрушено в конце X века [3, с. 47–52].

В 1951–1952 гг. новгородская археологическая экспедиция под руководством В. В. Седова провела раскопки святилища Перынь недалеко от летописного Новгорода. Здесь, согласно летописи, Добрыня в 980 году установил храм Перуна. Центральную часть святилища составляла приподнятая над окружающей поверхностью горизонтальная площадка в виде правильного круга диаметром 21 м, окруженная кольцевым рвом шириной 7 м и глубиной более 1 м. Точно в центре круга раскопками выявлена яма от столба диаметром 0,6 м. Здесь, по мнению исследователей, стояла деревянная статуя Перуна, перед идолом находился жертвенник в виде круга, составленный из больших камней.

Ров, окружавший культовую площадку, представлял в плане не простое кольцо, а ободок в виде громадного цветка с восемью лепестками. Такую форму придавали ему восемь дугообразных выступов, расположенных правильно и симметрично. В каждом таком выступе на дне рва во время языческих празднеств разжигали ритуальный костер, а в одном из них, восточном, обращенном к Волхову, судя по количеству углей и прокаленности материка, горел «неугасимый» огонь. Ров, окружавший площадку с идолом, по мнению исследователей, имел ритуальное значение [27, с. 261].

Анализ результатов раскопок языческих святилищ, построенных во время языческой реформы 980 года позволяет примерно реконструировать систему языческого богослужения, установленную князем Владимиром после прихода к власти. Согласно археологическим данным, новые языческие храмы представляли собой монументальные сооружения в форме цветка с шестью или восемью лепестками – выступами, в центре которых горели костры из дубовых бревен. Языческие храмы, по мнению исследователей, располагались под открытым небом.

В храмах регулярно приносились жертвы, большую часть которых, согласно анализу остеологического материала найденного в жертвеннике киевского храма, составляли домашние животные (в подавляющем большинстве крупный рогатый скот). Жертвы, очевидно, убивали с помощью холодного оружия, в частности, специальных топоров, один из которых был обнаружен при раскопках киевского храма.

Холодное оружие (особенно топоры), по-видимому, у восточных славян считалось олицетворением Перуна. Не случайно Святослав и его дружина при составлении мирного договора с византийцами клялись на оружии. Оружие и золотые вещи, согласно «Повести временных лет», заменили образ Перуна, идол которого в то время находился в Киеве.

В сознании восточных славян топор, положенный в фундамент крепостных валов крепости, должен был охранять ее от нашествий врагов. В частности, подобный обычай был зафиксирован археологами на Смоленщине и в других областях восточнославянского мира [30, с. 289].

Известны случаи, когда боевой топор составлял часть погребального инвентаря. В погребении №18 культурного слоя IX–X вв. древнего Киева был обнаружен скелет мужчины возле правой ступни которого лежала секира. Череп покойного был проломлен. Кроме топора, были зафиксированы также колчан со стрелами [15, с. 84].

Есть основания предполагать, что жертвы для заклания избирались с помощью специального жребия. Во время раскопок киевского святилища на юго-западе от развалин капища находилась современная ему округлая яма диаметром до метра. В яме отмечено около 12 ямок от тонких деревянных колышков, расположенных в определенном порядке по краям ямы и в центре. Я. Е. Боровский предположил, что ямки с колышками были связаны с обрядом гадания — важнейшей составной частью языческого богослужения славян [3, с. 51].

Гипотеза Я. Е. Боровского находит подтверждение в письменных источниках. Так, Константин Багрянородный в своем сочинении «Об управлении империей» утверждал, что руссы во время приношения жертв вековому дубу (одному из образов Перуна) на острове Хортица с помощью жребия решали, кого из петухов зарезать, а кого отпустить [16, с. 49].

Как сообщает «Повесть временных лет» под 983 г. жрецы аргументировали необходимость принесения в жертву варяга-христианина тем, что «на него пал жребий». До этого, согласно источнику, они «метали жребий на отрока и девицу» [20, с. 80].

Обычай использования специальных жребиев для решения важных вопросов, видимо, был широко распространен как в славянском мире, так и вообще среди индоевропейских племен. Так, по данным Адама Бременского, язычники-варвары все спорные вопросы, касающиеся частных дел, решали с помощью специальных жребиев [1, с. 10].

Особый интерес вызывает проблема человеческих жертвоприношений в языческих храмах, построенных князем Владимиром после прихода к власти. Намек на существование данного обычая находим уже в начале описания религиозной реформы: «И жряху имъ, наричюще а богы, и привожаху сини своа и дщери и жряху бесом, и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровью земля Руская и холмъ тот» [20, с. 77, 78].

В отечественной историографии существует точка зрения, согласно которой наши предки в языческий период не приносили человеческих жертв. Фраза летописца под 980 г. о принесении людей в жертву, по мнению некоторых исследователей, не соответствует действительности и взята из Священного Писания [8, с. 327].

С данной гипотезой нельзя согласиться. Сообщение о приношении людей в жертву, поданное летописцем под 980 годом, находит подтверждение и в дальнейшем в тексте «Повести временных лет»: «Иде Володимеръ на Ятвягы, и побѣдъ Ятвягы, и взя землю их. И прииде Киеву, и творяще требу кумиромъ с людьми своими. И рѣша старци и боляре: «мещем жребьи на отрока и дѣвицу; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ». И бѣше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церкви святыя Богородица, еже созда Володимеръ. Бѣ же Варягъ той пришедь из Грекъ, и держаше втайнѣ вѣру крестияньску; и бѣ у него сынъ красенъ тѣломъ и душею, и на сего паде жребии по зависти дияволъ. И рѣша пришедшее послании к нему, яко «паде жребии на сынъ твой, понеже бо изволиша его бозъ наши себѣ, да створимъ требу богомъ». И рече Варягъ: «не суть бо бози, нѣ древо; днесъ есть, а утро изгнеть; не ядят бо бози, ни пють, ни молвят, а сами дѣлани суть. Не дам сына своего бѣсомъ». Они же, шедше, повѣдаша людемъ; абие же онъ народ, взявше оружье, поидоша на нѣ и обоидоша дворъ около его. Оному же стоящу на сѣнѣхъ съ сыномъ своимъ, и рѣша ему: «вдаи сына своего, да вдамы богомъ». Он же рече: «аще суть бозъ, то пошлѣютъ единого бога и поимуть сынъ мой; а вы чему перетеребуете имъ. И абие онъ народъ кликнуша велиимъ гласомъ, и подѣскоша сѣни под нима, и тако побиша я. И бяху бо тогда челоуѣци невьгласи и погани» [20, с. 80, 81].

Данный источник освещает несколько важных вопросов. Во-первых, не может быть никаких сомнений в существовании в эпоху правления Владимира практики человеческих жертвоприношений. Принесение людей в жертву в данном эпизоде представлено как повседневное явление, необычным представлялся автору летописи лишь факт отказа следовать указаниям служителей языческого культа. Во-вторых, является очевидным факт узурпации духовной власти князем Владимиром и его окружением. Великий князь «мечет жребий с людьми своими боярами и старцами», о профессиональных жрецах летопись совершенно умалчивает.

В тексте «Жития Федора и Иоанна» по списку Троице-Сергиевой Лавры находим уникальные сведения, отсутствующие в «Повести временных лет». Согласно данному источнику, варяг Федор не тайно исповедовал христианскую веру, как сообщает летопись, а открыто, и при этом «вопиялъ противу многобожия»; за это «идолопоклонники ненавидели его, а жрецы искали случая отомстить ему» [9, с. 44].

Таким образом, выбор сына Федора был далеко не случайным, как это пытался представить автор «Повести временных лет». Кроме того, в трагедии, разыгравшейся в Киеве в 983 году, согласно «Житию» самое активное участие сыграли жрецы. Они стремились отомстить Федору за его высказывания и сумели повлиять на метание жребия таким образом, что выбор пал именно на его сына: «Собрание отличных людей кинуло жребий, кому пролить кровь, но хитрые жрецы направили жертвенный нож на Иоанна сына Федорова. Немедленно посланы к нему нарочные, которые именем богов, князя и народа потребовали привести юного христианина» [9, с. 45].

Показательно, что в данном источнике, как и в летописи, жребий бросали «отличные люди», в которых угадываются летописные «бояре и старцы», а не жрецы. Профессиональные служители культа представлены как интриганы, натравливающие на варягов-христиан «отличных людей» и жителей Киева. Они же появляются в роли «посланников», сообщающих Федору о том, что выбор богов пал на его сына. Согласно летописи В. Татищева, жрецы, изгнанные из дома Федора, вернулись к старейшинам с сообщением о том, что варяг отказывается принести в жертву своего сына: «И послали старейшины за тем отроком к отцу его просить, чтоб прислал сына. Посланные же сказали ему:

«Поскольку пал жребий на сына твоего; таково соизволение богов, да сотворим им его в жертву» И сказал варяг ... не дам сына моего бесам». Они же, пойдя, возвестили старейшинам» [32, с. 46, 47].

В «Житии Федора и Иоанна» содержится и описание окончания трагедии. Согласно данному источнику, варяга Федора убила толпа киевлян, посланная жрецами, а Иоанн был принесен в жертву Перуну: «Святыи Феодор первый пал под ударами, святыи Иоаннъ своею кровью обрызгал мерзкий истукан Перуна» [9, с. 45].

Летопись В. Татищева сообщает данные, значительно дополняющие сведения «Повести временных лет» и «Жития Федора и Иоанна». Так, согласно данному источнику, кровавый эпизод с участием варягов Федора и Иоанна был лишь заключительной частью жертвоприношений в честь победы Владимира над ятвягами. Перед этим, согласно данному источнику, в жертву было принесено множество скота и пленных [32, с. 46, 47].

Таким образом, автор «Повести временных лет», сообщая о факте построения языческого капища в Киеве, возмущался не тем, что наши предки приносили в жертву животных, а тем, что киевляне приводили к нему своих детей, на которых пал жребий.

Сообщение автора «Повести временных лет» и некоторых других письменных источников подтверждаются данными археологии. При раскопках Киевского святилища вокруг культового сооружения были найдены остатки ритуальных костров с пережженными и обгоревшими костями людей, а также амулеты и предметы языческого богослужения [3, с. 52].

В целом же, можно прийти к выводу, что после прихода к власти Владимира и осуществления им языческой реформы, в результате которой князь и его окружение заняли высшие ступени жреческой иерархии, человеческие жертвоприношения приняли регулярный характер.

Очевидно, в каждом из племенных союзов, а возможно и племен, входивших в состав Киевской Руси существовал собственный пантеон языческих божеств, жрецы которых всячески подогревали центробежные настроения местной элиты. Все это самым негативным образом сказывалось на стабильности существования восточнославянского государства, создавало почву для выступлений против великокняжеской власти, ослабляло обороноспособность.

Выдвижение Перуна на первое место в восточнославянском пантеоне должно было привести к подчинению всех восточнославянских служителей языческого культа жрецам главы языческого пантеона, то есть окружению князя Владимира и самому великому князю. Таким образом, была проведена сакрализация княжеской власти, узаконивание походов княжеской дружины против сепаратистов и соседей, обожествление княжеского права.

Как справедливо заметил Е. В. Аничков Владимир, поставив пантеон божеств разных племенных союзов, входивших в состав Киевской Руси, во главе с Перуном «вне двора теремного», тем самым объявил себя не только главой жрецов полянского племени, но и верховным жрецом всей Киевской Руси, создав тем самым первый общегосударственный культ [2, с. 65]. Позднее схожую точку зрения высказал Ф. Е. Корш [17, с. 2].

Став верховным жрецом, Владимир в народном сознании унаследовал и некоторые черты языческого божества. Народная память сохранила его прозвище — «Красное солнышко». Подобно языческим богам, Владимир в былинах все свое время проводит в пирах. «Повесть временных лет» приписывает князю сожительство с сотнями женщин. Как и природные стихии, Владимир капризен, непостоянен, не держит своего слова, но вместе с тем он часто «одаривает» своих богатырей, угощает на пирах народ. Владимир и в былинах, и в преданиях — один из символов Руси, он лишен индивидуальных черт, каких бы то ни было особенностей характера. Образ Владимира обобщенный. В народной памяти от действительно существующей исторической личности остались только имя, титул и высокое положение главы государства [18, с. 133].

В сознании своих соотечественников Владимир был колдуном и не утратил сверхъестественную силу даже после принятия христианства. Скорее всего, наши предки верили, что подобно умершим жрецам, Владимир мог после смерти превратиться в зловредного упыря. По этой причине после смерти великого князя его выносили из дворца не через дверь, как большинство других умерших людей, а через специальный пролом в стене: «ночью же межю двема клътми проимаше помость» [20, с. 96].

Уже в христианскую эпоху в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона прослеживается образ Владимира в виде предка-берегини к которому обращаются с просьбой править «богом данными ему людьми» [29, с. 109]. Вплоть до нашего времени у россиян и украинцев сохранился обычай вынимать одну из досок с крыши или ломать стенку в случае смерти колдуна или ведьмы [10, с. 345, 346].

В эпоху князя Владимира важное место в религиозной жизни восточных славян занимал его дядя Добрыня. Исходя из ряда летописных данных, можно предположить, что ему в религиозное

управление Владимир передал Новгород. Согласно «Повести временных лет», именно Добрыня руководил сооружением нового храма в урочище Перынь, а затем он же и возглавил здесь христианизацию.

Наместники великого киевского князя в подвластных землях, а также воины, осуществлявшие административную власть в крупных городах, вполне могли быть теми самыми «старцами», с которыми Владимир советовался при решении религиозных вопросов. Не случайно в древнерусском языке термины «старец», «старейшина» близки по смыслу понятию «князь» — то есть воин, наделенный административной властью. М. Б. Свердлов считал, что «старцы», «старейшины», «старосты» — это воинская знать [26, с. 20].

В летописных рассказах о князе Владимире Святославиче «старцы» упоминаются наряду с боярами при выборе жертв для богов, как советники князя во время принятия христианства, и, наконец, вместе с епископами при замене наказаний за преступления [20, с. 58, 74, 75, 87].

Наместники различных областей восточнославянского мира, а также знатные воины — бояре во главе с самим верховным князем составляли совет, решающий важнейшие вопросы, связанные с религиозным культом. Как свидетельствуют письменные источники, религиозный совет созывали в случае военных походов и с помощью жребия определяли будущих жертв языческим богам.

Таким образом, после реформы 980 г. древнерусские князья должны были стать во главе всего древнеславянского языческого жречества, опираясь при этом на своих наместников и дружинников. Вместе с тем, кроме высшего жречества, в Киеве и других крупных городах должны были сохраниться и рядовые служители культа, содержащие в порядке языческие храмы, следившие за выполнением религиозных ритуалов, осуществлявшие гадания и т.п., то есть профессиональные жрецы. В поздней Густынской летописи упоминаются какие-то «ереи — жрецы идольские», следившие за порядком в святилище Перуна» [22, с. 257]. Очевидно, это и были рядовые adeпты бога-громовержца.

Таким образом, Владимир, поставив в 980 году новые языческие святилища в Киеве и Новгороде, посвященные своему покровителю — Перуну, тем самым принял сан верховного жреца и попытался подчинить всех языческих жрецов своей власти. На местах религиозными общинами должны были управлять княжеские наместники и управители из числа дружинников князя. В жреческой системе бога Перуна существовали и профессиональные служители культа, но они занимали подчиненное положение по отношению к князю и его дружинникам.

В отечественной историографии в наше время существует несколько мнений относительно принципов, которыми руководствовался князь Владимир, подбирая языческие божества для своего пантеона. Согласно одному из них, шесть божеств, представленных в пантеоне Владимира, — это главы пантеонов шести летописных восточнославянских племен [24, с. 657].

Другая точка зрения заключается в том, что Владимир составил свой пантеон из божеств различных народов и племен, входивших в состав Киевской Руси [2, с. 327, 341], [6, с. 24]. Существует мнение, согласно которому различные божества пантеона Владимира представляли различные стороны общественной жизни восточнославянского государства [19, с. 216].

Анализируя пантеон, поставленный князем Владимиром в 980 г., по нашему мнению, нужно обратить внимание на тот факт, что в нем не представлено одно из наиболее авторитетных восточнославянских божеств — Велес. Между тем, письменные источники свидетельствуют о том, что в восточнославянской дружинной среде Велеса почитали не меньше, чем Перуна.

Так, например, показательным выступает тот факт, что воины — дружинники клялись Велесом при составлении мирных договоров с византийцами. Очевидно, данное божество помнили и почитали профессиональные воины даже в XI веке. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что Велес упоминается в дружинном эпосе «Слово о полку Игореве». Исследователи высказывали различные точки зрения относительно этого факта.

Е. В. Аничков, например, высказал предположение, согласно которому Владимир не представил идола бога Велеса в своем пантеоне по той причине, что Велес уже стоял на Подоле и дублировать его в пантеоне не было смысла [2, с. 67]. О. М. Рапов пришел к выводу, что идола Велеса не было в пантеоне Владимира потому, что новый киевский храм был предназначен для потребностей не простых киевлян, а представителей элиты [23, с. 36].

С данной точкой зрения нельзя согласиться. Князь Владимир и его окружение были заинтересованы в том, чтобы как можно большее количество их подданных признало реформированное язычество. Именно для этого новый языческий храм строили за пределами «двора теремного» и представили в новом пантеоне божеств разных племен и народов, вошедших в состав Киевской Руси. Между тем, великий киевский князь не просто построил новое святилище, он

установил государственный культ. Не представив Велеса в своем пантеоне, Владимир тем самым отстранил от государственной власти его служителей — волхвов.

В текстах мирных договоров киевских князей Олега и Святослава Велес предстает наряду с Перуном гарантом выполнения договора со стороны русской дружины. Таким образом, и служители бога Велеса — волхвы были авторитетной группой восточнославянского жречества.

Возможно, что, не представив Велеса в своем общегосударственном пантеоне, Владимир попытался тем самым лишить жрецов этого божества влияния на социально-экономическую и политическую жизнь своего государства. Вероятно, именно после религиозной реформы совет из бояр (наиболее влиятельных дружинников) и старцев (представителей административной власти) при князе Владимире заменил древнерусское вече, на котором жрецы этого божества традиционно председательствовали вместе князьями.

Отечественные исследователи не обратили внимания на тот факт, что Владимир, захватив власть, отказался от такого института управления, как общенародное вече. Между тем, письменные источники свидетельствуют о том, что наши предки в течение многих веков все важнейшие вопросы своей общественной жизни решали на общенародных собраниях.

Так, согласно данным Константина Багрянородного, восточнославянские князья, и в частности, князь Аскольд, решали все важнейшие государственные вопросы на вече вместе со жрецами и старейшинами. Так, византийский император в отрывке своего труда «Об управлении империей» при описании событий, связанных с принятием христианства частью руссов в 60-х годах IX века, представил уникальные факты: «Властитель того народа, созвав собрание подданных и председательствуя со старцами, которые через долгую привычку долгие других подвержены были язычеству, рассуждая о своей вере и вере христиан, зря призывал всех новую веру принять» [16, с. 211].

Особый интерес в свете нашего исследования вызывает тот факт, что согласно данному источнику, восточнославянские князья, правившие в Киеве до Владимира, решали важные вопросы на общенародном вече «во главе со старцами больше других приверженных язычеству», то есть жрецами.

Важную информацию находим также в Лаврентьевской летописи под 1176 г. Сообщая о том, как в упорной борьбе со старшими городами Ростовом и Суздалем молодой город Владимир взял верх, летописец сообщает ценную деталь: «Новгородци бо изначала и Смоленяне, и Кыяне, и Полочане, и все власти как на думу на вече сходятся; на что же старейший сдумают, на томъ же пригороды станут» [21, с. 377, 378].

Упоминания о собрании в Киеве некоего совета во главе с князем и служителями языческого культа содержатся даже в восточнославянском фольклоре. Например, в древнерусской былине «Добрыня и змей» сообщается о том, как князь Владимир советовался с «князьями-боярами», «сильными русскими могучими богатырями» и «волхвами-кудесниками» [5, с. 184].

Присутствие жрецов на всенародных собраниях было обязательным у всех индоевропейских народов: древних германцев, кельтов, балтов. Возможно, что у наших предков дохристианского периода право председательствовать на общенародных собраниях имели жрецы Велеса — волхвы. Имя древнеславянского божества «Велес» близко термину «vet» — «вече», «совет» [12, с. 69–71].

Согласно археологическим данным, так называемые «длинные дома», в которых наши предки решали важнейшие вопросы своей внутренней и внешней жизни, соседствовали с языческими храмами. В «длинных домах» проводили языческие торжества, ритуал которых был строго регламентирован и проводился под наблюдением жрецов [33, с. 167]. Вполне вероятно, что и на вечевых собраниях служители языческого культа играли не последнюю роль.

Идолы Велеса — покровителя торговли обычно стояли на торговых площадях в крупных городах. Вероятно, на этих самых площадях традиционно собиралось общенародное вече. Таким образом, отстранение от власти Владимиром наиболее влиятельной группы восточнославянского жречества — служителей Велеса было связано с попыткой заменить традиционный институт общенародного вече на совет из ближайшего окружения Владимира.

В пантеоне Владимира не были представлены также Род, Сварог, богини-рожаницы, а также народные божества — олицетворения солнца.

И это закономерно. Все эти божества были символами эпохи перехода от родового строя к классовому обществу. Они были патронами родовых инициаций, порождающих целые армии неподконтрольных киевскому князю профессиональных воинов, покровителями власти родовых старейшин и влиятельных жреческих кланов, враждебных великокняжеской власти.

Большой интерес вызывает также тот факт, что в дружинный пантеон князя Владимира попали Макош и Дажьбог, почитаемые не только профессиональными воинами, но и простыми земледельцами. Возможно, что этот факт был связан с тем, что жреческие кланы этих богов были не

такими влиятельными, как, например, волхвы Велеса, и Владимир не видел в них особой угрозы своей власти. К тому же, по нашему мнению, следует принять во внимание тот факт, что топонимы, производные от имен Макоши и Дажьбога фиксируются в основном в Северной Руси [35, с. 131–134]. Таким образом, влияние служителей культа этих божеств на Киев должно было быть незначительным.

Таким образом, появление в дружинном пантеоне Владимира Макоши и Дажьбога выглядит вполне закономерным. Во-первых, данные фантастические существа, связанные в сознании наших предков с подачей блага, источниками воды и плодородием земли, должны были стать своеобразными посредниками между средним миром людей и мирами богов и олицетворениями среднего человеческого мира. Во-вторых, привлечение в дружинный пантеон Макоши и Дажьбога, имеющих большой авторитет в народной среде, должно было облегчить распространение нового, реформированного язычества.

Кроме того, божества, собранные Владимиром на Перуновом холме возможно, были подобраны также по принципу «замещения». Боги — воины Перун и Хорс заменили архаического Первобога Рода-Сварога, Дажьбог должен был дублировать народных божеств — олицетворений времен года, богиня плодородия земли Макош — рожаниц. Стрибог должен был стать символом старых упырей, а один из синтетических тотемов — дух-берегиня Семаргл, по замыслу Владимира, заменил собой Велеса.

Таким образом, учредив новый государственный пантеон, Владимир сделал попытку окончательно оформить особую дружинную модель восточнославянского языческого мировоззрения, предоставив новому дружинному пантеону статус государственной религии. Некоторых из народных божеств, в частности Макош и Дажьбога, Владимир включил в свой пантеон, пытаясь увеличить его популярность в народной среде. Других народных богов — Велеса, Рода-Сварога, рожаниц и богов-олицетворений времен года Владимир не привлек в государственный пантеон, пытаясь таким образом ослабить власть родовых старейшин и влиятельных жреческих кланов, власть которых была связана с культом данных богов.

Как свидетельствует «Повесть временных лет», реформа князя Владимира вызвала противодействие в нескольких регионах государства. Первым походом князя Владимира после религиозной реформы 980 года стал поход на поляков, закончившийся захватом целого ряда червеньских городов: «В лѣто 6489 Идет Владимиръ къ Ляхомъ и зая грады их: Перемышль, Червень и иныи грады, еже есть под Русию» [20, с. 42].

Направление похода Владимира, по нашему мнению, вполне закономерно. Именно в конце X века в Галицкой Руси образовались большие городища — святилища с тяготеющими к ним поселениями-спутниками. Многие исследователи относят их образования к 988–989 годам, то есть ко времени принятия христианства, но в конце 80-х годов, согласно «Повести временных лет», Среднее Поднепровье уже обезлюдело, и князь Владимир был вынужден заселять свои южные границы кривичами, новгородскими словенами, чудью и даже кочевниками. Это означает, что в то время города-святилища уже существовали и приняли значительное количество населения. Скорее всего, их строительство началось гораздо раньше, возможно, в период первой религиозной реформы князя Владимира. В галицких лесах нашли свое пристанище служители языческого культа и их сторонники, не принявшие нововведений князя Владимира. Существенный отток населения на спорные территории вызвал недовольство великого князя и спровоцировал поход Владимира на территорию Польши.

Другим направлением княжеских походов стала Северо-Восточная Русь — регион, где через несколько лет будет происходить ожесточенное сопротивление христианизации: «Семъ же лѣтъ и Вятици побѣди, и возложи на них дань от плуга, якоже и отецъ его имаше. В лѣто 6490 Заратишася Вятици; иде на ня Владимиръ и побѣди я второе... В лѣто 6492 Иде Владимиръ на Радимиць. И бѣ у него воевода Волчии Хвостъ, и посла пред собою Владимиръ Волчиа Хвоста; и всрьте Радимичи на рѣцѣ Пищани, и побѣди Вльчии Хвостъ Радимичъ; тѣмъ же и Русь корят Радимичъ, глаголюще: «пищаныци волчиа хвоста бѣгали» [20, с. 42].

Восстание восточнославянских племенных союзов против великокняжеской власти традиционно приходится на периоды гражданских войн, обострения внешнеполитической обстановки или голода. Между тем, отечественные летописи не сообщают ни о каких катаклизмах в жизни восточнославянского общества 80-х годов X века. Владимир уверенно чувствовал себя на киевском престоле и мог позволить себе делать походы на своих соседей — ятвягов и поляков. Таким образом, единственной причиной ряда восстаний в Северо-Восточной Руси могла стать религиозная реформа князя Владимира 980 года. В пользу данного утверждения косвенно свидетельствует и появление в конце X века нескольких языческих храмов, похожих на языческие святилища, поставленные во время языческой реформы в Киеве и Новгороде.

Согласно археологическим данным, несмотря на все усилия князя Владимира и его дружинников, культ небесного патрона Перуна не получил широкого распространения в восточнославянских землях. Так, например, амулеты топоры — символы Перуна были зафиксированы лишь в археологическом слое крупных городов или военных поселений, то есть там, где была сильна власть великого князя. Известны случаи фиксации подобных находок археологами в городах и военных поселениях юга — в Среднем Поднепровье, на севере — в Белоозере, на западе — в Полоцкой земле и на востоке — территории Владимиро-Суздальской Руси. На периферии же, в небольших поселениях и могильниках, ни одного подобного символа археологи не обнаружили [27, с. 48, 49].

По мнению М. Ю. Брайчевского, главной причиной неудачи религиозной реформы князя Владимира в 980 году было то, что он поставил во главе языческого пантеона не Дажьбога — главного бога полян, а новгородско-ладожского Перуна [4, с. 132]. С данной точкой зрения нельзя согласиться. Нет никаких данных о том, что идол Дажьбога стоял в Киеве в 980 году. Анализ топонимики свидетельствует о том, что данное божество было не столь популярно на юге Руси, как Велес или даже Перун.

Возможно, что реформа 980 г. вызвала противодействие населения Киевской Руси не потому, что во главе пантеона не поставили Дажьбога, а потому, что населению насильно навязывали непонятные, чуждые ему верования и культы. Кроме того, восстания провоцировали профессиональные служители языческого культа, которые были поставлены в подчиненное положение относительно великого киевского князя и его окружения. Наиболее влиятельный жреческий клан бога Велеса вовсе был отстранен от центральной власти. Народное вече, в котором традиционно играли большую роль волхвы — жрецы Велеса, было заменено на совет дружинников и администраторов при князе Владимире.

Таким образом, можно сделать вывод, что окончательное развитие получила дружинная мировоззренческая модель после религиозной реформы князя Владимира в 980 году. Пантеон восточнославянских дружинных богов получил статус государственной религии. Сформировался официальный культ дружинных богов, предполагающий принесение регулярных человеческих жертвоприношений. После религиозной реформы 980 года князь стал верховным жрецом в своем государстве, а его наместники и бояре заняли высшие ступени жреческой иерархии.

Список литературы

1. Адам Бременский. Хроники архиепископов Гамбургской церкви / Адам Бременский; под ред. М. Б. Свердлова // Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия: IX — первая половина XII вв. — М. — Л.: Наука, 1989. — С. 1–327
2. Аничков, Е. В. Язычество и Древняя Русь / Е. В. Аничков. — СПб., 1914. — 386 с.
3. Боровский, Я. Е. Мифологический мир древних киевлян / Я. Е. Боровский. — Киев: Наукова думка, 1982. — 103 с.
4. Брайчевский, М. Ю. Утверждение христианства на Руси / М. Ю. Брайчевский. — Киев: Наукова думка, 1989. — 294 с.
5. Былины. — М.: Наука, 1989. — 560 с.
6. Гальковский, Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси / Н. М. Гальковский. — Харьков, 1913. — Т. 1. — 346 с.
7. Голубинский, Е. Е. История русской церкви / Е. Е. Голубинский. — М., 1913. — Т. 1. — 986 с.
8. Грушевський, М. С. Історія України-Руси / М. Грушевський. — Київ: Наукова думка, 1991. — Т. 1. — 648 с.
9. Житие Федора и Иоанна по списку Троицево-Сергиевой Лавры // Жития святых в 2-х томах. — СПб., 1915. — Т. 2. — С. 44–46
10. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. — М.: Наука, 1991. — 507 с.
11. Золотов, Ю. М. Изваяния языческих богов на Руси / Ю. М. Золотов // Советская археология. — 1985. — № 4. — С. 234–236.
12. Иванов, В. Язык как один из источников этногенетических исследований и проблематика славянских древностей / В. Иванов // Советское славяноведение. — 1973. — № 4. — С. 69–71.
13. Иловайский, Д. И. Становление Руси / Д. И. Иловайский. — М.: АСТ, 2003. — 860 с.
14. Карамзин, Н. И. История государства Российского / Н. И. Карамзин. — СПб., 1818. — Т. 1. — 221 с.
15. Каргер, М. К. Древний Киев / М. К. Каргер. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — Т. 1. — 579 с.
16. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Константин Багрянородный; пер. С. П. Кондратьева. — М.: Изд-во АН СССР, 1989. — 337 с.

17. Корш, Ф. Владимировы боги / Ф. Корш. — Харьков: Изд-во Харьковского Историко-филологического общества, 1909. — 676 с.
18. Котляр, Н. Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах / Н.Ф. Котляр. — Київ: Наук. думка, 1986. — 157 с.
19. Кузьмин, А. К. Крещение Руси / А. К. Кузьмин. — М.: Алгоритм, 2004. — 416 с.
20. Повесть временных лет / под ред. и с пред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 239 с.
21. ПСРЛ — Т.1: Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 472 с.
22. ПСРЛ — Т.2: Ипатьевская и Густынская летописи. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 938 с.
23. Рапов, О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII вв. Принятие христианства / О. М. Рапов. — М.: Наука, 1988. — 416 с.
24. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. — М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1987. — 783 с.
25. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. — М.: Наука, 1981. — 608 с.
26. Свердлов, М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси / М. Б. Свердлов. — Ленинград: Наука, 1983. — 352 с.
27. Седов, В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов. — М.: Наука, 1982. — 327 с.
28. Седов, В. В. Новые данные о языческом святилище Перуна / В. В. Седов // Краткие сообщения Института археологии. — 1954. — Вып. 53. — С. 105-109.
29. Слово о законе, данном через Моисея и Благодати и истине Митрополита Илариона // Златоструй. Древняя Русь X–XIII веков. — М.: Наука, 1990. — С. 106–122.
30. Смирнов, К. А. Новые данные о почитании топора древними славянами / К. А. Смирнов // Советская археология. — № 3. — 1977. — С.289-290.
31. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен в восемнадцати книгах / С. М. Соловьев. — Книга 1. — М.: Мысль, 1988. — Т. 1-2. — 798 с.
32. Татищев, В. Н. История Российская / В. Н. Татищев. — М.: АСТ, 2003. — Т. 2. — 735 с.
33. Тимошук, Б. А. Во времена Збручского идола / Б. А. Тимошук., И. П. Русанова // Вопросы истории. — 1990. — № 8. — С. 153-157.
34. Толочко, П. П. Древний Киев / П. П. Толочко. — Киев: Наукова думка, 1989. — 326 с.
35. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. — М.: Мысль, 1992. — Вып. 19. — 324 с.
36. Lowmianski, H. Religia slowian i jej upadek / H. Lowmianski. — Warszawa, 1979. — 159 s.

Статья поступила в редакцию: 16.04.2018

Kozlov, M. N. *Religious Reform of Prince Vladimir of 980: Preconditions and Consequences*

The article deals with one of the most mysterious topics in history of Ancient Rus of the pre-Mongolian epoch – the so-called pagan reform of 980. Using a historical and analytical method of scientific research, the author conducts a historiographical analysis of the problem, shows reasons and consequences of the religious reform of 980, presents his vision of principles of the selection of the east Slavic deities for a new pantheon. The author discusses a quite significant in modern historical science topic of practice of human sacrifice in the new temple. The article also touches upon the topic of transformation of hierarchy of Perun servants and other military retinue deities after the religious reform of prince Vladimir of 980.

Keywords: pagan reform, pagan temple, temple, military retinue pantheon, human sacrifice, boyars, venerable old men, family community, pagan cult servants.

УДК 94(85+866)"182/199"

Рассматриваются причины и факторы, приведшие к территориальному конфликту между Перу и Эквадором, анализируется опыт применения вооруженных сил в череде конфликтов между этими странами, освещается ход политического урегулирования конфликта, роль международных посредников в переговорном процессе. Применена следующая периодизация конфликта: конфликт 1859-60 гг., война 1941-42 гг., пограничный инцидент 1981 г., война 1995 г.

Ключевые слова: Латинская Америка, Перу, Эквадор, вооруженный конфликт, войны XX века.

Д. Б. Татарков, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: DBTatarkov@sevsu.ru

В. И. Двухшорстнов

Заместитель директора научно-образовательного центра

«Центр морских исследований и технологий»

Севастопольский государственный университет

E-mail: victor19741978@gmail.com

ПЕРУАНО-ЭКВАДОРСКИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ XIX-XX вв.

Территориальный спор между Эквадором и Перу, приведший к трем войнам, многочисленным человеческим жертвам и разрушениям, велся вокруг обширной области, лежащей между восточными отрогами Анд и рекой Амазонкой. Северной границей спорной территории является приток Амазонки – Путумайо, южной – река Мараньон. Общая площадь региона составляет около 280 000 км². Наличие на этих бескрайних просторах влажно-тропической сельвы, потенциально богатых нефтяных месторождений, предопределили те причины, по которым вялотекущий с середины XIX века территориальный конфликт между двумя не особенно развитыми латиноамериканскими государствами, приобретет в XX веке - веке борьбы за энергоресурсы - особую остроту.

Первый раз междуречье притоков Амазонки стало объектом территориального спора двух независимых государств во время войны 1829 года между Великой Колумбией (в состав которой до 1830 года входил Эквадор) и Перу. После окончания боевых действий, между этими странами был заключен ряд мирных договоров и соглашений, в том числе и договор от 11 августа 1830 года. По утверждению эквадорской стороны, этот договор декларировал намерение двух государств установить границу между собой на востоке вдоль рек Мараньон и Амазонка, на западе вдоль реки Тумбес. Положения договора явились отправной точкой и, пожалуй наиболее упоминаемым аргументом, Эквадора в отстаивании своего права на спорную территорию. Эквадор, указывая на факт своего вхождения до 1830 года в состав Великой Колумбии, утверждал, что по вопросам внешнеполитической деятельности касательно установления границ в верховьях Амазонки, является правопреемником этого государства. Перу не только не признавало этого утверждения, но и ставило под сомнение подлинность существующего текста договора.

В 1830 году, воспользовавшись благоприятной для себя ситуацией, сложившейся в результате распада Великой Колумбии, Перу начинает активно проникать на территорию к северу от Амазонки. В 1832 году, после того как между Перу и Эквадором были установлены дипломатические отношения, стороны не раз пытались разрешить спорную ситуацию мирным путем. Однако целый ряд переговоров и консультаций, посвященных вопросу о границе, закончился безрезультатно. С 1841 года эквадорская сторона резко ужесточает свою позицию и в ультимативной форме требует от Перу вернуть ей спорные территории. В ответ правительство Перу в еще большей степени начинает поощрять колонизацию спорных районов в Сельве, чему в немалой степени способствовали географические особенности междуречья притоков Амазонки – в руках перуанцев оказался более доступный путь проникновения в регион. На государственном уровне поддерживается любая активность перуанских элементов по проникновению на спорные территории. К северу от Амазонки создаются постоянные военные посты, вокруг которых складываются сельскохозяйственные зоны. Корабли речного флота Перу, опираясь на порт Икитос, активно начинают исследовать бассейны притоков Амазонки.

Накопление конфликтного материала в отношениях между Перу и Эквадором достигло предельного состояния во второй половине 50-х годов XIX века. Сначала Перу, для усиления своих позиций к северу от Амазонки, заключило с Бразилией 23 октября 1851 года соглашение о границе.

Бразилия признавала за Перу всю территорию, на которую претендовал Эквадор. Вполне естественно, что последний, не только немедленно подверг жестокой критике положения перуано-бразильских соглашений, но и пытался опротестовать сам договор. Затем, Эквадор объявил о намерении передать Великобритании в уплату государственного долга территорию Канелос. Несмотря на протест со стороны Перу, считавшей Канелос своим, эквадорское правительство приступило к переговорам с Лондоном. Но переговорам не суждено было закончиться. Воспользовавшись внутренней слабостью своего северного соседа (Эквадор стоял на пороге очередной гражданской войны) перуанская армия в 1859 году перешла границу и оккупировала область вокруг важнейшего эквадорского города Гуакиль. Не имея сил и средств на отражение нападения, Эквадор в феврале 1860 года был вынужден пойти на уступки и, в обмен на эвакуацию перуанских войск, отказался от передачи спорных территорий Соединенному Королевству.

В конце XIX века на перуано-эквадорские отношения определенное влияние оказала Тихоокеанская война 1879-1883 гг. Потерпев жестокое поражение от Чили, лишившись важных в экономическом отношении областей Тарапака, Такна и Арика, Перу было вынуждено вести более осторожную политику по вопросу о землях к северу от Амазонки. В августе 1897 года обе стороны договорились вынести проблему спорных территорий на рассмотрение международного арбитража. В качестве арбитра был выбран король Испании. Но уже через несколько месяцев, по инициативе Эквадора, от услуг третьей стороны было решено отказаться и приступить к прямым переговорам. 2 мая 1890 года, используя слабость Перу, еще не оправившегося после чилийского разгрома, Эквадор сумел добиться подписания благоприятного для себя договора. По соглашению между правительствами двух стран, Эквадор получал доступ в бассейн Амазонки, право судоходства по рекам Путумайо и Напо, часть спорных территорий в Тумбес, Маунас и Канелос.

Договор от 1890 года, хотя и притупил на некоторое время остроту отношений между Перу и Эквадором, но полностью урегулировать конфликтную ситуацию не смог. Причем недовольными сложившейся ситуацией оказались обе стороны. Уже в первые годы XX века, по мере того как Перу удавалось преодолевать последствия поражения в Тихоокеанской войне, ее позиция по вопросу о спорных территориях становилась все более жесткой. В 1903 и 1904 году дело вновь дошло до военных столкновений. Причем лучше вооруженные и обученные перуанские войска вышли победителями в этих пограничных боях.

Значительное влияние на развитие отношений между Перу и Эквадором, в первой половине XX века в частности, а также на обстановку, которая сложилась в этот период в регионе в целом, оказал договор, заключенный между Перу и Колумбией в марте 1922 года. Согласно этому соглашению, основные положения которого сторонам некоторое время удавалось держать в секрете, Колумбия признавала обоснованность перуанских претензий на территории в междуречье притоков Амазонки. Богота и Лима договорились, что граница между Колумбией и Перу должна проходить по притоку Амазонки – реке Путумайо, за исключением небольшого участка в районе города Летисия, где Колумбия получала доступ к основному руслу Амазонки. Для Перу соглашение с Колумбией оказалось двояким, с одной стороны такая крупная и авторитетная латиноамериканская страна как Колумбия признавала право Перу владеть территориями к югу от Путумайо, с другой стороны Перу уступала северному соседу богатую каучуком и хинным деревом область Летисия. Этот факт стал настолько серьезным аргументом во внешней политике очередного перуанского правительства, что в 1932 году разразилась колумбийско-перуанская война. В результате двухлетних боевых действий спорная область была разделена между Перу и Колумбией. Для Эквадора, мартовский договор 1922 года между Перу и Колумбией оказался серьезным ударом. И дело не только в том, что стороны вели переговоры относительно судьбы региона, который Эквадор считал неотъемлемой частью своей территории. Ситуация осложнялась тем, что государство, когда-то составлявшее с Эквадором одно целое, в его территориальном конфликте с Перу встало на сторону последнего.

Война 1941-42 гг.

Очередной виток напряженности в отношениях между Эквадором и Перу пришелся на конец 30 х годов XX столетия. Подписанное в 1936 году сторонами соглашение об установлении разграничительной линии на спорных территориях постоянно нарушалось. На границе нередко происходили инциденты, которые зачастую сопровождались использованием оружия. Стороны обменивались резкими заявлениями, обвиняя друг друга в нарушении суверенитета и территориальной целостности сопредельного государства, разжигании межнациональной розни, призывах к территориальным захватам и войне. Начиная с 1938 года, по обе стороны границы усилились военные приготовления.

11 января 1941 года, основываясь на информации об интенсификации незаконного проникновения эквадорских воинских формирований на территорию, которую Перу, безусловно, считало своей, перуанский президент - М. Парада приказал выделить приграничные с Эквадором районы в особый Северный Театр военных действий. Соединения и части, которые сосредотачивались на границе с Эквадором, были сведены в группу войск «Север».

К концу июня 1941 года, когда сосредоточение перуанских войск на границе с Эквадором в целом было завершено, боевой состав группы войск «Север» выглядел следующим образом. Сводная бронекавалерийская группа в составе двух кавалерийских полков, бронетанкового батальона (12 танков ЛТР производства Чехословакии) и частей усиления. Две легкопехотные дивизии, которые, впрочем, едва дотягивали до уровня бригад. Отдельные части и подразделения, предназначенные для ведения боевых действий в джунглях. Общая численность группировки по разным данным составила от 11500 до 13000 человек.

Силы Эквадора были существенно меньше: два батальона регулярных войск, один из которых правильнее было бы назвать усиленной ротой, и немногочисленные формирования ополчения. Общая численность войск, находившихся в распоряжении эквадорского командования на вероятном направлении боевых действий, не превышала 1800 человек. Эквадорские подразделения были разбросаны на значительной территории, они испытывали недостаток в боеприпасах и снаряжении, практически не имели тяжелого вооружения и прикрытия с воздуха. Серьезное влияние на возможность эквадорских войск оказать сопротивление вторжению противника оказывала крайняя узость операционной базы южных районов страны. Действовавшие на этом направлении войска находились в прямой зависимости от бесперебойного функционирования порта Пуэрто-Боливар, через который шел основной поток подкреплений и предметов снабжения из внутренних районов Эквадора.

5 июля 1941 года на границе между Эквадором и Перу, в районе реки Сарумилья, произошел крупный вооруженный инцидент. В боевое столкновение, которое началось перестрелкой между отрядами приграничной стражи, постепенно втянулись регулярные армейские части. На следующий день бои шли уже по всей линии разделения спорной территории, причем перуанская сторона стала применять тяжелое вооружение и авиацию.

Уже в первые дни конфликта перуанские войска, значительно превосходящие своего противника в силах и средствах, добились серьезных успехов. Используя в качестве исходного района город Тумбес, главные силы группы войск «Север» развили стремительное наступление вглубь эквадорской территории. Эквадорские подразделения, практически не оказывая серьезного сопротивления, отходили к городу Пуэрто-Боливар. Их положение осложнялось отказом руководства страны направить на фронт значительные подкрепления. Основные силы эквадорской армии были сосредоточены в районе столицы. Принимая во внимание неустойчивую внутривнутриполитическую ситуацию в государстве, правительство не рискнуло провести сколько-нибудь значительное перемещение войск за счет ослабления гарнизона Киото.

Ко второй половине июня под контроль перуанских войск перешла большая часть эквадорской провинции Эль-Оро. На этом этапе разрастание конфликта вызвало серьезное опасение со стороны межамериканского сообщества. За немедленное прекращение огня и необходимость решения спорных вопросов только мирным путем, прежде всего, высказались такие страны как США, Бразилия и Аргентина. Совместными усилиями дипломатических ведомств этих государств, конфликтующие стороны удалось убедить приостановить боевые действия. 26 июня операции на перуано-эквадорском фронте временно прекратились. Но все дальнейшие попытки решить судьбу спорных территорий за столом переговоров натолкнулись на несговорчивую позицию сторон. Перуанское руководство требовало от противника окончательно и бесповоротно признать право своего государства на спорные территории в бассейне Амазонки. Эквадор, хоть и понес тяжелое военное поражение, еще не был готов пойти на подобные уступки. В подобной обстановке переговоры, не успев начаться, оказались сорванными.

Наступление перуанских войск возобновилось 27 июля 1941 года. Воздушным налетам подверглись города Пуэрто-Боливар, Мачала и Пасахе, а также ряд других населенных пунктов, расположенных во внутренних районах Эквадора. В районе Пуэрто-Боливар был выброшен первый в западном полушарии парашютный десант. К этому времени организованное сопротивление эквадорских войск прекратилось и, наступавшие перуанские части практически без боя занимали один город за другим. Одновременно с успехами на приморском направлении, перуанское командование добилось серьезных результатов и на других участках фронта. После незначительного сопротивления, эквадорские войска были вытеснены из спорных районов междуречья Амазонки. Потерпевшие поражение, основательно потрепанные в боях эквадорские части, под давлением превосходящих сил

противника, были вынуждены оставить приграничные провинции и отступить на северо-запад в общем направлении на город Куэнка. В результате, столь успешного для Перу, хода боевых действий, Эквадор потерял значительную часть своей территории. Полностью оккупирована противником оказалась провинция Эль-Оро, частично провинция Лоха. Перуанские войска создали реальную угрозу прорыва к важнейшим экономическим и политическим центрам Эквадора, прежде всего к крупному городу и порту - Гуаякиль.

Оказавшись на пороге полного военного поражения, правительство Эквадора было вынуждено просить противника о перемирии. 31 июля 1941 года боевые действия были приостановлены. 29 января 1942 года в Рио-де-Жанейро между Перу и Эквадором состоялось подписание мирного договора. Киото, в обмен на вывод перуанских войск с территории провинций Эль-Оро и Лоха, согласился признать суверенитет Перу над большей частью спорных территорий в междуречье притоков Амазонки, общей площадью 278000 км². Гарантами перуано-эквадорского соглашения выступили Аргентина, Бразилия, США и Чили.

После ратификации договора конгрессами обеих стран, началась работа по демаркации государственной границы. Очертания новой границы в своей основе совпадали с разграничительной линией, установленной по договору от 1936 года. Однако практически сразу же после того как двухсторонняя комиссия приступила к демаркационным работам на местах, возник ряд осложнений. Труднодоступность пограничных районов, отсутствие достоверных карт, различие в толковании некоторых положений мирного договора все это привело к затягиванию сроков окончания работы по демаркации. Для проведения работ на участке границы в районе горного хребта Кордильера-дель-Кондор, где особенно остро ощущались разногласия между сторонами, правительства Перу и Эквадора прибегли к иностранной помощи. Техническое обеспечение процесса демаркации границы на этом участке осуществлялось с помощью самолетов ВВС США, проводивших аэрофотосъемку как, так и прилегающей к нему местности. Правовая оценка разграничения была поручена международному арбитражу. В 1943 году бразильский арбитр Д. Де-Агуар вынес решение установить границу по горному хребту Кордильера-дель-Кондор. Что соответствовало перуанским предложениям и в корне противоречило требованиям Эквадора провести границу по восточным отрогам этой горного хребта. Такое требование Эквадора объяснялось его стремлением получить доступ к речным долинам амазонского бассейна. В конце концов, противоречия оказались настолько острыми, что в 1948 году по инициативе Эквадора работа комиссии вообще прекратилась. В результате на некоторых участках (5% от своей общей протяженности) граница осталась недемаркированной. Как следствие, напряженность между двумя странами продлилась еще на несколько десятков лет, являясь источником перманентного дипломатического кризиса и постоянных вооруженных конфликтов.

Пограничный инцидент 1981 года.

29 сентября 1960 года президент Эквадора В. Ибарра объявил, что его страна в одностороннем порядке выходит из договора Рио-де-Жанейро 1942 года. Свой шаг эквадорский лидер аргументировал тем, что договор носит неравноправный характер и был навязан его стране под военным давлением. Эквадор заявил о непризнании законности границы с Перу, и выступил за пересмотр вопроса о суверенитете над территориями к северу от Амазонки. Заявления эквадорского президента вызвали резкую критику Кито со стороны практически всех латиноамериканских государств, Эквадор не осуждала только Куба.

Более двадцати лет стороны обменивались дипломатическими демаршами, обвиняя друг друга в отсутствии конструктивизма, нагнетании напряженности и нежелании установить мирные добрососедские отношения. Все это происходило на фоне внутренних неурядиц и потрясений в обеих странах. Практически одновременно, в 1968 г. в Перу, а в 1972 г. в Эквадоре к власти приходят военные правительства. Впрочем, до начала 80-х годов прошлого столетия, занятым в основном решением своих экономических и социальных проблем, Эквадору и Перу удавалось удержаться от открытой конфронтации.

Ситуация в корне изменилась в начале 1981 года. 22 января перуанский военный вертолет Ми-8 при облете восточных отрогов горной цепи Кордильера-дель-Кондор был обстрелян с земли. Как оказалось, огонь велся с одного из трех военных постов, которые эквадорская армия установила на оспариваемой у Перу территории. Посты были названы в честь эквадорских городов: Пакиша, Майаику и Мачиназа. Пост, вокруг которого развернулись наиболее серьезные бои, дал название всему конфликту – война Пакиша.

Перуанской армии понадобилось неделя на подготовку силовой акции. Войска, техника и вооружения доставлялись в труднодоступные горные районы по воздуху. К утру 28 января 1981 года, сосредоточив против эквадорских постов необходимые силы и средства, перуанские части при

поддержке авиации атаковали позиции противника. Бои длились около десяти дней. В конце концов, используя перевес в огневых средствах, действуя решительно, перуанцы к 5 февраля сумели добиться успеха и очистили от эквадорцев все три поста. В эти дни с большим напряжением действовала авиация противников. Боевые самолеты ВВС Перу и Эквадора штурмовали наземные объекты, оказывали огневую поддержку войскам, перебрасывали грузы и людей, вели воздушную разведку.

Эскалация перуано-эквадорского конфликта вызвала резкое осуждение со стороны международного сообщества. 2 февраля 1981 года Организация Американских Государств призвала обе стороны немедленно прекратить огонь и решить все спорные вопросы за столом переговоров. И Перу и Эквадор в принципе были не против локализовать конфликт в рамках приграничного района и не доводить дело до полномасштабной войны. Противники согласились договориться о перемирии и принять международных наблюдателей от государств гарантов договора Рио-де-Жанейро 1942 года. Боевые действия продлились до 19 февраля 1981 года. Эквадорцы предприняли попытку провести частное наступление и отбить у противника утраченные посты, но потерпели неудачу и были вынуждены отступить. На этом активные боевые действия в районе Кордильера-дель-Кондор прекратились.

До середины 90-х годов XX столетия стороны больше не предпринимали попыток решить затянувшийся спор с помощью оружия. Но и мира на границе тоже не было. Весь этот период заполнен непрерывающимися перестрелками, столкновениями пограничных нарядов, взаимными обвинениями и угрозами. Процесс мирного урегулирования территориального спора зашел в тупик. Вопреки призывам стран гарантов договора Рио-де-Жанейро возобновить работы по демаркации границы и приступить к демилитаризации спорных территорий, противники вели на границе активное военное строительство. Возводились новые укрепленные посты, модернизировались уже имевшиеся фортификационные сооружения, активно развивалась, особенно со стороны Эквадора, дорожная сеть.

Политика, проводимая правительствами Эквадора и Перу в отношении к вопросу о суверенитете над территориями к северу от Амазонки, нашла поддержку у широких слоев населения обеих стран. Особенно ярко это проявилось в Эквадоре, общество которого тяжело переживало поражение в двух войнах с Перу и связанное с этим ущемление национальных интересов. Выразителем подобных настроений стал эквадорский конгресс. В 1983 году высший законодательный орган этой страны одобрил решение о выходе Эквадора из договора Рио-де-Жанейро.

Война 1995 года.

Ареной следующего военного столкновения между Перу и Эквадором стала долина реки Сапера – небольшого притока реки Мараньон. Обстановка на границе резко ухудшилась в июле 1991 года, когда Кито обвинил оппонента в нарушении условий перемирия и военном проникновении на эквадорскую территорию. Речь шла о новом перуанском блокпосте, который, по мнению эквадорцев, был выдвинут на несколько десятков километров к северу от линии условной границы. Дипломатический демарш эквадорцы подкрепили возведением в непосредственной близости от перуанских позиций своих собственных укреплений и переброской в этот район дополнительных армейских подразделений. Теперь уже настала очередь перуанцев обвинять северного соседа в нарушении границы и вооруженном вторжении на свою территорию. Впрочем, на этот раз до открытого вооруженного конфликта дело так и не дошло. Дипломатам обеих стран понадобился месяц напряженной работы, чтобы урегулировать кризис. В результате сложных переговоров Эквадор и Перу все же смогли договориться о некоем «джентльменском соглашении». Произошел взаимный вывод воинских подразделений со спорных блокпостов и приняты некоторые меры по демилитаризации этого приграничного района.

Целых три года «джентльменское соглашение» удерживало конфликтующие стороны от открытых враждебных действий. Правда, время от времени отмечались локальные перестрелки между пограничными патрулями, но к подобному уже стали привыкать и особой тревоги эти инциденты не вызывали. Но уже в ноябре 1994 года обстановка вновь обострилась. В верховьях реки Сапера эквадорские пограничники обнаружили и задержали перуанский патруль. Попытка урегулировать возникший вследствие этих действий инцидент на уровне местных воинских начальников оказалась безрезультатной. Перуанская сторона в резкой форме потребовала от Эквадора немедленно ликвидировать все посты к востоку от водораздела Кордильера-дель-Кондор, на что Лима ответила категоричным отказом. Обе стороны приступили к наращиванию сил в зоне конфликта, а в воздухе вновь запахло порохом.

На фоне отсутствия каких-либо сдвигов в пользу мирного урегулирования конфликта, вся вторая половина декабря 1994 года прошла в приготовлениях к войне. Эквадорская армия форсировала оборонительные работы на форпостах по западному берегу реки Сапера. Обе стороны форсировали

сосредоточение в районе Кордильера-дель-Кондор дополнительных сил и средств, на тыловых базах накапливались запасы материальных средств. Долина Сапера усилено патрулировалась и минировалась.

В последние дни 1994 года постепенно стало ясно, что Эквадор опережает Перу в развертывании сил. Используя более короткие и удобные линии коммуникаций (их противнику приходилось в значительной мере полагаться только на транспортную авиацию), эквадорскому командованию удалось сосредоточить в районе Сапера крупную армейскую группировку, на вооружении которой находилось большое количество огневых средств, в том числе артиллерия и системы залпового огня. Особое внимание эквадорцы уделили созданию надежной противовоздушной обороны, артиллерийские зенитные батареи дополнялись переносными зенитно-ракетными комплексами. Основные силы эквадорской авиации были перебазированы ближе к предполагаемому району боевых действий на аэродромы в юго-восточной части страны. Сосредоточение перуанских войск происходило в более сложных условиях. Не считая нескольких труднопроходимых троп, перуанцы не располагали в этом районе страны наземными коммуникациями. Доставлять людей, вооружение, любые виды запасов в основном приходилось вертолетами Ми-8 и Ми-17, используя при этом ряд промежуточных авиабаз, главная из которых находилась в 110 километрах к югу от спорного участка границы. В целом, к началу конфликта противники сосредоточили в районе долины Сапера значительные силы. Боевой состав перуанской группировки насчитывал 15 тыс. человек, 180 артиллерийских орудий и 470 единиц авиационной техники. Эквадорское командование сосредоточило в предполагаемом районе боевых действий 8 тысяч человек регулярных войск, 250 орудий и систем залпового огня, 325 вертолетов и самолетов, а также 6350 бойцов из состава военизированных формирований и полицейских подразделений.

Начиная с 21 января 1995 года, наряду с передислокацией армейских частей в район к востоку от Кордильера-дель-Кондор, перуанская авиация увеличила количество вылетов на разведку эквадорских позиций в долине Сапера. В тылу эквадорских войск вертолетами были высажены тактические десанты. Десантники оборудовали наблюдательные позиции, готовили площадки для приема транспортных вертолетов.

22 января, один из таких десантов был обнаружен эквадорской разведкой. Предположив, что противник заканчивает приготовления к началу наступления и, опасаясь упустить инициативу действий, эквадорское командование приняло решение ликвидировать перуанские подразделения в своем тылу. 26 января рота эквадорского армейского спецназа, совершив скрытный переход по сельве, внезапно атаковала расположение перуанских десантников. Перуанцы не сумели организовать серьезного сопротивления, понесли потери и были вынуждены оставить свои позиции.

В отличие от событий 1981 года, военное столкновение 1995 года не удалось локализовать в границах спорного района. Уже 27 января обе стороны приступили к мобилизации резервистов, призвав в ряды вооруженных сил в общей сложности более 140 тыс. человек. На приморском направлении, где характер местности позволял действовать крупным танковым подразделениям, были развернуты основные силы противоборствующих армий. В случае разрастания конфликта, ожидалось, что именно на этом направлении произойдут наиболее масштабные и решительные операции.

Активные боевые действия в долине реки Сапер начались 28 января. При поддержке армейской авиации перуанские части атаковали по всему фронту укрепленные позиции эквадорцев. В результате упорных двухдневных боев, в ходе которых обе стороны активно использовали авиацию, эквадорцам удалось удержать большую часть своих позиций и нанести противнику существенные потери. Для перуанского командования становиться ясным, что на этот раз для достижения победы потребуется гораздо больше усилий, нежели предполагалось. 31 января, перегруппировав силы, перуанские части возобновили атаки в долине Сапера.

Вся первая половина февраля была наполнена сообщениями об упорных боях. Причем обе стороны с большей интенсивностью стали применять боевую авиацию. Каждый день и ночь, перуанские и эквадорские ВВС осуществляли десятки боевых вылетов. Появилась информация о сбитых самолетах и вертолетах. Особенно тяжелые бои пришлось на 13 февраля, когда перуанцы бросили на штурм эквадорских укреплений значительные силы пехоты при поддержке большого количества авиации. Но и на этот раз эквадорцам, благодаря значительному превосходству в артиллерии, удалось отбить атаки противника и удержать в своих руках все ключевые позиции.

Уже с первых дней боев, обеспокоенное эскалацией конфликта международное сообщество призвало обе стороны немедленно прекратить боевые действия. В самом начале конфликта мирные инициативы были отвергнуты, как и в Лиме, так и в Кито. Однако, по мере затягивания боевых действий, стороны оказались более восприимчивы к призывам о скорейшем прекращении огня. На

смягчении позиций противников, вполне вероятно, сказалось то обстоятельство, что ни одна из сторон не ожидала подобного развития ситуации. Вполне вероятно, что для политического руководства Перу очевидным стал факт затягивания, и это еще мягко сказано, операции в долине Сапера. Более того, бесперспективным представлялось сосредоточение военных усилий только в районе Кордильера-дель-Кондор, где противник был достаточно силен для длительного эффективного сопротивления. То есть при сохранении курса только на вооруженную силу, пришлось бы расширить масштаб и географию конфликта, а значит почти неизбежно перенести боевые действия в прибрежные равнинные районы. Однако в середине 90-х годов XX века, учитывая международную обстановку и социально-экономическую ситуацию в Перу, готовность этого государства к полномасштабной длительной войне выглядела достаточно спорно. Возможность эскалации конфликта не могли не учитывать и в Кито. Вероятно, эквадорское правительство и не строило иллюзий по вопросу о ходе, а главное исходе затяжной войны с Перу, учитывая общее превосходство своего противника в военной области.

Таким образом, к исходу третьей недели боевых действий, обе стороны постепенно начинают искать возможность избежать дальнейшей эскалации конфликта. И уже 17 февраля 1995 года, в присутствии делегаций от четырех стран – гарантов договора Рио-де-Жанейро, министры иностранных дел Эквадора и Перу подписали декларацию о перемирии. По условиям прекращения огня стороны обязались немедленно прекратить в отношении друг друга все враждебные действия, выполнить взаимный отвод войск, произвести скорейшую демобилизацию призванных в ряды вооруженных сил резервистов. В качестве гарантий мирного процесса противники согласились на ввод в зону конфликта контингента международных военных наблюдателей. Отдельно было подчеркнуто желания обеих государств, после прекращения огня, продолжить диалог и разрешить все спорные вопросы путем мирных переговоров.

Но не прошло и четырех дней с момента подписания соглашения, как боевые действия вспыхнули с новой силой. 22 февраля перуанские части атаковали один из эквадорских постов в долине Сапера. В ходе упорного боя эквадорцы сумели отразить нападение, но понесли самые большие потери в живой силе за весь конфликт. По данным министерства обороны Эквадора в этот день погибли 14 эквадорских солдат. Процесс мирного урегулирования конфликта оказался под угрозой срыва. Противники, хоть и не с такой интенсивностью как ранее, но продолжали вести боевые действия в долине.

Окончательно огонь прекратился только к 28 февраля, когда в Монтевидео делегации обеих стран вновь заключили соглашение о перемирии. В общих чертах новое соглашение практически не отличалось от договора, подписанного сторонами 17 февраля 1995 года. Война между Перу и Эквадором закончилась, принесла обеим сторонам многочисленные жертвы и материальный ущерб. По оценкам международных экспертов в ходе боевых действий противники потеряли только убитыми около 500 человек.

В конце марта 1995 года, согласно достигнутым договоренностям, в зону конфликта были введены миротворцы. Под их наблюдением стороны закончили к 5 мая взаимный отвод сил от линии фронта. А уже с 4 августа этого же года вступил в силу режим демилитаризованной зоны на спорном участке границы. Нельзя сказать, что после наступления стабилизации обстановки в долине Сапера, последующий диалог между Перу и Эквадором проходил в атмосфере полного согласия. Напротив, отношения между двумя странами долгое время оставались более чем холодными. Нередко переговоры прерывались, и тогда стороны принимались яростно критиковать друг друга, а в августе 1998 года дело почти не кончилось очередным крупным вооруженным конфликтом.

В конечном итоге, мир между Перу и Эквадором удалось сохранить только благодаря активному вмешательству в переговорный процесс международного сообщества и, безусловно, принятию руководством обеих конфликтующих сторон более гибкой политики - политики основанной на принципах отказа от силового решения конфликта. 26 октября 1998 года в Бразилии президенты Перу и Эквадора подписали пакет документов, призванных окончательно урегулировать все спорные вопросы между этими странами. Церемония подписания проходила в присутствии президентов Аргентины, Бразилии, Чили и личного представителя президента США.

Основой мирного решения приграничного спора, вступившего в силу 13 мая 1999 года, стал отказ Эквадора от претензий на область к востоку от Кордильера-дель-Кондор. Граница между двумя странами, в соответствии с подписанным договором, устанавливалась именно по вершинам этого горного хребта. Такое решение явилось отражением перуанской позиции. Взамен Эквадор получил доступ к судоходству по рекам Амазонского бассейна и право бессрочной аренды участка земли под военную базу в долине Сапера, площадью в один квадратный километр.

Список литературы

1. Барабанов, М. С. Вооруженный конфликт между перу и Эквадором / М. С. Барабанов // Сборник статей Чужие войны. – С 20 – 29. - URL: http://litresp.ru/chitat/ru/Б/barabanov-mihail-sergeevich/chuzhie-vojni/0#sec_15 (дата обращения: 12.06.2018).
2. Доклад Американской независимой организации по защите аборигенного населения NativeWeb. The 1995 Peruvian-Ecuador border conflict. - URL: <http://abyayala.nativeweb.org/ecuador/border/> (дата обращения: 12.06.2018).
3. Котрловский, А. Война в Андах / А. Котрловский, М. Жирохов // Авиационная энциклопедия «Уголок неба»: сайт. - URL: <http://www.airwar.ru/history/locwar/lamerica/andy/andy.html> (дата обращения: 12.06.2018).
4. Материалы по истории перуанской армии в XIX веке The Peruvian Army during the First Year of Republic. - URL: <http://members.lycos.co.uk/Juan39>. (дата обращения: 12.06.2018).
5. Полный текст «Протокол Рио» 1942 г. - URL: https://www.usip.org/sites/default/files/file/resources/collections/peace_agreements/ep_rio01291942.pdf. (дата обращения: 12.06.2018).
6. Cooper, T. Peru vs. Ecuador; Alto-Cenepa War, 1995 / T. Cooper. - URL: www.acig.org/artman/publish/article_164.shtml. (дата обращения: 12.06.2018).
7. Lee, R. Ecuador-Peru Border War (1941) / R. Lee, J. Halcli. - URL: http://historyguy.com/Ecuador-Peru_War_of_1941.html. (дата обращения: 12.06.2018).

Статья поступила в редакцию 05.05.2018

Tatarkov, D. B., Dvukhshorstnov, V. I. *Peruvian-Ecuadorian Territorial Conflict of the 19th-20th centuries*

The author examines the causes and factors that led to the territorial conflict between Peru and Ecuador, analyses the experience of the use of armed forces in a series of conflicts between these countries, highlights the progress of the political settlement of the conflict, the role of international mediators in the negotiation process. The following periodization of the conflict is applied: the conflict of 1859-60, the war of 1941-42, the border incident of 1981, the war of 1995.

Keywords: Latin America, Peru, Ecuador, armed conflict, wars of the 20th century.

УДК 327.5/8

В работе дается критика принципов однополярного мирового порядка и гегемонии США. Основываясь на анализе событий последних 20 лет, подчеркивается неминуемость кризиса западнцентричного типа развития и выражается уверенность в формировании многополярного мира, в котором Россия будет одним из существенных субъектов мировой политики. Сила такого вывода происходит из исторического опыта практики развития международных отношений, в рамках которой каждая попытка унификации и гегемонизации международного порядка заканчивалась крахом.

Ключевые слова: однополярный мир, многополярный мир, Россия, украинский кризис, евразийская интеграция

М. Младенович, профессор, д-р полит. наук
Белградский университет (Сербия)

Е. Г. Пономарева, профессор, д-р полит. наук
МГИМО (У) МИД РФ

КРЫМ: ВЗГЛЯД ИЗ БУДУЩЕГО

Агрессивная глобализация и проблемы, которые она породила, несомненно, доказали, что сохранение разнообразия Евразии возможно только в рамках региональных интеграционных проектов, где формируется реалистичное «геополитическое коммерческое единство». Такое единство, в последнее время, инициировано и, в определенной степени, реализуется в Российской Федерации с ее близкими союзниками. С 2012 года работает Единое экономическое пространство, по сути, общий рынок России, Белоруссии и Казахстана, а с начала 2015 года действует Евразийский экономический союз.

События на Украине, в ходе которых был изменен легальный режим, следует рассматривать как асимметричный ответ противника пробуждения Евразии. Политика «двойных стандартов» в непризнании самоопределения Крыма и Севастополя, как и различные санкции против России, доказывают всю необходимость усиления экономических связей и геополитического единства континента-гиганта, а также важность реализации собственных интеграционных проектов.

«Крымская весна» является, не только выражением естественной реакции на разрушение Украины, но и как метод перераспределения ресурсов и сфер влияния она дает новый импульс евразийским интеграционным процессам и претендует стать символом изменения предыдущего мира.

Как метафорически указывает русский историк А. И. Фурсов, события вокруг Украины сопровождались передачей карты истории. Теперь она не будет создаваться только в Вашингтоне и Брюсселе, но в ряде других мировых центрах, включая Москву и Симферополь. «Крымская весна», ознаменовала начало конца однополярного мира.

В мире, созданном из различных культур, гегемония вредна из-за своей разрушительной силы, которая стремится уничтожить волшебное разнообразие мира и богатство форм существования. Американская гегемония многократно ужасна. Она в своем арсенале имеет новейшие технологии для установления господства и уничтожения свободы выбора, начиная с суперточных беспилотных летательных и других боевых систем, до обеспечения контроля и управления ресурсами человеческой когнитивной сферы.

Еще классики политико-философской мысли, предупреждали об опасности злоупотребления властью, если она остается неадекватно контролируемой и сбалансированной. Парадоксальным является то, что в процессе унификации и автократизации мира, наблюдается одна опасность, о которой предупреждали именно «отцы» американской конституции еще более двухсот лет назад. Суть их требований всем тем, кто желает построить некоторую форму демократии, состояла в необходимости установления принципа равновесия, т. е. взаимозависимости и сотрудничества власти.

Сегодняшние попытки США установить неприкосновенное господство в международных отношениях, являются прямым отрицанием этого святого правила против злоупотреблений властью на

любом уровне. «Абсурдно то, – как говорит сербский профессор Вучина Васович – что страна, которая первая предложила и ввела этот принцип много лет назад, теперь становится его главным противником в мировом масштабе... По всей вероятности, это страна, которая больше не может сознательно и добросовестно управлять собственными ресурсами и становится игрушкой в руках силы, которой располагает. Здесь сила доминирует не только над правом, но и над умом большей части самой мощной группы людей. Сила больше не находится в руках людей, а люди находятся в руках силы [2, с.446].

Установление господства интересов одного центра мировой политики, неизбежно ведет к нарушению прав других субъектов. Как отметил президент Путин в своем обращении к гражданам, 18 марта 2014 года: «...нас раз за разом обманывали, принимали решения за нашей спиной, ставили перед свершившимся фактом. Так было и с расширением НАТО на восток, с размещением военной инфраструктуры у наших границ. ...Так было и с развёртыванием систем противоракетной обороны. Несмотря на все наши опасения, машина идёт, двигается. Так было с бесконечным затягиванием переговоров по визовым проблемам, с обещаниями честной конкуренции и свободного доступа на глобальные рынки[3].

Применение санкций после присоединения Крыма к России, практически представляет продолжение политики диктата, которая сформировалась после разрушения СССР. Тогда западные политики Россию воспринимали, как «прислугу, которую в случае необходимости колокольчиком вызывают в барскую гостиную» [4].

Россия была и остается одним из главных препятствий на пути установления мирового господства «сынов Капитала» (В. Блум). Хорошо, в этом смысле, заметил один из советских разведчиков, Л. В. Шебаршин, что: «Западу от России нужно только одно – чтобы ее больше не было». Возникает впечатление, что Западу нужно, чтобы России не было в первую очередь в геополитическом плане. Одним из таких способов является отрыв Украины от России, т. е. создание ненависти между двумя частями, фактически одного народа. Не случайно, что в последние 20 лет в западных кабинетах, «стратегических центрах», рассматривались различные стратегии дестабилизации Украины.

Еще в мае 1992 года между Украиной и США было подписано межправительственное соглашение о благотворительном и экономико-техническом сотрудничестве, которое открыло американцам беспредельные возможности для организации деятельности разнообразных общественных организаций. Многочисленные источники указывают, что на Украине в этот период, действовало около 400 фондов, которые имеют международный статус, более 350 международных организаций в области гуманитарной сферы и 180 филиалов иностранных неправительственных организаций.

По данным Фонда Фулбрайта, в программах западных фондов приняли участие около 20 000 активистов украинских общественных и политических организаций[7]. Все виды деятельности данных организаций объединяла одна цель – создание сети антирусских, неправительственных организаций, которые были подготовлены и готовы активизироваться в час «Х».

В процессе создания «революционной ситуации», не мешало даже то, что в ряды новой украинской элиты, был включен неонацистский компонент. Достаточно вспомнить, что организация «Тризуб», которая в качестве своей цели провозглашала создание национального украинского государства, была сформирована еще в 1993 году. Известный историк Е. Хобсбаум, который на себе почувствовал практику нацизма, писал по случаю политики формирования однопольных государств, что это «постановка цели, которую могут осуществить только варвары или, в крайнем случае, только варварскими средствами».[8, с.212].

Вирус сепаратизма, который первоначально был сформулирован в «доктрине Вильсона», продолжает уничтожать планету под бдительным оком Вашингтона, в результате чего пришли: разлука в Судан, разделение Сомали, кровавые дни во время и после «арабских революций» и «демократизации» Ирака, «Евромайдана» и т. д.

Тем не менее, все имеет свои границы. «... В случае с Украиной наши западные партнёры перешли черту, вели себя грубо, безответственно и непрофессионально. Они же прекрасно знали, что и на Украине, и в Крыму живут миллионы русских людей. Насколько нужно потерять политическое чутьё и чувство меры, чтобы не предвидеть всех последствий своих действий. Россия оказалась на рубеже, от которого не могла уже отступить. Если до упора сжимать пружину, она когда-нибудь с силой разожмётся» [3]. Именно Крымские события разжали «пружину» однополярного мира.

Роль Америки как «мирового полицейского» очевидна и реальна, но возникает вопрос: действительно ли глобализация должна превратиться в процесс установления Pax Americana, как искренно считают многие в США.

Может быть, это и возможно, но реально ли поддерживать такой порядок? Воля США часто сталкивается с различными интересами других государств, регионов, мира в целом. Невозможно

постоянно убеждать людей, что интересы США - одновременно и интересы всех. Не следует забывать, что влияние на других, все-таки двухсторонний процесс.

Когда-то римское государство интегрировало варваров и старалось сделать так, чтобы одно племя становилось защитником от другого. В результате получилась варваризация всей империи и, в конечном счете, ее крах. Распространение ислама среди населения Европы и Америки многие воспринимают как процесс, который способен существенно изменить признаки коренных наций. Не исключено, что когда-нибудь выходцы из западных стран станут подавляющим большинством в западных странах и будут в них задавать тон. «И вопить будет "Алла!" с башни Эйфеля мулла» – пишет русский философ Александр Зиновьев[5].

Сложность современной системы отражается и в том, что независимо от определенных антикризисных моментов, США, как и раньше, имеют превосходство над всеми другими государствами. В настоящее время, ни один из альтернативных «полюсов» (ЕС, Китай, Россия), даже все вместе, не обладают ни силой, ни желанием, выступить в роли регулятора мирового порядка, прежде всего, в военной сфере. Именно из-за этого, нужно настаивать на формировании нескольких центров силы, чьи бы позиции и роли, кроме взаимной системы «сдержек и противовесов», регулировались бы и нормами международного права.

Во всех геополитических концепциях, евразийский континент представляет собой ключевую территорию мирового господства и, следовательно, он является и объектом боевой конкурентоспособности. В современных условиях, борьба за власть достигла предела, достаточно отметить, ливийский, сирийский и украинский кризисы. В то же время, более чем очевидно, что почти ни одна страна не в состоянии самостоятельно обеспечить свою безопасность и реализовать свои национальные интересы. Объективные условия диктуют необходимость формирования новых глобальных проектов. В этом смысле, нельзя обойти и евразийский мир. Россия может стать ядром этих проектов, их матрицей. Однако, прежде чем она действительно станет реальными нуклеусом евразийского мира, как заметил известный русский публицист М. В. Леонтьев: «Россия на себе должна выполнить некоторые работы. Она должна превратиться в экономический, финансовый, военно-политический и культурный магнит, который будет к себе привлекать исторически близкие территории, а не отвергать их, как это совсем до недавнего времени происходило. По существу, это и есть задача на ближайшее будущее, которая не будет ни вредной, ни тяжелой для самой России»[6]. Работа над собой, кажется, была тесно связана с ситуацией на Украине. «Крымская весна», сделала так что многие вещи изменились.

Результаты референдума в Крыму и Севастополе, а также поддержку воли подавляющего большинства крымских граждан со стороны России, следует рассматривать как начало возрождения России, и ее возвращение в роли полноправного субъекта мировой политики, субъекта, который «определил свои стратегические интересы и готов их решительно защищать»[4].

В современных условиях, именно Россия, как один из геополитических центров Евразии, который обладает самым мощным экономическим, военным и политическим потенциалом на постсоветском пространстве, и у которого есть осознание необходимости преодоления однополярности – может и должна стать одним из основных субъектов новой архитектуры этой части мира.

Политика определенных западных государств, которые поддерживают ультра националистов Украины, не обращая внимания на сотни человеческих жертв и тот факт, что часть страны полностью разрушена, стала убедительным доказательством истины, что народы Евразии могут сохранить себя и обеспечить собственное будущее только в рамках сильного интеграционного процесса, который с своей стороны может дать новый импульс развитию всего континента. Эти народы имеют свои собственные интересы и определенную политическую культуру, традицию и историю. Поэтому логично, что свое настоящее и будущее должны создавать по своим меркам.

Копирование чужих опытов, без восприятия собственных возможностей и интересов, конечно, не может привести к истинному благополучию людей. Как отмечает русский философ Зиновьев: «Западную цивилизацию создавали народы с определенным характером. Это их уникальное и неповторимое творение. Это входит в их натуру, в их характер. Другие народы создавали цивилизации иного типа, более соответствовавшие их характеру и условиям их жизни»[5].

Дело в том, что собственное развитие Евразии и интегративные процессы внутри нее не идут легко и просто. Национальные интересы одних государств, сталкиваются с интересами других стран, объединений и регионов. Следует также иметь в виду, что участники интеграции находятся на разных уровнях экономического и социального развития.

Нужно иметь в виду и то, что интересы отдельных групп, которые создаются внутри ассоциаций, часто различаются и бывают несогласованными. Кто-то от интеграции получает больше и он, естественно, более заинтересован в ней. В то же время, другие группы, временно могут чувствовать

себя побежденными. Поэтому можно ожидать, что они будут против интеграционных процессов и станут оказывать давление на структуры власти в этом смысле. Тем не менее, это не может быть препятствием в объективном процессе – активизации России и появлении новой страницы в истории Евразии.

Рассматривая ситуацию, вызванную стремлением России остановить процесс расширения НАТО вплоть до ее границ и поддержать плюрализацию мира как естественный процесс, мы можем вспомнить знаменитые слова, отправленные министром иностранных дел России А. М. Горчакова, российским посольствам в 1856 году: «Россию упрекают в том, что она изолируется и молчит перед лицом таких фактов, которые не гармонируют ни с правом, ни со справедливостью. Говорят, что Россия сердится. Россия не сердится, Россия сосредотачивается»[1].

Эти слова за рубежом были восприняты как подготовка к новой войне. В принципе, Горчаков хотел только подчеркнуть необходимость и готовность вновь рассмотреть обстановку и отказаться от унижительных условий, которые налагались на Россию Парижским мирным договором от 1856 года. Прежде всего, имеется в виду запрет иметь военный флот на Черном море. Умело учитывая противоречия между европейскими государствами и не втягивая Россию ни в какие союзы, А. М. Горчаков послал в иностранные столицы ноту, в которой сообщает, что Россия не считает себя обязанной по вопросу ограничений в отношении черноморского флота. Все великие государства были вынуждены согласиться с измененным геополитическим положением России.

Сегодня, как и 162 года назад, Россия должна сосредоточиться на многих вопросах. Ей необходимо развивать свою экономическую систему, укреплять силы обороны, включая интеллектуальные и информационные компоненты, и умело пользоваться противоречиями и фобией своих оппонентов и противников. Только в этом случае она может реализовать свои национальные интересы, осмыслить свою стратегию безопасности и влиять на народы Евразии, построить другое будущее. Другими словами: стать мощным субъектом региональной и мировой политики.

Список литературы

1. Александр Горчаков. Деша министра иностранных дел А. М. Горчакова российским посольствам. - Фонд Горчакова. - URL: <http://gorchakovfund.ru/about/gorchakov/>, 09.07.2014 (дата обращения : 05.01.2018)
2. Васовић, В. Глобализација, држава и демократија / Сборник: *Држава и демократија* (уредник М. Подунавац), Службени гласник и Факултет политичких наука. - Београд, 2010.
3. Владимир Путин. Обращение Президента Российской Федерации 18 марта. - URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/20603> (дата обращения : 09.07.2014)
4. Гаман-Голутвина, О. Почему Запад нарушил негласный кодекс поведения / О. Гаман-Голутвина // Независимая газета. - 27 марта 2014.
5. Зиновьев, А. Запад. Феномен западнизма / А. Зиновьев - URL: http://modernlib.ru/books/zinovev_aleksandr_aleksandrovich/zapad_fenomen_zapadnizma/read (дата обращения: 09.07.2014).
6. Леонтьев, М. ЗА ЕВРАССИЮ / М. Леонтьев // Однако. - № 44 (108). - URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/glavnaya-tema-za-evrassiyu/> (дата обращения: 09.07.2014)
7. Панов, В. «Мягкая сила» крушит Украину / В. Панов. - Русинформ, - URL: <http://rusinform.net/myagkaya-sila-krushit-ukrainu/> (дата обращения: 09.07.2014)
8. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. - СПб: Алетея, 1998. – 305 с.

Статья поступила в редакцию 03.06.2018

Mladenovic, M., Ponomareva, E. G. *Crimea: A Look from the Future*

The work criticizes the principles of unipolar world order and US hegemony. Based on the analysis of the events of the past 20 years, the inevitability of the crisis of the West-centric type of development is emphasized and confidence in the formation of a multipolar world in which Russia will be one of the essential subjects of world politics is expressed. The strength of this conclusion comes from the historical experience of the practice of the development of international relations, in the framework of which every attempt to unify and hegemonize the international order ended in failure.

Keywords: unipolar world, multipolar world, Russia, Ukrainian crisis, Eurasian integration

УДК 32:316.722

Авторами выявлена специфика использования сторонами Донбасского конфликта политической символики для формирования гражданской идентичности населения региона. Доказано, что Украина и Донецкая и Луганская Народные Республики придерживаются противоположных стратегий реализации политики идентичности. Украинская стратегия основана на символической политике, этноцентричной политизации символики и национально-государственном подходе, донбасская – на консервации сохранившейся советской символики и постепенном внедрении собственной, практически не имеющей конкретных национальных признаков.

Ключевые слова: политическая символика, гражданская идентичность, государство-нация, символическая политика, конфликт на Донбассе

О. В. Онопко, канд. полит. наук

Донбасская юридическая академия

E-mail: onopko.oleg@gmail.com

Л. Б. Внукова, канд. полит. наук

Южный научный центр Российской Академии Наук

E-mail: vnukoval@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Вооруженный конфликт между Украиной и Донецкой и Луганской Народными Республиками (ДЛНР) разделил ранее относительно гомогенное и единое политическое пространство Донбасса, обусловив развитие в каждой из его частей особых политических идентичностей, как существовавших в украинский период истории региона, так и новых. Для эффективного управления подконтрольными территориями, сохранения необходимого уровня легитимности и обеспечения устойчивости своих политических режимов, стороны Донбасского конфликта обречены проводить государственные политики, направленные на формирование и поддержание соответствующих гражданских и национальных идентичностей. Стремительность и изменчивость трансформаций по обе стороны линии разграничения делают политическую символику единственным достаточно эффективным инструментом реализации политики идентичности.

Исследования политической идентичности представляют собой одно из наиболее развитых направлений в современной политологии. В российской политической науке проблем гражданской и национальной идентичности касались в своих работах А. Баранов, И. Вилкова, К. Гаджиев, А. Дегтярёв, Л. Дробижева, С. Картунов, С. Рыжова, И. Семенов, Ю. Семенова, Л. Сморгун, В. Суханов, И. Тимофеев, В. Тишков, Р. Туровский. Сквозь призму символической политики и политических коммуникаций различные аспекты политической идентичности изучались И. Брудным, О. Малиновой, О. Поповой, С. Поцелуевым, Н. Слободяник. Вместе с тем в целом малоизученным остаётся воздействие символической сферы на гражданскую самоидентификацию людей в условиях локальных конфликтов, в частности – кейс Донбасса.

Принимая это во внимание, автор преследовал цель – выявить специфику использования сторонами Донбасского конфликта политической символики для формирования гражданской идентичности населения региона.

Политический символ – особым образом интерпретируемый знак, наглядное, чувственное или абстрактное схематическое представление, олицетворяющее собой государство, нацию, лидера, партию, политическую систему, режим и др. Совокупность символов, связанных с конкретным политическим актором, процессом или явлением – их политическая символика. Она упрощает политическую самоидентификацию индивидов, сводя её к их отождествлению себя с конкретными объектами и персонами (быть коммунистом – это восхищаться Че Геварой, ностальгировать по СССР и чтить красный флаг). Воспринимая закодированную в символике информацию в процессе политической социализации, люди не только идентифицируют себя с отдельными элементами окружающей политической действительности, но интерпретируют её и свой статус в ней посредством близких и понятных им символов.

Отдельным видом политической символики является символика государственная – «установленные законодательством отличительные знаки... выражающие суверенность и

независимость» государства и включающие в себя герб, гимн, флаг, девиз и пр. [9, с. 217–218]. Она выступает основой для гражданской идентичности населения государства.

В Европе уже более трёх столетий преобладающей формой государственности является государство-нация – конституционно-правовой тип государства, при котором оно является результатом и воплощением интересов образовавшей его (титульной) нации. Согласно Э. Смиту, нация – это «человеческое сообщество, живущее в родной стране, имеющее общие мифы, общую историю, общую национальную культуру, единую экономику и единые права и обязанности для всех его представителей» [13, с. 19]. В государстве-нации гражданская идентичность неразрывно связана с национальной (осознанием своей принадлежности к конкретной нации). Как отмечает И. Семененко, позитивная гражданская идентичность – это «осознание принадлежности к национально-государственной общности как важнейшей характеристики жизненного опыта и значимой для индивида ценности и как мотивации ответственного политического поведения» [11, с. 3].

Современная политическая практика, содержание и характер политических процессов на Украине свидетельствуют о том, что после начала вооруженного конфликта на Донбассе нацибилдинг в государстве резко интенсифицировался. Стремление украинских властей обеспечить сохранность правящего режима и в кратчайшие сроки построить государство-нацию побуждает их поддерживать военное противостояние, на институциональном уровне укреплять и развивать гражданскую (национально-государственную) идентичность населения страны, в особенности на подконтрольной им части Донбасса.

Одним из главных каналов формирования гражданской идентичности на Украине выступает символическая политика – «особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов» [10, с. 62]. Она направлена на поддержку государственной политики идентичности, которой для эффективной работы необходимы хоть сколько-либо реальные исторические, лингвистические, этнокультурные, религиозные, ценностные и иные основания. В этом ключе целью символической политики является поддержание существующей украинской национально-государственной идентичности. Для её достижения используется широкий спектр инструментов и технологий, среди которого особое место занимает политизация символики – целенаправленное предание политических смыслов существующим символам и их использование для решения задач по завоеванию, удержанию и использованию власти. По своей тональности политизация может быть, как негативной, так и позитивной.

В контексте укрепления украинскими властями необходимой им гражданской идентичности на Донбассе негативной политизации подверглись различные процессуальные и предметные символы. Праздничные демонстрации, парады, торжества и другие акции по случаю Дня защитника Отечества (23 февраля), Дня труда (1 мая), Дня Победы в Великой Отечественной войне (9 мая), Дня русского языка (6 июня), Дня народного единства (4 ноября), годовщины Октябрьской революции (7 ноября) интерпретируются в официальном дискурсе украинского государства как «вражеская / пророссийская» активность. Искусственной политизации со стороны властей подвергся один из главных праздников православных христиан – Покров Пресвятой Богородицы (14 октября). В доконфликтном политическом дискурсе он ассоциировался преимущественно с днем украинского казачества, в настоящее время – это День защитника Украины и создания Украинской повстанческой армии, неотъемлемым процессуальным символом которого являются факельные шествия украинских националистов. Правящим режимом не предложены позитивные по своему замыслу и практической реализации символические мероприятия, способные консолидировать население подконтрольных Киеву территорий.

В поле предметных символов в рамках политики декоммунизации осуществляется последовательная борьба с памятниками, гербами, флагами и иной материальной символикой, связанной с советской эпохой, коммунистическим режимом и идеологией. основополагающими нормативно-правовыми актами, регулирующими порядок проведения, основные категории, объекты и цели декоммунизации, являются законы, принятые Верховной Радой 9 апреля 2015 г., и вызвавшие неоднозначные оценки как внутри страны, так и за рубежом (отзывы Венецианской комиссии и Amnesty International) [5]. В позитивном плане политизируются национальный флаг и костюм украинцев, ношение которых – внешний атрибут и символический маркер национальной лояльности (особого типа политических отношений между актором и нацией, характеризующегося преданностью, верностью её интересам и целям, а также определенной степенью готовности актора их реализовывать и защищать).

С началом войны на Донбассе получил новые политические интерпретации целый ряд вербальных символов. Как отмечает И. Николаев, «вербальный символ в идеологическом пространстве представляет собой узловой знак политической реальности, поглощенный определенным идеологическим дискурсом и насыщенный подверженным конъюнктурным изменениям смыслом» [8, с. 1503]. К символам, чей смысл в украинской политической лексике трансформировался по сравнению с довоенным значением под влиянием националистического идеологического дискурса, можно отнести: «единство», «соборность», «гибридная война», «свобода», «сепаратисты», «независимость», «агрессия», «Русский мир», «нация», «пропаганда», «освободительная борьба», «аннексия» и др. При этом многие слова и словосочетания, ранее часто употреблявшиеся в речах политиков и других политических текстах, впервые получили чёткую тональность, экспрессию и сильную эмоциональную привязку к украинскому политическому процессу.

Особым политическим символом является государственный язык – соотношение его официального и фактического статуса является индикатором реальной политической субъектности титульной нации. Этим обуславливается стремление властей Украины, при любых политических режимах, обеспечить украинскому языку статус единственного государственного. Государственная языковая политика (в частности принятие соответствующего закона 23 февраля 2014 г.) стала одним из поводов для начала «Русской Весны» и выхода из состава Украины Крыма и значительной части Донбасса. В ходе вооруженного конфликта естественным стремлением украинских властей стала насильственная гомогенизация языкового поля в образовательном пространстве. Её задача – обеспечить политическую социализацию проживающего в них молодого поколения русских и так называемых «русскоязычных» граждан Украины на языке той нации, чьи политические ценности им планируется навязывать, о чём свидетельствует анализ последней версии закона «Об образовании» (от 25 сентября 2017 г.) [7, с.380].

В отличие от Украины, у ДЛНР, пока что не прослеживается наличия какой-либо целостной государственной политики, направленной на формирование гражданских политических идентичностей. Это может быть объяснено рядом факторов:

- интенсивное формирование системы органов государственной власти и управления в условиях военно-политической неопределенности и перманентной угрозы полномасштабного вторжения противника;
- отсутствие национально-ориентированных политических партий, СМИ политической направленности, общественных движений;
- угасание русских ирредентистских настроений на Донбассе после 2014 г., их вытеснение из официального политического дискурса республик;
- низкая политическая результативность Минского процесса;
- наличие центральных ценностных принципов формирования политической системы общества («идеи свободы, совести, справедливости, равенства», озвученные в ноябре 2015 г. главой ДНР А. Захарченко [2]), при прямом конституционном запрете на установление государственной идеологии (ст. 9 ч. 3 конституций ДНР и ЛНР);
- временная невозможность формирования политической и интеллектуальной элитой долгосрочного образа будущего каждой из республик;
- противоречивость гражданской, национальной и этнической самоидентификации населения Донбасса, обусловленная советской и украинской государственной политикой.

Совокупность данных факторов приводит к тому, что в настоящее время открытым остаётся вопрос относительно самой формы гражданской идентичности в ДЛНР. В настоящее время интенсивно развивается государственная идентичность «гражданин республики», которую, например, в ДНР в 2016 г. считали для себя главной 18% населения [1]. Опрос конца 2017 г. того же аналитического центра показывает сокращение количества людей, в первую очередь считающих себя гражданами ДНР – их уже насчитывается 13% [2]. Эта тенденция согласуется с данными авторского опроса экспертов, который был проведен в марте-мае 2018 г., когда с использованием метода полуструктурированного интервью были опрошены девять представителей политической элиты ДНР (депутаты Народного Совета, преподаватели высших учебных заведений, госслужащие и лидеры общественных движений). Анкета содержала десять вопросов о политическом векторе развития ДНР, актуальном социально-политическом дискурсе и общественных настроениях, отношении к России и также связанных с этим особенностями региональной идентичности.

События 2014 г. на Донбассе – это социально-политическое потрясение для общества, поэтому в идеологической сфере наблюдаются активные трансформации. В зависимости от идейных и

ценностных ориентаций формируется занимаемая позиция, которая адаптирует идентичность людей к их картине мира.

По мнению опрошенных экспертов, в 2014 г. главными идеями, за которые жители Донбасса выходили на митинги «Русской весны» были ирредентизм (присоединение к России по примеру Крыма), социальная справедливость и народовластие. Это, прежде всего, выбор в пользу русской (советской) культуры и против навязывания украинского национализма. В то же время, как отметил один из опрошенных экспертов, «кроме русских и русскокультурных никто не основывал ДНР, по всем международным стандартам, это мононациональная республика». На данный момент в государственной политике ДНР существует тенденция, о которой сказал каждый из опрошенных экспертов – это отсутствие консолидирующей идеи: «в итоге непонятно, с кем мы воюем и против чего и что хотим построить». На данный момент очевидно противоречие между построением независимого государства и минскими соглашениями, которые предполагают, что непризнанные республики остаются в составе Украины.

Несмотря на отсутствие централизованной государственной политики идентичности, органы государственной власти и зарождающиеся институты гражданского общества ДЛНР в символическом поле политики продуцируют отдельные символы, которые способствуют позитивной самоидентификации населения с республиками и русской политической нацией:

На уровне процессуальной символики сохраняются традиционные для Донбасса формы публичного массового участия в государственных и национальных праздниках. Инновациями в этом плане стали регулярные символические мероприятия по поводу Дня Республики (11 мая в ДНР, 12 мая в ЛНР) и качественно иной подход к празднованию Дня Победы, соответствующий по стилистике российской политической традиции.

В отношении к предметным символам осуществляется сохранение памятников как советского, так и украинского прошлого, возведение новых символических монументов (например, памятника Детям Донбасса); спорадичная и точечная деукраинизация городских пространств, проявляющаяся не в переименовании отдельных объектов, но в переводе их названий на русский язык; формирование целостной системы официальной государственной символики. Примечательно, что государственный герб ДНР соотносится с русской символической традицией, а герб ЛНР – с советской.

Провозглашение независимости ДЛНР обусловило новое прочтение ряда устоявшихся вербальных символов: «ополченцы», «референдум», «славяне», «республика», «казаки» / «казачество», «Новороссия», «Минск» и др. Новыми символами в политическом языке Донбасса стали государственные гимны республик, каждый из которых в поэтической, чувственно-эмоциональной форме раскрывает особенности донецкой и луганской региональных идентичностей. Примечательно, что гимн ДНР содержит упоминание всего «любимого шахтерского Донбасса» [12], в то время как гимн ЛНР – только самой республики [6].

Символическое значение государственного языка в ДЛНР как цементирующего фактора гражданской – национально-государственной – идентичности во многом обусловлено конституционно заявленным двуязычием (ст. 10 конституций республик). При этом в луганской конституции статус русского языка символически усилен в ч. 2 ст. 10, согласно которой он является «официальным языком делопроизводства во всех органах государственной власти и органах местного самоуправления Луганской Народной Республики» [3].

Декларируемое в конституциях двуязычие, государственная символика, а также отдельные публичные выступления официальных лиц формируют впечатление, что республики развиваются как многонациональные государства русского и украинского народов. Это, во-первых, таит угрозу этнонациональных противоречий среди населения, а во-вторых, потенциально может привести к искажению понимания жителями целей вооруженного противостояния с Украиной. Сочетание же государственной идентичности с национальной могло бы не только исключить подобные проблемы, но и способствовать более эффективной консолидации и мобилизации населения в условиях вооруженного конфликта. К тому же, опрошенные эксперты говорят о том, что в ДЛНР давно созрел запрос на видимые действия со стороны государственной власти, которые бы соответствовали центральным идеям «Русской весны» 2014 г. на Донбассе.

Конфликт между Украиной и ДЛНР – это столкновение интенсивно строящегося государства-нации с государствами, на данном этапе своего развития пока ещё не имеющими четкого национально-государственного позиционирования. Отсюда – противостояние централизованной государственной политики, цель которой – формирование агрессивной и относительно устойчивой гражданской идентичности, основанной на этнической и национальной принадлежности («украинцы»), с разрозненными, но достаточно эффективными действиями различных политических акторов по

утверждению идентичности государственной и территориально ориентированной («граждане ДНР/ЛНР»). При этом стороны придерживаются противоположных стилей в использовании символики: Украина активно политизирует и трансформирует её преимущественно в этноцентричном ключе, а ДЛНР естественно стремится к консервации сохранившихся советских политических символов (как эрзаца русских) и постепенно внедряют собственные новые, соответствующие их формирующимся политическим культурам.

Список литературы

1. Аналітичний звіт за результатами соціологічного дослідження «Особливості свідомості та ідентичності жителів підконтрольної та невідконтрольної Україні територій Донецької області»: висновки та рекомендації / Аналітичний центр «Фабрика мысли «Донбасс». - К.: 2016. - URL: <https://goo.gl/c3weWt> (дата обращения: 08.07.2018).
2. Аналітичний звіт за результатами соціологічного дослідження «Особливості свідомості та ідентичності жителів підконтрольної та невідконтрольної Україні територій Донецької області»: висновки та рекомендації / Аналітичний центр «Фабрика мысли «Донбасс». - К.: 2018. - URL: <https://goo.gl/TRFLN9> (дата обращения: 08.07.2018).
3. Временный Основной Закон (Конституция) Луганской Народной Республики / Сайт Народного Совета ЛНР. - URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/591/> (дата обращения: 21.04.2018).
4. Глава ДНР Александр Захарченко – об идеологии в программе «В ответе за Республику» / Официальный сайт Донецкой Народной Республики. - URL: <https://dnr-online.ru/glava-dnr-aleksandr-zaharchenko-ob-ideologii-v-programme-v-otvete-za-respubliku/> (дата обращения: 21.04.2018).
5. Декоммунизация на Украине: спецпроект / Исследовательская компания Europe Insight. - URL: <http://eirus.net/specproekt/decommunization/> (дата обращения: 21.04.2018).
6. Закон о государственном гимне Луганской Народной Республики / Официальный сайт Министерства юстиции ЛНР. - URL: https://mu-lnr.su/wp-content/uploads/2016/05/Zakon_O_Gosudarstvennom_gimne_Luganskoj_Narodnoj_Respubliki.pdf (дата обращения: 21.04.2018).
7. Закон України «Про освіту» // Відомості Верховної Ради. – 2017. – № 38–39.
8. Николаев, И. В. Вербальные символы в структуре политической идеологии / И. В. Николаев // Политика и общество. – 2013. – №12. – С. 1499–1504.
9. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д. Е. Погорельный, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 318 с.
10. Поцелуев, С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме / С. П. Поцелуев // Политические Исследования. – 1999. – №5. – С. 62–74.
11. Семененко, И. С. Гражданская идентичность как ресурс национального развития / И. С. Семененко доклад на Пятом Всероссийском конгрессе политологов, Москва, 20-22 ноября 2009 г. -URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Semenenko_RAPN.pdf (дата обращения: 21.04.2018).
12. Текст Государственного гимна Донецкой Народной Республики / Сайт Народного Совета ДНР. - URL: <http://dnrsovet.su/tekst-gosudarstvennogo-gimna-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.04.2018).
13. Smith, A. D. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach / A. D. Smith. – NY: Routledge, 2009. – 184 p.

Статья поступила в редакцию 27.04.2018

Onopko, O. V., Vnukova, L. B. Political Symbols and the Formation of Civil Identity of the Population of the Donbass in Modern Conditions

The authors reveal the specifics of the using of political symbols by the parts of the Donbass conflict to form the civil identity of the population of the region. It is proved that Ukraine and the Donetsk and Lugansk People's Republics have the opposite strategies in the implementation of the identity policy: the Ukrainian one is based on symbolic policy, ethnocentric politicization of the symbols and the national-state approach, the Donbass one – on the preservation of the Soviet symbols and the gradual introduction of the own ones devoid of specific national characteristics.

Keywords: political symbols, civil identity, nation-state, symbolic policy, conflict in the Donbass.

УДК 324:94(47)

На основе малоизвестных печатных источников, архивных материалов рассматривается проведение 20 января 1991 года городского референдума о статусе Севастополя в рамках общекрымского референдума. Акцентируется внимание на итогах городского референдума, а также их влиянии на определение статуса города как главной базы Черноморского флота. Дается представление о начальном этапе формирования в Севастополе пророссийского движения, его участниках. Делается вывод о том, что референдумы на практике показали высокую степень гражданской и политической активности региональных сообществ Крыма и Севастополя накануне распада СССР, а также их стремление с помощью форм прямой демократии решать актуальные проблемы сообществ.

Ключевые слова: Севастополь, общекрымский референдум, главная база Черноморского флота, бюллетень для голосования.

И. В. Островская, соискатель

Кубанский государственный университет

E-mail: ostrov-33@mail.ru

ОБЩЕКРЫМСКИЙ РЕФЕРЕНДУМ 20 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА: СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В отечественной науке проблематика регионального политического участия рассматривается в контексте политической регионалистики. В рамках данного научного направления в исторической ретроспективе исследуется опыт и формы политического участия региональных сообществ. С этой точки зрения интерес для исследователя представляет общественно-политическая жизнь Крыма и Севастополя в украинский период их истории.

После распада СССР в 1991 году и образования независимого государства Украина проблема самостоятельности Крыма приобрела особое звучание и остроту. Еще с осени 1990 года в региональном сообществе обсуждалась проблема восстановления упраздненной в 1944 году Крымской АССР как территориального образования со статусом субъекта Союза ССР.

Решение о проведении референдума по вопросу воссоздания Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора было принято Крымским Областным Советом народных депутатов 12 ноября 1990 года. В документе назначалась дата 20 января 1991 года [11, Л. 155]. Общественно-политическая и социально-экономическая обстановка настоятельно требовала изменений в регионе в контексте идущих трансформационных, центробежных тенденций в стране.

Во второй половине 1980-х гг., когда республики союзного государства выстроились на «парад» суверенитетов, реальной формой выражения волеизъявления граждан, способной оказать влияние на органы власти, союзные, республиканские, являлось всенародное голосование – референдум, как наиболее выраженная форма политического участия граждан в решении актуальных вопросов регионального сообщества. Такое решение было вполне ожидаемо, учитывая активно идущий процесс демократических преобразований в обществе.

Законодательно возможность его проведения предусматривала ст. 5 Конституции СССР и УССР. В то же время советское законодательство не оговаривало какую-либо регламентацию данного мероприятия. В связи с тем, что союзная практика проведения данного мероприятия отсутствовала, областной совет в рамках своих полномочий принял Временное положение «О референдуме и порядке его проведения на территории Крымской области Украинской ССР и г. Севастополя» [5, Л.5].

Через девять дней, 21 ноября, в Севастополе состоялась внеочередная четвертая сессия Севастопольского городского совета народных депутатов. На ее рассмотрение был вынесен вопрос «О статусе Крыма и об отношении к Союзному договору». В ходе его рассмотрения севастопольские депутаты вынесли решение: «1. Поддержать Декларацию «О государственном суверенитете и правовом статусе Крыма», а также решение о проведении всекрымского референдума. 2. Считать необходимым, вынести на референдум вопрос об особом статусе Севастополя» [12].

Севастопольский городской Совет народных депутатов, принявший данное решение, был избран еще 4 марта 1990 г. Его численность составляла 200 депутатов, подавляющая часть которых являлась членами КПСС, лишь небольшое число составляли беспартийные. 88,2 % депутатов были избраны впервые. Председателем горсовета являлся Юрий Иванович Ступников, председателем

исполнительного комитета горсовета – Аркадий Николаевич Шестаков [6, Л.21]. Работать этому составу горсовета приходилось в сложных социально-экономических и политических условиях: в развитии советского общества накопились острые социально-экономические проблемы.

Непредсказуемость последствий процессов, идущих в СССР и связанных, прежде всего, с националистическими лозунгами, заставляла севастопольцев заявить о своем праве на сохранение статуса города, а при благоприятных условиях и повысить его. К тому же, новый правовой статус города мог бы способствовать повышению прав и расширению возможностей городского Совета в решении экономических, социальных проблем горожан, которые нарастали с каждым днем. Город остро ощущал нехватку воды, ухудшение поставок продовольствия, рост цен.

В поддержку как крымского, так и севастопольского референдумов выступила и Севастопольская городская организация Компартии Украины. На XXXI городской партконференции, проходившей 20 декабря 1990 года, были утверждены разработанные парторганизацией организационно-политические мероприятия по обеспечению проведения референдума, к агитационной работе подключалась сеть первичных парторганизаций. 21 декабря на первой полосе городской газеты было помещено обращение участников пленума Севастопольского горкома партии, в нем говорилось: «Обретя статус автономии, подписав Союзный договор, Крым станет суверенной республикой, получит всю полноту государственной власти на своей территории, юридическую гарантию сохранения в составе Союза ССР, возможность самостоятельно распоряжаться землей, ее недрами и природными богатствами, безотлагательно и эффективно решать на месте наиболее острые проблемы экономические, языковые, экологические, национальные»[8].

Относительно статуса Севастополя к моменту проведения референдума, следует заметить, что по линии распорядительно-исполнительной власти Севастополь в лице городского совета был подотчетен республиканским структурам власти. Как главная база ЧФ, Севастополь в военной области управлялся Министерством обороны СССР. Наряду с этим на территории Севастополя действовали организации, предприятия союзно-республиканского подчинения. Фактически город находился в двойном подчинении, но юридически за ним был закреплён статус города республиканского подчинения. Его фиксировала ст. 77 Конституции СССР и подтверждал подписанный 19 ноября 1990 года договор между РСФСР и СССР о взаимном признании границ.

В рамках городского референдума севастопольцам было предложено ответить на вопрос: «Вы за статус города Севастополя - главной базы Черноморского флота как города союзно-республиканского подчинения?» [1].

Согласно ст. 14а Временного положения в городе была создана Севастопольская городская комиссия по проведению референдума, на нее замыкались районные комиссии. В соответствии с решением горсовета исполком на данное мероприятие выделил деньги в количестве 173 800 рублей. Деньги были использованы на оборудование участков, уточнение списков избирателей, печать бюллетеней, информационных плакатов. К 28 декабря в президиуме Крымского Областного Совета народных депутатов и в президиуме Севастопольского городского совета были утверждены бланки бюллетеней. Заметим, что, несмотря на разъяснения, в день голосования заполнение бюллетеней вызвало много вопросов. Бюллетени для голосования признавались недействительными, если в них не был вычеркнут ни один или были вычеркнуты оба варианта ответа. Необходимо было оставить тот вариант ответа, за который голосовали пришедшие на участок. Данная форма бланков значительно осложняла деятельность участковых избирательных комиссий, вынужденных в ходе голосования дополнительно вести разъяснительную работу с населением по их заполнению.

Для положительного решения вопроса о статусе Севастополя было необходимо, чтобы «да» сказала больше половины севастопольцев, принявших участие в голосовании.

Севастопольская городская комиссия по референдуму была образована Севастопольским городским Советом народных депутатов по представлению районных Советов народных депутатов с учетом предложений трудовых коллективов, общественных организаций и объединений, учебных заведений, собраний граждан по месту жительства и военнослужащих в воинских частях. По мере необходимости она взаимодействовала с Областной (Центральной) комиссией по референдуму в Симферополе.

Принимать участие в референдуме могли все проживающие и прописанные в городе жители, а также военнослужащие, прибывающие в воинских частях, их семьи, если они проживали на территории части. Данные в участковые комиссии передавались командирами частей. Также статья 5 Временного положения предусматривала право участия в референдуме граждан СССР из числа депортированных из Крыма народов, проживающих за пределами Украинской ССР. Однако лидеры национальных движений крымскотатарского народа намерены были бойкотировать референдум.

Уже в начале 1991 года в городе ощущался необычайный подъем. Сразу после новогодних каникул в методическом кабинете Матросского клуба открылся «Клуб избирателей». Дежурившие там активисты разъясняли процедуру голосования, информировали о нахождении мест голосования. С отдельным обращением к жителям города 11 января 1991 года выступили ветераны - члены Севастопольской секции Советского комитета ветеранов войны: «Севастопольцы! Мы обращаемся к вам с призывом твердо высказать свое «Да» по вопросу статуса г. Севастополя как города союзно-республиканского подчинения. Севастополь имеет на это право не только благодаря своим историческим заслугам, боевым традициям, но и как главная база Краснознаменного Черноморского флота!» [9].

В трудовых коллективах шло обсуждение вопросов выносимых на голосование. На страницах городской газеты «Слава Севастополя» развернулось активное обсуждение проблем референдума. Большинство авторов публикаций высказывались за повышение статуса Крыма и фиксацию статуса Севастополя как города союзно-республиканского подчинения.

Иного мнения придерживались представители Народного Руха, Комитета защиты украинцев Крыма, чьи представители находились в городе, имея цель развернуть агитационную работу против проведения референдума. Так в листовке Руха, что распространялась в городе, читаем: «Ми закликаємо вас не приймати участі у референдумі 20 січня 1991 року, бо це зашкодить нашому народу і державі щодо її територіальної цілісності у майбутньому. Кожен українець, котрий візьме до рук бюлетень референдуму буде проклятий майбутніми поколіннями нашого народу як національний зрадник!» [3].

В другой листовке: «Севастопольцы не принимайте участие в референдуме. Для нас лучше РУХ, чем коммунисты. Хуже не будет! Хуже некуда! Если мы будем жить на свои средства и ничего не отдавать Союзу, в эти бездонные закрома Родины, то выйдем на европейский уровень жизни. Союз содержит зарубежных братьев. Нам это не нужно. А мы, русские, всегда договоримся с украинцами. Рух выступает за равные права всех граждан!» [4]

Противовесом действиям группы представителей украинских националистических партий и объединений был отряд политинформаторов, пропагандистов севастопольского горкома Компартии Украины, а также политически активные граждане города, местные общественные объединения, от экологического до национально-культурного профиля деятельности. Интересно, что только по заказу Крымского обкома партии было изготовлено 150 видов плакатов, листовок, буклетов, разъяснявших суть и цель референдума, к данной работе подключились и печатные издания обкома, горкома партии, Советов народных депутатов.

Основными оппонентами проведения референдума были не только представители украинских националистических объединений, рассматривающие Крым и Севастополь как неотъемлемую часть украинского государства, но и Организация крымскотатарского национального движения (ОКТД), призывающая к бойкоту референдума. К числу его оппонентов относился и внутрикрымский блок партий, объединений. В него входили Народный фронт Крыма, Демократический союз, «Добрая воля», «Клуб избирателей», «Русское общество», Демократическая партия Крыма. Представители данных политических сил считали нецелесообразным проведение референдума, так как он не ставил вопрос о возврате в Россию.

Большую обеспокоенность у организаторов референдума вызывала и социальная усталость населения от бесконечных выборов без осязаемого результата.

В севастопольские списки по голосованию на референдуме было внесено 284 197 граждан. В референдуме по статусу города приняло участие 77,6 % от занесенных в списки избирателей. Из них за предложенный статус проголосовало 94% участников референдума, против высказались 4,7%. [7].

Севастопольский городской совет народных депутатов на пленарном заседании 6 сессии 21-го созыва 5 февраля 1991 года большинством голосов утвердил результаты голосования. Также были приняты обращения в адрес Верховных Советов УССР и СССР с просьбой утвердить результаты общекрымского референдума. Исполкому Севастопольского городского совета, его постоянным комитетам предписывалось в месячный срок разработать проект Положения о новом статусе города Севастополя и вынести его на рассмотрение очередной сессии горсовета [6].

Верховный Совет УССР 12 февраля 1991 года утвердил результаты референдума, прошедшего на всей территории Крыма. Однако результаты, прошедшего в Севастополе 20 января 1991 года референдума, параллельно с крымским, не обсуждались.

В дальнейшем опыт крымского и севастопольского референдумов был использован при подготовке всесоюзного референдума 17 марта 1991 г. – «За сохранение Союза ССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик».

В преддверии Всесоюзного референдума, 15 марта 1991г., перед Севастопольским партактивом выступил председатель Крымского Областного Совета Н. Багров. Он отмечал: «Мы с пониманием

относимся к проведенному ранее севастопольцами референдуму и активно поддерживаем стремление не потерять свой статус в связи с воссозданием Крымской АССР. Поэтому принято решение от имени президиумов Крымского Облсовета и Севгоссовета народных депутатов обратиться в Верховный Совет Украинской ССР, о том, чтобы сохранить существующий статус города республиканского подчинения, а также оставить и закрепить его в новой Конституции Украинской ССР» [2].

В апреле 1991 года 7 сессия 21 созыва Севастопольского городского совета народных депутатов приняла решение «Об обращении с законодательной инициативой к Верховному Совету Украинской ССР о принятии Закона Украинской ССР «О Севастополе - городе республиканского подчинения». Данное решение не способствовало повышению статуса города, скорее закрепляло уже существующий, что также было важно для городской общины теперь уже в условиях воссоздания крымской автономии с определенным объемом прав и намерений. В обосновании данного документа указывалось, что «исторически сложившаяся инфраструктура города, сориентирована на выполнение оборонных функций, отсутствие необходимых собственных источников формирования бюджета, демографический состав населения предполагает сохранение существующего ныне статуса Севастополя как города республиканского подчинения» [13, с.16].

События последующие за развалом СССР, споры о принадлежности Крыма и Севастополя, раздел ЧФ, снятие статуса «закрытого города», не только не позволили принять предложенный в такой формулировке законопроект, но и перевели эту проблему в политическую плоскость. В новых условиях общественно-политической трансформации украинского общества не решенная проблема юридического закрепления статуса Севастополя стала в первой половине 1990-х гг. толчком к зарождению общественного пророссийского движения на полуострове, флагманом которого стали севастопольские общественные объединения. Одной из первых подобных организаций, зарегистрированных в апреле 1992 года в исполкоме Севастопольского городского Совета, было «Русское движение Севастополя». Осенью 1992 года ряд севастопольских организаций был объединен в Севастопольское отделение Российского Фронта Национального спасения (ФНС). Севастопольское отделение Российского Фронта Национального спасения действовало как самостоятельная региональная организация, при этом поддерживала тесную связь с членами политсовета Фронта в Москве.

7 января 1993 года в городе состоялся несанкционированный митинг горожан, инициированный членами Севастопольского отделения ФНС. В нем участвовало 3,5 тысячи митингующих. Во время его проведения впервые прозвучал лозунг «Севастополь-Крым-Россия». С этого момента начинается период массовых выступлений, в том числе несанкционированных, носивших пророссийский характер. Постоянными атрибутами всех общественно-политических акций были Андреевские флаги, а также флаги РФ, ВМФ СССР. Митингующие выступали за российский статус Севастополя как главной базы ЧФ, за союз и активное торгово-экономическое, культурно-образовательное взаимодействие с Россией, странами СНГ.

Среди организаций, последовательно отстаивающих российский статус Севастополя было и «Российское народное вече», созданное летом 1993 года как альтернатива представительному органу г. Севастополя. Наиболее многочисленные сходы граждан по инициативе данной организации наблюдались в течение всего 1993 года, и особенно в преддверии принятия решения по статусу Севастополя в Верховном Совете РФ. Еще в декабре 1992 года на VII Съезде народных депутатов России была образована комиссия по вопросу Севастополя, ее возглавил народный депутат России Е. К. Пудовкин.

Под давлением общественности и при содействии патриотически-настроенных российских депутатов 9 июля 1993 года Верховным Советом РФ принимается постановление «О статусе города Севастополя», подтверждающее российский федеральный статус Севастополя в административно-территориальных границах городского округа по состоянию на декабрь 1991 года [10, с.137]. Однако после событий сентября – октября 1993 года в Москве, когда был распущен Совет народных депутатов и Верховный Совет РФ, принявших судьбоносное для города решение, стало ясно, что вопрос российского статуса Севастополя на данном этапе снят с повестки дня.

Таким образом, проведение общекрымского и севастопольского референдумов в январе 1991 года проявило на практике высокую степень гражданской и политической активности региональных сообществ, их стремление с помощью форм прямой демократии решать актуальные проблемы. Данные события позволяют сделать вывод о том, что участие в коллективном политическом действии способно стать мощным стимулом для активизации действий граждан в развитии их политических воззрений.

Список литературы

1. Бюллетень для голосования на референдуме о статусе Севастополя. 20 января 1991 года // Фонды Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя. А 21632.
2. Интервью председателя Крымского областного Совета народных депутатов Н. В.Багрова // Слава Севастополя. - 1991. - №51 (16 марта).
3. Листовка Народного Руха, Комитета защиты украинцев Крыма // Фонды Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя. А21438-1.
4. Листовка самостоятельная «Севастопольцы не принимайте участие в референдуме!» // Фонды Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя. А21438-2.
5. Материалы внеочередной пятой сессии Севастопольского городского совета народных депутатов 21 созыва «Об утверждении Временного положения о референдуме и порядке его проведения на территории Крымской области» 1990 г. // Фонды Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя. А21854.
6. Материалы 1 сессии горсовета XXI созыва // ГАГС. Ф. Р-79. Оп.1.Д.2802
7. Об итогах референдума, проведенного 20 января 1991 года, по определению статуса города Севастополя // Слава Севастополя. -1991. - №128(26 января).
8. Обращение участников пленума Севастопольского горкома Компартии Украины к жителям города в связи с предстоящим референдумом // Слава Севастополя. - 1990. - №241 (21 декабря).
9. Обращение Севастопольской секции Советского комитета ветеранов войны к севастопольцам по вопросу проведения референдума // Слава Севастополя. - 1991. - №4 (11 января).
10. Постановление Верховного Совета Российской Федерации №5359-1 от 9 июля 1993 года «О статусе города Севастополя» // В кн. Крым Севастополь Россия. История. Геополитика. Будущее / Рук. авт. кол. Л. И. Шершнева. - М.: Фонд НИМБ, 2007. – 372 с.
11. Решение Крымского Областного Совета народных депутатов четвертой сессии 21 созыва «О проведении референдума» // ГАРК. Ф. Р-3287. Оп.14. Д.13.
12. Решение внеочередной четвертой сессии Севастопольского городского совета XXI созыва «О проведении референдума» // Слава Севастополя. - 1990. - №222 (24 ноября).
13. Севастополь на пути экономической и административно-территориальной реформы / Под. общ. ред. О. И. Соскина. – К.: Изд-во «ИТО», 2005. – 148с.

Статья поступила в редакцию 18.04.2018

Ostrovskaya, I. V. All-Crimean Referendum of 20 January 1991: Sevastopol Dimension

On the basis of little-known printed sources and archival materials, the holding of a city referendum on the status of Sevastopol within the framework of the all-Crimean referendum on January 20, 1991 is considered. Attention is paid to the results of the city referendum, as well as their impact on the status of the city as the main base of the Black Sea fleet. The idea of the initial stage of formation of the Pro-Russian movement in Sevastopol and its participants is given. It is concluded that the referendums showed a high degree of civil and political activity of the regional communities of Crimea and Sevastopol on the eve of the collapse of the Soviet Union, as well as their desire to solve actual problems of communities with the help of direct democracy forms.

Keywords: Sevastopol, all-Crimean referendum, the main base of the Black Sea fleet, ballot paper

Рассматривается ряд вопросов, связанных с интеграцией понятия «социальная справедливость» в категориальную обойму современной социальной философии и философии права в частности. Оцениваются теоретические, методологические и аксиологические аспекты различных исторических и концептуальных подходов к решению задачи. Особое внимание уделяется попыткам разграничения предметных уровней философских и правовых дискурсов, которые препятствуют смещению научных выводов в сторону политических формул, идеологем и мифов. Предпринимается попытка определить реальное пересечение демократических идеалов и социально-правового дискурса от античности до наших дней.

Ключевые слова: правовой идеал, равенство, свобода, благо, либертарно-юридическое правопонимание, цивилизация, культура, развитие, ценностное ориентирование.

А. П. Коркишко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kormanial@mail.ru

С. В. Чугунов, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: serzh.chugunov.62@mail.ru

ПРАВОВОЙ ИДЕАЛ: СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Политическая история XX и первых двух десятилетий XXI века оставила нам в наследство немало «темных» мест, недосказанности, умолчаний, а то и откровенных курьезов, говорить о которых с годами становится все сложнее, уже хотя бы потому, что значительно возросшие временные общесоциальные темпы развития современности – банально, но, увы, верно – все чаще и чаще не совпадают с временными характеристиками философского созревания культуры.

Этот тренд становится особенно болезненным, когда речь заходит о такой, казалось бы, очевидной, истине, как социальная и правовая незаменимость демократии. Сегодня для многих людей у нас и за рубежом этот тезис неоспорим и воспринимается чуть ли не как каноническая истина.

Демократические ценности, демократический выбор и, наконец, демократические идеалы представляют собой не только опорные смысловые точки социально-философского и социально-правового дискурса, но и выполняют роль неких объективированных целевых ориентиров исторического движения. В этом качестве они, в контексте европейской политической культуры в особенности, составляют основу парадигмы современного западного социального мышления.

Обозревая события последних двух-трех десятилетий, мы без особого труда обнаруживаем выраженную политическую волю правящих элит США, Европы и России в правовой, политической, экономической – шире гуманитарной сфере – следовать ценностным образцам демократии. Во время балканского кризиса, военных операций на Ближнем Востоке, эта решимость была подтверждена помимо логической аргументации непосредственно силовыми приемами.

Готовность коллективного Запада оперировать *argumentum ad baculum* в ситуации, когда после десятилетий жесткого идеологического и военного противостояния с СССР и странами Варшавского договора, на континенте начал складываться, если не единообразный, то генетически однообразный способ понимания и объяснения социальной реальности, скорее всего, могла быть вызвана стремлением подчеркнуть нерушимость и неприкосновенность базовых ценностей. Дополнительным мотивом решительного стремления переформатировать исторический материал континента могли послужить и представления о скором возведении на фундаменте либертарно-юридического правопонимания общеевропейского долга. Определенным политическим и научным кругам Запада эти планы представлялись весьма реалистичными и вполне достижимыми, но как показали события последних лет – конфликт на Востоке Украины, молдавское противостояние, миграционный кризис Европы и т.д. – увы, только казались таковыми.

Иллюзорность подобных социальных проектов можно было рассмотреть хотя бы при рассмотрении концептуальной схемы общеевропейской конституции, когда, как джинн из бутылки, возникло представление о существовании в Европе стран первого и второго эшелона демократического развития, которое, пусть и с оговорками и вынужденными реверансами, но де-факто свидетельствовало о тернистых путях правовой справедливости уже не в текстовом, а конкретно-жизненном исполнении.

Прецеденты двойного оценочного стандарта перестали уже удивлять и высоколобых интеллектуалов, и рядовых граждан. Все более ощутимыми становятся признаки углубляющегося кризиса ценностного ориентирования в современном социально-правовом мышлении.

Сам по себе вывод, скажем мягко, не нов, но пристально всмотревшись в его контуры, начинаешь осознавать его многоплановость и теряющуюся в исторической глубине определенность. Уже при первом приближении обнаруживается структурный, функциональный и аксиологический диссонанс в самом существовании термина «социальная справедливость», который отображается в логике научного осознания, в логике социального действия и в логике модальных оценок особым образом, что невольно заставляет вспоминать слова К. Маркса о «специфической логике специфического предмета».

Если попытаться хоть как-то упорядочить указанные формы отображения термина «социальная справедливость» в рамках логической соотносительности, то тогда мы придем к некой, скорее мнемонической схеме, которая выглядит следующим образом. Логика социального действия редуцируется до уровня понятия «регулятор общественных отношений», т.е. право, которое в данном случае осознается как позитивное, т.е. отчетливо структурированное по трем признакам юридической нормативистики, а именно: в нем ясно формулируется надлежащее правило поведения (диспозиция нормы), четко обозначаются условия, при наступлении которых правило предъявляется (гипотеза нормы) и форма социального контроля за исполнение нормы (санкция).

Логика научного осознания воплощается, по словам Гегеля, в «царстве теней» логоса, созидая мир простых сущностей, который и представляет собой запечатленную культуру, постижение которой возможно только посредством прохождения школы мысли или, иначе говоря, истории философии, с которой у современной истории складываются отнюдь не доверительные отношения. Они во многом отягощены совсем не лирическими воспоминаниями о «философском засилье» в идеологических сферах общественной практики советского периода, которые нарушают органическое включение совокупного историко-философского материала в современный культурологический дискурс и мешают выработке сбалансированной философской оценки всех аспектов духовного процесса.

Нахождение искомого баланса немыслимо без его вписывания в систему модальных оценок современности, которое кардинально изменяет аксиологическое поле, придавая ему новые системные качества. Вот почему, модальное поле оценок в данном случае трактуется как аксиологическая сфера человеческой практики в целом.

Логика и практика правовой инициативы, построенная на принципе социального регулирования, всегда была ближе и понятней для исторического человека, так во всяком случае ему казалось. И далеко не случайно, еще в древности, Гераклит, излагая законы согражданам, плакал от осознания окружающей его тьмы непонимания. Невольно, оглядываясь вокруг, вдруг замечаешь, что слезы его все еще не высохли...

Так или иначе, согласно генетической логике рассмотрение изложенной схемы следует начать с краткой истории позитивного права, которое своей конкретикой делает нас ближе, если не к истине, то к правде.

Как показывает практика социального развития, позитивное право не может быть построено без опоры на базовую категорию «социальная справедливость», иначе право, как гарант сохранения смыслового вектора истории, теряет свою общественную значимость. Действительно, любой правовой акт, будь то конституция, кодекс, устав или закон, есть отображение понятия справедливости в формальном или фактическом нормативном закреплении воли законодателя. Даже простой индуктивный перебор уголовного, уголовно-процессуального, гражданского и т.п. законодательства большинства стран мира свидетельствует о неизменном присутствии принципа социальной справедливости в любой отрасли и институте права.

Ясно, что для каждого конкретного исторического интервала формируется собственная мера справедливости и способ ее понимания и закрепления в праве. Древние считали рабство неотъемлемой частью полисного мироустройства, а сам признак «политии» у Аристотеля атрибутировал поле цивилизации (варварскими и были народы, живущие вне политии), Фома Аквинский оценивал, как позитивный, способ юридического определения большего наказания за убийство мужчины, чем за подобное же преступление в отношении женщины. Равные избирательные права с мужчинами женщины обрели лишь в начале новейшей истории – эти и подобные им исторические факты общественное мнение современных развитых в право-политическом отношении обществ считает несправедливыми и неприемлемыми. Оценку этим фактам современное сообщество, именуемое цивилизованным, проецирует в поле наличных позитивно-нравственных стандартов, упуская при этом, что позитивное право по своей природе и должно фиксировать сиюминутную справедливость. Оно воплощает «всеобщую правильность» и закрепляет «всеобщую правомерность», объективируя тем самым волю законодателя в справедливых – в рамках исторических представлений, разумеется, – законах. Именно так обосновывается необходимость и императивность законодательной воли, и именно здесь, на стыке правового и морального сознания, чаще всего и рождаются современные социальные миры.

Миф в социальной практике сегодня может представлять определенную опасность в том смысле, что он способен вызывать трансформацию теоретических размышлений о природе справедливости в

идеологизированные установки свободы и равенства. Тогда-то и возникают трудноразрешимые коллизии свободы и равенства.

Неслучайно, что проблема вписывания идеального понятия справедливости в концепцию естественного права стала сегодня одной из главных задач философии права в виде нахождения диалектического соответствия между справедливостью, как объективным порядком, закрепленным в праве, и справедливостью, как референцией этико-философской категории.

Современная философия права сравнительно редко обращается к анализу соотношения справедливости как добродетели. Может быть, поэтому современному правосознанию, воспитанному на концепции позитивного права, близка мысль о том, что для установленного положительно правопорядка совершенно безразличны субъективные усилия добродетели. Получается так, что поскольку право имеет дело с внешними отношениями между людьми, т.е. оно совпадает с областью действия внешних по отношению к субъекту норм, постольку оно может считать себя свободным от бремени проблем, связанных со сложной организацией внутренней духовной жизни членов правового сообщества. Но тогда, доводя до абсолюта момент несовпадения внутреннего и внешнего в праве, можно прийти к утверждению «права бесправия».

Как это ни странно, но подобная или близкая к подобной точка зрения бывает справедливой для концепта положительного права и для возникающих в его пределах правовых отношений. Возникает интересная ситуация, когда позитивное право, с одной стороны, не отказывается от результатов взаимодействия с внутренними духовными процессами субъектов права, а с другой – считает эти взаимодействия вовсе не необходимыми.

Очевидно, что такое соотношение между внутренним и внешним в нормальной правовой системе не может быть долговременным, поскольку плохо согласуется с идеей справедливости. Нормальная правовая система должна предполагать, что установленный ею объективный порядок справедливости находит более или менее аутентичное отражение во внутренней духовной жизни членов правового сообщества, что этот порядок каким-то образом согласуется со справедливостью, как внутренней добродетелью [6, с.371]. Подобная точка зрения уже с 60-ых годов XIX в. стала распространенной в русской философии права вплоть до Октябрьской революции и вновь, в 1991 году, утвердилась в качестве доминантной идеи в современном философско-правовом обиходе.

Нередко право толкуется и понимается как внешняя референция равенства. В рамках такого понимания справедливым можно считать то право, которое предъявляет одинаковые требования и предоставляет равные права и свободы в отношении всех субъектов права, включая и носителей власти. Принимая эту логику, мы должны признавать, что полноценное изучение права возможно лишь в четкой отнесенности его собственной, «коренной» проблематики к комплексу проблем, связанных с конкретно-историческим бытием социальной справедливости.

Право – системообразующий социальный феномен, который существует в обществе и благодаря обществу, с определенным установленным порядком, общественными отношениями, иерархией социальных структур и социальных институтов. В этой связи справедливость мыслится как некий порядок отношений, в котором каждому субъекту принадлежит свое место и точно обозначены границы и содержание поля притязаний. Идея такого порядка осознается как определенная целостность, как общая органическая связь. Вместе с тем, нет никакой особой органической справедливости, как это в настоящее время иногда утверждают, но каждая личность, имея все причитающееся ей, не может не занимать в отношении ко всем другим личностям определенных статусно-ролевых позиций, не может быть не связана с ними органической связью [6, с.378].

Правовая система не может существовать без определенных установок социальной справедливости (даже тогда, когда эти установки принимаются далеко не всеми), равно как и социальная справедливость не может быть полностью представлена в современном обществе без соответствующего законодательного оформления, т.е. без позитивно-правового закрепления.

Игнорирование фундаментальной потребности людей в справедливости, как основании общественной жизни, как принципа ее организации блокирует процессы нормальной правовой социализации. Они перестают понимать и различать границы добра и зла, теряют не только нравственные, но и правовые ориентиры. В этом случае серьезно может нарушиться работа основных правовых институтов, регулирующих и организующих распределение жизненных условий в общественной среде со сложной социальной структурой в соответствии с юридически закрепленным балансом прав и обязанностей субъектов права.

Социальную справедливость, по-видимому, и можно, и должно рассматривать как своеобразный общественный регулятив, актуальность которого будет сохраняться, как минимум, до той поры, пока в обществе будут происходить процессы и явления, противоречащие нравственным императивам установки справедливости.

Существует целый пласт объективно закрепленных общественных явлений, которые значительной частью людей а priori воспринимаются как несправедливые. При этом осознается, что

раздражающая несправедливость не может быть устранена ни ситуативно, ни в интервале даже близкой исторической перспективы. Действительно, различие в социальном статусе по рождению вызывало и будет вызывать чувство несправедливости у многих людей. Но, как показала история, социальная стратификация, включающая по необходимости в себя и дифференциацию статусно-ролевой системы на основе приписывания, является практически неустранимым раздражителем общественного бытия людей и сопровождает их в течение всей жизни. Таким образом, социальная справедливость остается одним из тех идеалов, в том числе и таких, например, как правовое государство, которые не кажутся людям утопическими, но достижение которых вынужденно отодвинуто во времени. Также, как и на заре европейской цивилизации, нам и сегодня остается во многом неясной силовая природа внутренней конфликтности идеала общего блага и его системного центра – идеи справедливости.

Основным затруднением является несовпадение значений базовых категорий социального мышления – «справедливость», «равенство», «свобода» - в их статическом (теория правовой государственности) и концептуальном отображении. Правовой идеал, как символ всеобщей справедливости, в современной Европе стал не только условием, объединяющим страны и народы, но и обнаружил за собой целый ряд неожиданных свойств.

Последовательное, на первый взгляд, его применение – конституционное закрепление в нормах национального и международного права, вживание правовых идей и принципов в структуру государственной власти, в организацию межгосударственного общения, заявило о себе не только симптомами конвергенции, но и явной дивергенции. Сегодня, пожалуй, можно говорить о том, что эйфория, возникшая по поводу триумфального шествия демократии по континенту, проходит и наступает постепенное осознание действительной сложности исторической по своему масштабу задачи социального, экономического, правового освоения демократических идеалов.

Обращение к философским, культурологическим истокам в подобной ситуации выглядит неизбежным. Подвижность противоположных определений сущности и содержания идеала общего блага, вплоть до их полной взаимопроницаемости, осознаваемая, как парадокс социально мышления, была обнаружена в абстрактно-философской форме, как известно, в античную эпоху.

Спор Калликла и Сократа, зафиксированный в платоновском «Горгии», о характере соотношения «справедливости по обычаю» и «справедливости по природе» (на современном философском языке эта мысль обозначается как коллизия свободы и равенства) обнаружил антиномичность поставленного вопроса.

Основной сократовский замысел – двигаться к общему благу и от общего же блага оценивать человеческие поступки, факты общественной жизни, дела государственного управления в терминах рационалистически истолкованных этнических категорий кажется Калликлу одновременно и привлекательным, и опасным. Он замечает собеседнику: «... То, о чем мы спорим, отнюдь не пустяк, скорее можно сказать, что это такой предмет, знание которого для человека прекраснее всего» [4, с.478].

Сократовская майевтика неумолимо обнажала принципиальные затруднения становления идеологического сознания, а именно: решение вопроса о характере отношения идеала к реальности. На социально-политической арене античных Афин, как, впрочем, и на всех грядущих аренах, не было места для прекраснотушных мечтаний. Как политик-практик, Калликл на этой арене видел не сократовский идеал воцарившегося логоса, а то, как во все, что касается всех и требует общих убеждений и усилий, нередко проявляется косное, ложное начало, которое подавляет собою всех и вся, и возникает неизбежное превращение демократии в охлократию. Победить эту очевидную несправедливость следует естественным путем – установлением природной справедливости или, что то же самое, господства сильного над слабым.

Скорее интуитивно, чем рассудочно, Калликл ощущал, что и его позиция, и последовательное применение предложенного Сократом принципа приближает острейший конфликт между реальностью и ее ценностным отображением, которое, по его же словам, «прекраснее всего».

А *propos*, эта античная коллизия ценностного сознания удивительно схожа с той, которая буквально разрывает наличный когнитивный мир западной культуры, что вызывает зябкое ощущение от соприкосновения с загадочными колебаниями истории, которые мы с некоторой самонадеянностью именуем «повторением пройденного», с легкостью обращаясь к новым горизонтам. Но ... вернемся в античность.

Квалифицированный философский анализ, уточняющий, расширяющий содержание базовых тезисов спора, причем в самой невыгодной для Калликла редакции, приближал крах его позиции. Калликл пытался спасти свое философское лицо, обратившись к излюбленному оружию оппонента – иронии. Но Сократ настроен необычно серьезно: «Заклинаю тебя богом дружбы, Калликл, не думай, что ты непременно должен надо мною подшучивать... и мои слова не принимай в шутку» [4, с.542]. Действительно, обстоятельства в ходе этого знаменитого спора раскрываются нешуточные.

Во-первых, обнаружилось, что, несмотря на все усилия собеседников более или менее точно зафиксировать категориальные границы «свободы» и «равенства» не удастся.

Во-вторых, усилиями логики Сократа раскрывается удивительная подвижность Калликлова идеала справедливости по природе, или, что то же самое – свободы. На глазах идеал политика и государственного мужа превращается в беспринципного демагога, которому глубоко чужда и безразлична мысль о благе народа.

Однако и идеал «философского мужа» Сократа, взыскивающий к равенству и справедливости, горнила жизненного скепсиса не выдерживает. Калликл даже не стал углубляться в абстрактно-гуманистический анализ идеала равенства, он просто указал на его практическую несостоятельность.

Итак, ни один из полярных идеалов не выдержал лобового столкновения. Да и как это было возможно вообще, если в момент спора родилась великая дилемма истории: «свобода в неравенстве или равенство в несвободе», разделившая теоретическое и идеологическое сознание разломом, не преодоленным до настоящего времени. Замечательно, что античные мыслители не стали сглаживать остроту вскрытого противоречия. Трагическое «или» нависло над Калликлом, принужденного выбирать между свободой всевластного правителя или прозябанием поборника равенства, так и над Сократом, обреченного на жизнь без идеала или смерть во имя идеала.

Калликл, словно предчувствуя тяжесть исторических следствий затеянного спора, предупреждает Сократа о пагубности излишне серьезного отношения к философии. Как знать, может быть, Сократ и согласился бы с оппонентом, прекратив свои изобличения и обратившись по его совету к «благозвучию дел», если б подобный призыв к миролюбию не означал принципиального отказа от обсуждения вопроса о природе общественного блага. В этом случае терялась и, как показала история, терялась не только для Калликла и Сократа и содержательная наполненность идеала правовой справедливости, и определенность его логической конфигурации.

Пришедшая на смену античной средневековая христианская культура продолжила обсуждение идеала равенства и свободы. Усилиями Аврелия Августина его бытие было отнесено к трансцендентальной реальности града Божьего, лишая тем самым град земной всяких надежд на его обретение. Трагическое античное разделительное «или» в отношении к свободе и равенству Августин заменяет оптимистическим вероучительным соединением «и», однако торжество воссоединенной справедливости переносится на небеса: адресование может быть и точное, но уж очень отдаленное.

Возрождение, Реформация, Новое время приложили огромные усилия к тому, чтобы вернуть старому античному спору земную прописку. Отринув христианскую формулу равенства – «все мы – рабы Божьи», идеологи третьего сословия – Т. Гоббс, Д. Локк – заменяют ее формулой правового равенства, реализуемого в пространстве правовой свободы. Декларации правовой онтологии свободы и равенства не изменили принцип логического истолкования их соотношения. Он остается по-прежнему не разделительным, а соединительным. Раннебуржуазный исторический оптимизм, еще не соприкоснувшийся с реалиями якобинского террора, пока достаточно вольно оперирует понятиями свободы и равенства, не придавая особого значения логическим тонкостям анализа их соотношения. Ж.-Ж. Руссо с легкостью во истину французской подведет итоги двухтысячелетней дискуссии: «Если попытаться определить, в чем состоит то наибольшее благо всех, которое должно быть целью всякой системы законов, то окажется, что оно сводится к двум вещам: свободе и равенству» [7, с.188] Ощущение такое, что кроме этого победительного «и» в истории мысли иных воззрений на предмет не было. Таково свойство идеологически превращенного сознания.

Заметно стремление Руссо удерживать свободу и равенство вместе, как общие моменты общественного блага республики. Он словно не замечает, что справедливость по природе – это природное право сильного на роскошь, своеволие, свободу за счет ущемления прав, потерпевших поражение в жизненном состязании – плохо согласуется со справедливостью по обычаю, защищающей социальное равенство граждан. Руссо, безусловно, далек от аристократического снобизма в оценке справедливости по обычаю и не считает ее своего рода «заговором большинства» слабых и бездарных против сильных и богатых. Он предлагает ставший классическим для философии буржуазного права, способ прочтения принципа равенства как равенства возможностей реализации правовой свободы. Трудно допустить, что Руссо не осознавал того, что предложенная им модель с точки зрения гуманистического идеала Просвещения является ограничительной по своей природе, но ... «лучше выдумать не смог».

Новый диалектический подход к анализу структуры идеала предложит Гегель. Он откажется от формально логического истолкования противоречия и будет исходить из того, что категории «свобода» и «равенство», подобно двум зеркалам, многократно отображаются друг в друге. И тогда, по правилам гегелевской диалектики понятия получалось, что равенство возможностей – это всего лишь абстрактное отражение принципа равенства в абсолютной свободе. Маркс теоретически уточнил Гегеля и интерпретировал социальное равенство как свободу от эксплуатации.

Этот в своей основе теоретический тезис в исторической практике по целому ряду весьма запутанных обстоятельств был превращен в идеологический посыл. В отношении понимания марксистского тезиса о социальном равенстве, как условия, открывающем эру гуманизма, случилось тоже самое, что произошло с другим фундаментальным положением марксистской теории о коммунистическом действии, как средстве преодоления отчуждения. Коммунизм, как известно, был объявлен исторической целью. Последствия этих и им подобных «неточностей» сегодня хорошо известны.

Диалектический исторический метод К. Маркса был неприменим к социализму, т.е. капитализм, для которого он был разработан, а это положение четко обосновал в своем исследовании В. А. Вазюлин [1], представлял зрелую форму предыстории, тогда как социализм обозначал начало, становление нового исторического пути, который, как мы знаем, оборвался в 1991 году, и проблема «социальной справедливости» из острой, актуальной задачи трансформировалась в почтенную фундаментальную науку, социальная значимость которой в рыночной экономике зафиксирована декларативно.

Остроту ситуации подчеркивает и то обстоятельство, что марксизм Россия по ленинскому выражению выстрадала (для аудитории, знакомой с отечественной историей не понаслышке, сам этот вывод очевиден), но поразительно как легко внешне она с ним рассталась и впала в либерально-правовую концептуальность, не забыв закрепить ее в конституции, т.е. оформить ее как высшую государственно-правовую сущность. В методологическом отношении этот исторический росчерк означает, что, покинув уровень диалектического мышления, мы вступили на почву формально-логических юридических дефиниций.

В этой связи невольно вспоминаются слова Г. В. Плеханова, сказанные им чуть более ста лет назад, «об особой опасности исторических переломов в России, которая, безусловно, страдает» – здесь он был согласен с ленинской оценкой русского марксизма – «и страдает не только от того, что он в ней недостаточно развит» [5, с.103].

Мысль, которая не может не родить смутных заключений на известную тему: «шаг вперед и два шага назад».

В данном случае во всех этих перипетиях нас интересуют, в первую очередь, причины, включающие механизм превращения теории в идеологию. Он представляет собой реальную угрозу нашему историческому здравому смыслу. Дело в том, что идеология, замещая в несвойственной ей роли теорию, принимается предсказывать и объяснять. Именно в этот момент рождаются мировоззренческие фантазии и создаются идеологические мифы. Похоже, Сократ прозревал века, когда так бескомпромиссно теоретически сражался с Калликлом. Гению в этом далеком споре раскрывалась истина о том, что нет ничего практичнее хорошей теории.

Попробуем, хотя бы в первом приближении, оценить результативность философских усилий XX века, направленных на преодоление коллизии свободы и равенства. Большая часть столетия минула под знаком противостояния мировых социально-экономических систем. Под грохот идеологической канонады свершился не всеми замеченный исторический «откат» социального мышления эпохи с высот диалектической логики, достигнутых немецкой философской классикой XIX в., к традиционным метафизическим построениям. Каждая из половинок идеала справедливости в XX в. была растащена мировыми системами таким образом, что «капиталистическая правовая свобода» и «социалистическое социальное равенство», лишённые ограничивающего воздействия своей противоположности, потеряли способность представлять идеал в целом. Более того, сам идеал справедливости утрачивал свою историческую явь. Снижение уровня методологической культуры мышления ощутимо сказалось во всех сферах жизни. Безошибочным поэтическим чутьем Михаил Светлов определит причину культурологического срыва: «Мы диалектику учили не по Гегелю». Увы, признание было слишком запоздалым. Обретшие явь антиномии свободы и равенства возвращались в мир в виде мифов свободной демократии, с одной стороны, и мифов эгалитаристского социального рая, с другой.

Сегодня нет большого смысла детально анализировать мифологические конструкции, рожденные, как правило, на потребу дня. Гораздо интереснее попытаться определить «остаточный эффект» их присутствия в мышлении современных политических элит. Суть эффекта в том, что сознание фиксирует только «правильный» вариант решения проблемы. Противоположный тезис обычно даже не оспаривается – его просто объявляют несуществующим. Так, создается иллюзия преодоления принципиальных затруднений, тем более опасная, что она закрепляется в сознании субъектов политических решений.

В одном из своих публичных выступлений известный в России политик Г. Явлинский заявил следующее: «Тезис о социальной справедливости – один из самых опасных политических тезисов, которые могут существовать». Почему это так публичный политик пояснил с редкой для его профессии откровенностью: «... справедливости не существует и это знает каждый человек» [2]. Подобные умонастроения можно встретить и в западных интеллектуальных кругах. Например, Г. Уоллич в книге

«Цена свободы. Новый взгляд на капитализм» поясняет, что таковой выступает отказ от принципа равенства [8, с.93].

Калликлу, вероятно, в моменты озвучивания подобных заявлений становилось светло на небесах: его дело живет и торжествует.

К счастью, сегодня так думают не все влиятельные политики. Опытные политические лидеры осознают значение для общества идей социальной справедливости. Популярная и на Западе и у нас М. Тэтчер в интервью еженедельнику «Аргументы и факты» подчеркнула, что для того, чтобы люди могли поверить в себя, нужны две вещи – «во-первых, торжество справедливости и, во-вторых – здоровая валюта» [3, с.3]. Пусть и с существенной, меркантильной, по сути, оговоркой, но Тэтчер говорит о социальной незаменимости принципа справедливости, т.е. признает его фундаментальное значение для современного общества.

Привлекательная в общечеловеческом плане позиция Тэтчер – весьма обременительна в теоретическом и иных отношениях. Она выглядит органичной с точки зрения простой нравственности и политической целесообразности, однако теоретически и тем более конкретно – юридически остается труднореализуемой.

На заре XVII столетия Ф. Бэкон, прокладывая дорогу новому мышлению, объявил войну призракам старого. Ему казалось, что мощь раскрепощенного интеллектуализма сметет все преграды на своем пути. Знание действительно оказалось силой, но, как показала история, не всегда всемогущий дискурс оказывается вездесущ и уже тем более – справедлив. И сегодня социально-правовой дискурс для нас все более неочевиден в преломлении задачи достижения справедливости и мешают этому, в первую очередь, спорадически возникающие мифологические «уклоны» в понимании и объяснении природы общественных правовых идеалов.

Демократические идеалы не могут истолковываться прагматически, поскольку в этом случае перестают быть таковыми и способны лишь спровоцировать возникновение двойных стандартов и т.п. в лучшем случае или манифестацию откровенного социального цинизма – в худшем. Социальный романтизм посткоммунистического толка сегодня также не находит широкой поддержки, поскольку вторая часть тэтчеровской формулы жизненно неотменима: без валютной поддержки справедливости приходится туго. А денег без рынка, увы, не бывает...

Подведем итоги. Игнорирование фундаментальной потребности людей в справедливости общественного устройства, организации жизни блокирует процессы нормальной правовой социализации. Они перестают понимать и различать границы добра и зла, теряют не только нравственные, но и правовые ориентиры. Говоря о правовой социализации, мы говорим о ней применительно не только к отдельным индивидам, группам, но и к целым народам и этносам. Отсюда следует, что обсуждаемая задача представляет собой проблему цивилизационного уровня, которая может быть содержательно раскрыта и интерпретирована в терминах новых философских подходов.

Список литературы

1. Вазюлин, В. А. Логика «Капитала» К. Маркса / В. А. Вазюлин. – М.: Наука, 1968 – 322 с.
2. «Круглый стол» политиков, ученых и журналистов // Московский комсомолец. – 1995. – 19 апреля.
3. Маргарет Тэтчер о самом важном в политике // Аргументы и факты. – 1996. - №35 – 24 с.
4. Платон. Горгий. Собр. соч. / Платон. – М., 1990. - Т.1. – 596 с.
5. Плеханов, Г. В. Изб. философские произведения: в 5-ти т. / Г. В. Плеханов. – М.: Политиздат, 1956. - Т.1. – 384 с.
6. Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология. - СПб.: Алетеия, 1997. – 483 с.
7. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М., 1969. – 435 с.
8. Уоллич, Г. Цена свободы. Новый взгляд на капитализм / Г. Уоллич. – М., 1992. - 256 с.

Статья поступила в редакцию 19.06.2018

Korkishko, A. P., Chugunov, S. V. Law Ideal: Correlation of Law and Social Justice

The article deals with the problem of the integration of the term “social justice” into the categorical wide range of modern social philosophy and philosophy of the law. The authors consider theoretical, methodological and axiological aspects of different historical and conceptual approaches to solving the problem. Particular attention is paid to the attempts to differentiate the subject levels of philosophical and legal discourses which prevent the shift of scientific conclusions towards political formulas, ideologemes and myths. The authors attempt to determine the real intersection of democratic ideals and social and legal discourse from antiquity to the present day.

Keywords: law ideal, equality before the law, liberty, benefit, liberal and legal consciousness, civilization, culture, development, value system.

УДК 327.5 (470)

В статье на основе неореалистической парадигмы международных отношений выявлена геополитическая роль Крыма и Севастополя в Черноморско-Средиземноморском регионе после воссоединения Крыма с Россией (2014 – 2018 гг.). Определены позиционные и динамические факторы, причины и проявления роста значения Крыма в геополитике данного международного региона. Аргументируется восприятие Черноморско-Средиземноморского региона в качестве целостного. Раскрыты проявления роста военного присутствия НАТО в Причерноморье, оборонительные действия Российской Федерации. Оценивается фактор экспорта энергетических ресурсов в геополитике Причерноморья с позиций России. Определены проявления трансформаций геополитического позиционирования Турции на протяжении 2014–2018 гг. Выявлена подчинённая роль ряда стран региона (Украины, Болгарии, Румынии, Молдавии, Грузии) в геополитической конкуренции. Установлена взаимосвязь внутри- и внешнеполитических факторов изменений позиционирования стран региона за 2014 – начало 2018 гг.

Ключевые слова: геополитика, геополитические роли, Крым, Севастополь, Черноморско-Средиземноморский регион.

А. В. Баранов, профессор, д-р полит. наук, д-р ист. наук

Кубанский государственный университет

E-mail: baranovandrew@mail.ru

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ В ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ (2014-2018 ГГ.).¹

Тема статьи актуальна, и её значение возрастает в условиях конфронтации Запада с Российской Федерацией. Причерноморье является для нашего государства одним из ключевых сегментов Южного стратегического направления, обеспечивающих национальную безопасность Российской Федерации. С точки зрения геополитики Причерноморье для России – это gateway region, сравнительно компактные «ворота» в Средиземное море, а через него – и в Мировой океан. В Черноморском бассейне конкурируют интересы как мировых акторов (США, ЕС, РФ и КНР), так и региональных игроков (Турции, Украины и др.). Причерноморье в зависимости от исхода борьбы противоположных стратегий геополитики может играть как роль «ворот» России во внешний мир, так и «коридора» для агрессии НАТО против нашей страны. Геополитическая конкуренция России и НАТО в Причерноморье резко возросла с началом Украинского кризиса. В условиях Сирийского конфликта Причерноморье и Восточное Средиземноморье воспринимается как единый международный регион. Новый этап эскалации геополитического конфликта начался в 2016 г., с принятием решений об укреплении юго-восточного фланга НАТО. Однако столь актуальная тема ещё не отражена в работах профессиональных политологов, оставаясь в основном уделом публицистов.

Степень разработанности темы. Основное внимание в научной литературе уделяется аспектам геополитической конкуренции Российской Федерации, ЕС и НАТО в Черноморском регионе (А. А. Язькова [29], Н. С. Белякова [2], С. А. Забелин [10], А. Гаврила [6]. Роль Украины в геополитических процессах оценивается как подчинённая (В. И. Мироненко) [16]. Также характеризуется и значение балканских стран, государств Закавказья. Военный аспект позиционирования акторов геополитики в Чёрном море раскрывают С. П. Горбачёв [7], И. Деланоз, Д. Пуминов, М. Гурова и др. [9]. Недостаточное внимание уделяется новейшим стратегиям участников геополитического соперничества в регионе. Среди немногих исследований данного аспекта отметим статью В. В. Скоробогатова и А. О. Кривцова [22]. Значение энергетической дипломатии России и её конкурентов для баланса сил в Причерноморье раскрывает А. Д. Хайтун [26]. Итак, степень изученности темы неравномерна по направлениям, мало внимания уделяется взаимосвязи внутренней и внешней политики государств Причерноморья.

Применена неореалистическая парадигма международных исследований, как и неоинституционализм, что дало возможность выявить интересы и ресурсную базу акторов конфликтов,

¹ Работа была выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

раскрыть их структуру политических возможностей. Проведен компаративный политический анализ позиционирования участников межгосударственных отношений в регионе. Предпринято сравнение направленности развития политических взаимодействий России, НАТО, ЕС, Турции, Украины и балканских стран (кросс-темпоральный и типологический анализ). Применён парный сравнительный анализ. Он позволил установить синхронные и диахронные сходства и различия позиционирования стран Причерноморья в международных отношениях. Региональная парадигма полезна для выявления территориально-политических параметров избранного ареала. Применена категория «key point» (ключевой пункт в трактовке С. Б. Коэна) [30], раскрывающая геополитическое значение Крыма в Черноморском регионе. Географический подход позволил установить пространственные особенности региона: его периферийность в Европе, многоступенчатую систему «ворот – преград» на выходе из Чёрного моря в Мировой океан (проливы Босфор и Дарданеллы, Гибралтар, Суэцкий канал, Баб-эль-Мандебский пролив).

Цель нашей статьи – выявить геополитическую роль Крыма и Севастополя в Черноморско-Средиземноморском регионе после воссоединения Крыма с Россией (2014–2018 гг.).

Геополитические процессы в Черноморско-Средиземноморском макрорегионе проявляются на взаимосвязанных уровнях пространства: международном, трансграничном и внутригосударственном. В условиях глобализации региональные (внутригосударственные) и локальные процессы могут быть успешно интернационализированы.

С началом «оранжевой революции» на Украине (2004 г.) ускорилась евроатлантическая интеграция Украины, что создало принципиально новый уровень рисков и угроз национальной безопасности России в Черноморском макрорегионе. США и Европейский Союз проводят целенаправленную экономическую, политическую и культурную экспансию в Черноморском макрорегионе. Румыния и Болгария стали членами НАТО и ЕС. Американские военные базы созданы в Грузии, по нарастающей проводятся военные учения и обучение военнослужащих причерноморских стран по стандартам НАТО. «Майданное» движение, начавшееся на Украине после отказа Президента В. Ф. Януковича 21 ноября 2013 г. подписать соглашение о евроассоциации, создало растущую прямую угрозу ввода в Крым военного контингента НАТО, что лишило бы Российскую Федерацию базы Черноморского флота и привело бы к утрате боеспособности последнего.

Эскадра Черноморского флота РФ 25 февраля 2014 г. доставила в Крым дополнительные воинские контингенты [8]. Они были введены в основные города. По договорам 1997 и 2010 гг., Россия имела право содержать на полуострове до 25 тыс. солдат и офицеров. На деле весь контингент составлял 16 тыс. [18], то есть лимит не был нарушен. Утром 27 февраля 2014 г. подразделения Вооруженных Сил РФ и отряды крымской самообороны заняли здание Верховного Совета Автономной Республики Крым, предотвратив эскалацию конфликта. Российские подразделения и отряды крымской самообороны взяли под контроль гражданский аэропорт в Симферополе, военный аэропорт в Бельбеке, Керченскую переправу. Назначенный Верховным Советом АРК новый председатель Совета министров республики С. В. Аксёнов 28 февраля обратился к Президенту России с просьбой об оказании содействия в обеспечении мира и спокойствия на территории полуострова. Успех воссоединения Крыма был обеспечен благодаря массовой поддержке крымского сообщества, что подтвердили итоги референдума 16 марта 2014 г. о статусе Республики Крым и г. Севастополя.

Подразделения украинских вооруженных сил в Крыму (25 тыс. чел.) были блокированы и через три недели согласились на вывод с полуострова почти без сопротивления [23]. Большая часть кораблей и личного состава военно-морских сил Украины в Крыму, как и командующий ВМС Украины Д. В. Березовский, перешла на сторону Крыма [12].

Большинство стран мира под давлением США и Евросоюза не признали воссоединение Крыма с Россией. Иного ожидать и не следовало. В создавшихся условиях международных санкций ключевым стал вопрос о гарантиях суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, о поддержании её самостоятельной геополитической и цивилизационной роли в мире.

Глобальные акторы международных отношений (НАТО, США, ЕС) активно влияют на развитие политических процессов в Черноморско-Средиземноморском регионе, а глокализация делает необходимым анализ проявлений и последствий внешней политики стран на внутригосударственном уровне. Крым является стратегически важным для обеспечения национальной безопасности России на Южном направлении. Для нашего государства Крым даёт возможность влияния на Балканы, Турцию, Ближний Восток, выстраивания «внешнего пояса безопасности». Страны НАТО, напротив, стремятся изолировать Россию и уменьшить её влияние в регионе, разжигая насильственные конфликты по периметру границ. Активность НАТО в Причерноморье является частным проявлением «тактики анаконды» по уменьшению ареала российского контроля, а затем – по поэтапному нанесению

поражения РФ с её окончательным расчленением [13]. Регион не имеет единых институтов и процедур поддержания безопасности, а конкуренция прибрежных и внерегиональных государств развивается по сценарию «конфликта с нулевой суммой».

Перечисленные направления активности предназначены как минимум предотвратить создание самостоятельного от Запада евразийского экономического, а затем – и политического блока во главе с Российской Федерацией, сдержать экономическое проникновение Китая в Европу по черноморскому маршруту «возрождённого шёлкового пути». Как максимум, поставлена цель – сформировать рядом с российскими юго-западными границами ареал «управляемого хаоса» на территории Украины, опираясь на который предпринимаются попытки дестабилизировать и расчленить саму Россию.

Джордж Фридман, директор экспертно-аналитической компании «Стратфор», аффилированной с ЦРУ США, напрямую указывает в своей статье на необходимость для США расценивать Ближневосточный (иракско-сирийский) и Украинский кризисы как единую систему, единый театр военных действий. Он пишет: «оба кризиса нужно рассматривать неотрывно друг от друга..., их стоит рассматривать в качестве единого театра: Черноморского». Дж. Фридман делает выводы о необходимости единого стратегического планирования действий США в «Большом Черноморском бассейне», для чего необходима наступательная политика на Южном Кавказе для сдерживания России [24].

В условиях воссоединения Крыма с Россией блок НАТО стремится восстановить своё военное и политическое преобладание в Черноморском регионе под предлогом противодействия РФ. Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг в начале 2016 г. призвал к наращиванию военного присутствия блока в Черноморском регионе. Европейское командование Вооружённых сил США (EUCOM) в обновленной военной стратегии на ближайшие 3-5 лет назвало главным приоритетом «сдерживание российской агрессии». Для этого принято решение разместить в Румынии две структуры НАТО – «Центр для интеграции сил Альянса» и Штаб многонациональной дивизии «Юг – Восток», которые координируют военное командование в Румынии и Болгарии [20].

Как известно, конвенция Монтрё 1936 г. ограничивает пребывание в акватории Чёрного моря в мирное время кораблей военно-морских сил (ВМС) государств, не имеющих выхода к данному морю, 21 сутками. Ограничения установлены также по водоизмещению военных кораблей таких государств, единовременного находящихся в Чёрном море [14]. Ключевую роль играет в этом вопросе Турция, контролирующая единственный водный путь из Чёрного моря в Мраморное и далее, в Средиземное – проливы Босфор и Дарданеллы.

С началом Украинского кризиса (ноябрь 2013 г.) флотилии НАТО и отдельных стран блока практически непрерывно находятся в Чёрном море, нарушая конвенцию Монтрё под предлогом военных манёвров. Также США стремятся создать в причерноморских странах, не состоящих в НАТО, свои постоянные военные базы, что будет означать аннуляцию конвенции Монтрё. Например, в июне 2016 г. была начата операция «Атлантическая решимость». Вскоре проведены многонациональные военные учения «Си бриз–2016» с целью противодействия сепаратизму и высадке морских десантов вероятного противника. В учениях использовались аэропорты Одессы, Николаева и Херсона, устье Дуная. В 2017 г. проведены военные манёвры «Морской щит–2017», «Сабер Гвардиан 2017» (в Болгарии, Румынии и Венгрии), «Благородный партнер–2017» (в Грузии), «Быстрый трезубец–2017» (на Украине). Данные меры призваны не только тревожить Россию, а отработать механизмы быстрой переброски военных сил НАТО в случае военных конфликтов и (или) дестабилизации стран региона, обеспечить «глубокое доминирование» НАТО. 11 октября 2017 г. Парламентская ассамблея НАТО приняла резолюцию по безопасности и стабильности Чёрного моря, предполагающую проведение военных учений в Грузии с участием тяжёлых вооружений. 12 октября 2017 г. бывший главнокомандующий силами НАТО в Европе, адмирал в отставке Дж. Ставридис заявил, что НАТО должна относиться к Чёрному морю как к стратегической зоне, поддерживая там своё влияние в мирное время; следует усилить сотрудничество НАТО с Турцией и вне рамок НАТО (с Украиной, Молдовой, странами Южного Кавказа); активизировать западные инвестиции в страны Причерноморья [27].

Второе направление экспансии НАТО в регионе – это создание Черноморской эскадры НАТО с участием флотов прибрежных стран (Турции, Болгарии и Румынии). Сама идея была высказана президентом Румынии К. Йоханнисом и полностью одобрена на Варшавском саммите НАТО 8-9 июля 2016 г. [7]. Эта задача означает модернизацию ВМС и ВВС, создание инфраструктуры и логистики, тренировку персонала по стандартам НАТО. Вероятно также предоставление со стороны США, Великобритании, Германии, Франции и других ключевых стран НАТО военных кораблей для усиления флотов причерноморских стран. Планируется переброска на Дунай флотилий малого и среднего тоннажа, которые могут использоваться не только странами блока, но и Украиной, и Грузией,

например, посредством лизинга или в порядке безвозмездной военной помощи. Такие флотилии могут использоваться для проведения «москитных» диверсионных операций в Керченском проливе и Азовском море. Развивается также двустороннее сотрудничество по линии Украина – Турция (16 мая 2016 г. подписан план военного сотрудничества). Судя по заявлениям украинских политических и военных должностных лиц, ВМС страны войдут в Черноморскую эскадру НАТО с участием США, Германии, Италии, Турции и Грузии. Таким образом, Украина и Грузия делают реальные весомые шаги по вступлению в НАТО, что не может не вызвать ответных защитных мер России.

В-третьих, проводится создание не только в Болгарии и Румынии, но и на Украине (Очаков, Одесса, Николаевская область) и в Грузии постоянных военных баз НАТО, учебно-тренировочных центров, инфраструктуры управления вооружёнными силами. 6 июня 2016 г. Верховная Рада Украины одобрила стратегию перестройки армии и военно-промышленного комплекса по стандартам НАТО. Только учебный центр в Яворове (Западная Украина) получил американское оборудование на сумму 22 млн долл., а НАТО потратило 40 млн евро на системы командования войсками, киберзащиту и медицинскую реабилитацию военнослужащих Украины [15]. Также летом 2017 г. началось строительство Центра оперативного управления ВМС Украины под Очаковом (Николаевская область), которое ведёт батальон морской пехоты США. Украинскому командованию центра будут приданы американские консультанты. Близлежащие полигоны «Широкий лан», «Олешковские пески» и «Тузовские лиманы» будут использоваться не только для проведения военных учений, но и как база для бронекатеров. Обратим внимание, что НАТО положительно оценивает опыт создания многонациональной бригады «ЛитПолУкр» со штабом в Польше. Бригада войдёт в систему сил быстрого реагирования НАТО [28]. Это ещё один механизм втягивания Украины в Североатлантический альянс, чреватый интернационализацией гражданской войны в Донбассе и её распространением на другие части Украины.

В октябре 2017 г. Парламентская ассамблея НАТО приняла решение о развёртывании многонациональных сил Альянса в Румынии и Болгарии (штаб в г. Крайова). Соответствующую инициативу («Tailored Forward Presence») высказали органы власти самих Румынии и Болгарии. Предполагается участие 10 государств с общим контингентом 3–4 тыс. солдат и офицеров. В частности, ВВС Великобритании и Канады будут патрулировать воздушное пространство Румынии, а итальянские ВВС – пространство Болгарии [17]. НАТО создаёт на Южном стратегическом направлении России непосредственную и растущую угрозу, втягивая ранее внеблоковые страны в альянс и продвигая военные ресурсы всё ближе к государственным границам России. Последнее решение США о поставках летальных вооружений Украине резко повышает вероятность эскалации насильственного конфликта не только в Донбассе, но и провокаций на всей российско-украинской границе.

НАТО и Европейский союз действуют в отношении Черноморского региона согласованно. Ещё в июне 2014 г. тогдашний министр обороны США Ч. Хэйгел потребовал от стран-участниц НАТО увеличить свои военные расходы до 2% ВВП. Лидерами по выполнению требований являются Румыния и Болгария. Осенью 2014 г. на саммите в Уэльсе страны ЕС полностью одобрили эту инициативу. Происходит согласованное наращивание вооружённых сил стран Причерноморья. По данным эксперта В. Деланоз, в 2015 г. вооружённые силы Турции составили 612,8 тыс. чел., Румынии – 151,3 тыс., Болгарии – 47,3 тыс. чел. Сверх этого, резервисты Турции насчитывали 378,7 тыс. чел., Болгарии – 303,0 тыс. чел., Румынии – 45,0 тыс. чел. [9]. Интересам Евросоюза, как и США, соответствует лишение России статуса преобладающего поставщика энергоресурсов в ЕС, диверсификация трасс и распределительных узлов нефте- и газопроводов из Евразии в Европу. В данном русле ЕС развивает проект «Черноморская синергия», финансирует строительство Балканского газового хаба и новых портов, шоссейных и железнодорожных путей на Балканах. Цель вытеснения РФ с европейского энергетического рынка преследует и проект «Южный газовый коридор» в обход России (по поставкам ресурсов Туркмении, Казахстана и Азербайджана в ЕС). Интересам ЕС не соответствует и роль Турции как монопольного транзитёра российских энергоресурсов в проекте «Турецкий поток».

Неопределённость позиционирования проявляет после подавления попытки государственного переворота в июле 2016 г. Турция. В прагматических интересах упрочения авторитарного, умеренно-исламистского режима Турция идёт на тактическое сближение с Россией, делает заявления о возможности ограничения участия в НАТО и нахождения военных баз и логистики альянса на своей территории. Турция возобновила взаимодействие с Россией по строительству газопровода, ограничила сотрудничество с НАТО. Контакты возобновлены по линии религиозных организаций. Делегация Духовного управления мусульман Крыма и Севастополя приняла в октябре 2016 г. участие в форуме

Евразийского исламского совета «Ислам в Евразии: перспективы развития, единение и взаимодействие в противодействии течениям, использующим религию во зло» (г. Стамбул) [25]. В ноябре 2016 г. турецкие спецслужбы арестовали 80 участников запрещенной в РФ экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир аль-Исламия» и террористической группировки «Исламское государство» [4]. Как известно, в октябре 2017 г. в Сочи подписаны российско-турецко-иранские соглашения о партнёрстве в Сирии и на Ближнем Востоке. Но председатель Великого Национального Собрания Турции И. Кахраман на заседании Парламентской Ассамблеи Черноморского экономического сотрудничества 5 июля 2017 г. заявил, что его страна поддерживает территориальную целостность и суверенитет Украины. Турция, по его словам, «будет продолжать поднимать вопрос Крыма в международной повестке дня и не даст никому его замолчать» [5]. Турция продолжает участвовать в военно-морских и сухопутных учениях НАТО. Коренного пересмотра турецкой политики не произошло, поскольку Анкара руководствуется своими долгосрочными интересами.

Второстепенные участники геополитических отношений в регионе – Румыния, Болгария, Молдова, Грузия прочно втянуты в орбиту тяготения НАТО и могут допускать только тактические разногласия со старшими партнёрами. Так, Болгария, Румыния и другие балканские страны под давлением ЕС отказались от участия в сооружении газопровода «Южный поток» через свою территорию. Даже победа на президентских выборах в Болгарии Р. Радева не привела к сокращению участия страны в военных учениях НАТО на её территории. В июне 2017 г. Р. Радев поддержал вступление Боснии и Герцеговины, как и других стран Западных Балкан, в НАТО и Евросоюз [3]. Более радикально выражает общую линию НАТО вице-премьер и министр обороны Болгарии К. Каракачанов: «Российская политика никогда не была справедливой по отношению к Болгарии и болгарской истории» [19]. По сути, у президента Болгарии «связаны руки» в возможностях налаживания диалога с Российской Федерацией. В случае Молдовы не исключена «цветная революция» накануне или во время выборов 2018 г., чтобы поставить у власти в этой стратегически важной стране более прозападное и прорумынское правительство.

Чтобы отразить экспансию НАТО в Причерноморье, интенсивно развивается российская военная группировка. По заявлению начальника Генерального штаба Вооружённых Сил РФ В. В. Герасимова от 7 ноября 2017 г., в Крыму создана полноценная межвидовая группировка сил, сбалансированная по родам войск и своим возможностям. В неё вошли: военно-морская база, армейский корпус, дивизия ПВО, дивизия ВВС. Черноморский флот РФ получил в 2015 г. 15 боевых кораблей, а в 2016 г. – ещё 6 атомных подводных лодок, 2 фрегата – «Адмирал Эссен» и «Адмирал Григорович», была проведена модернизация ракетного крейсера «Маршал Устинов». В Крыму размещены оперативно-стратегические бомбардировщики Ту-22М3 с дальностью полёта, позволяющей охватить весь Европейский континент, и ракетные комплексы «Искандер-М», имеющие радиус действия 500 км [1]. Они способны нести высокоточное и ядерное оружие. Также в Крыму воссоздаётся дивизионный шахтный береговой ракетный комплекс «Утёс», который надёжно защитит побережье от возможной агрессии. Установлены крылатые ракеты морского базирования «Калибр» и береговой ракетный комплекс «Бастион» [11].

Для России возможность размещения ядерного оружия на ЧФ – это вынужденная и асимметричная ответная мера. США готовы использовать вблизи границ РФ в акватории Чёрного моря ударные беспилотники, которые подпадают под определение крылатых ракет наземного базирования. Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров подчеркнул 15 декабря 2014 г.: «термин «безъядерная зона» никогда к Крыму не применялся... Государство российское имеет в соответствии с международным правом все основания распоряжаться своим легитимным ядерным арсеналом в соответствии со своими интересами и в соответствии со своими международно-правовыми обязательствами» [21].

Кроме военного направления обеспечения безопасности, Российская Федерация активно развивает дипломатические отношения со странами региона: прежде всего, Турцией, Молдовой, Болгарией, Грецией, Арменией и др. Достаточно успешно развивается и энергодипломатия России в отношении Турции, Греции и славянских стран Балканского полуострова. Подавление террористической активности в Сирии, в том числе, обеспечивается постоянным нахождением в Восточном Средиземноморье эскадры Черноморского флота РФ, созданием военно-морской базы в Тартусе (Сирия) и временных стоянок российских кораблей в ряде стран региона. Следует учитывать как положительный фактор и создание базы ВМФ Китая в Джибути, на выходе из Красного моря в Индийский океан.

Выводы таковы. В 2014 – начале 2018 гг., на наш взгляд, проявились следующие новые тенденции геополитического соперничества в Черноморско-Средиземноморском регионе:

- конструирование в политико-аналитической литературе и документах внешнеполитического планирования сторон конфликта восприятия региона как единого, а конфликтов в Крыму, Турции,

Сирии и Ираке – как взаимосвязанного комплекса, требующего военного и дипломатического реагирования;

- стремление стран НАТО, прежде всего, США, обеспечить своё постоянное военное и военноморское присутствие в Чёрном море, игнорируя конвенцию Монтрё;
- создание Черноморской эскадры НАТО с участием стран региона (Турции, Болгарии, Румынии);
- отработка на частых военных учениях навыков быстрой переброски сил НАТО в любую «горячую точку» Причерноморья;
- создание не только в Болгарии и Румынии, но и на Украине (Очаков, Одесса, Николаевская область) и в Грузии, постоянных военных баз НАТО, учебно-тренировочных центров, инфраструктуры управления вооружёнными силами;
- модернизация вооружённых сил причерноморских стран НАТО, а также Украины и Грузии.

Новый этап позиционирования Турции в регионе наступил после подавления путча 2016 г. Турция возобновила взаимодействие с Россией по строительству газопровода, ограничила сотрудничество с НАТО. Но кардинального пересмотра турецкой политики не произошло. Турция проводит в отношении России непоследовательный курс, в том числе – на крымском направлении. Это связано со степенью прочности режима Р. Т. Эрдогана и решением стратегических задач в иных сегментах геополитического ареала: в Сирии, на Кавказе и Балканах. Турция как ключевая, наряду с РФ, страна Причерноморья, сохраняет многовекторность дипломатии и политики безопасности. Одновременно с заключением российско-турецко-иранского соглашения по вопросам Сирийского кризиса, Анкара сохраняет участие в военных манёврах НАТО, признаёт территориальную целостность Украины в границах 2013 г., поддерживает запрещённый в РФ «Меджлис крымскотатарского народа». Турция намерена стать монопольной страной – транзитером энергоресурсов РФ на европейском рынке. Данные аспекты должны учитываться в прагматичной политике Российской Федерации.

России полезно вести прагматический курс, обеспечивая безопасность своего сегмента Причерноморья. Для России приоритетны аспекты политики: наращивание военного потенциала и боеготовности Черноморского флота; обеспечение беспрепятственного прохода Черноморского флота РФ через Босфор и Дарданеллы, равно как и ограничение допуска эксрегиональных ВМС в Чёрное море в соответствии с конвенцией Монтрё; предотвращение участия стран Причерноморья в возможных военных и террористических провокациях на российско-украинской границе.

РФ расценивает Причерноморье и Восточное Средиземноморье как единый международный регион. Оправданно создана группировка войск в российском Крыму, позволяющая дать эффективный отпор вероятным противникам и обеспечить безопасность всего контура государственных границ в ЧР, успешно решать задачи разгрома террористов в Сирии.

Список литературы

1. Баранец, В. Как Крым стал непотопляемым авианосцем России / В. Баранец. – URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26754/3784259/> (дата обращения : 03.03.2018)
2. Белякова, Н. С. Новые реалии архитектуры Черноморского региона / Н. С. Беляков. – URL: <http://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-sovremennykh-obshchestvennykh-nauk-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodn/sektsiya-11-politicheskie-problemy-mezhdunarodnykh-otnosheniy-globalnogo-i-regionalnogo-razvitiya-sp/novye-realii-arkhitektury-chernomorskogo-regiona/> (дата обращения : 10.03.2018)
3. Болгария поддерживает перспективу членства Боснии и Герцеговины в ЕС и НАТО – президент. – URL :<http://www.blackseanews.net/read/131214> (дата обращения : 02.03.2018)
4. В Турции задержаны исламисты из Крыма. - URL: <http://www.freetavrida.org/?p=5941#more-5941> (дата обращения : 03.03.2018)
5. В Турции намерены помочь Украине вернуть «аннексированный Россией» Крым. - URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/07/06/v-turcii-namereny-pomoch-ukraine-vernut-anneksirovannyu-rossiey-krym.html> (дата обращения : 15.02.2018)
6. Гаврила, А. Роль Черноморского региона в региональном и глобальном контексте / А. Гаврила // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2017. – Т. 9, № 1, часть 2. – С. 44-47.
7. Горбачёв, С. П. Чёрное море: рифы и фарватеры военной безопасности / С. П. Горбачев. - URL: <https://www.fondsk.ru/news/2016/05/22/chernoe-more-rify-i-farvatery-voennoj-bezopasnosti-40380.html> (дата обращения : 16.02.2018)
8. Гундлах, А. В Севастополь эскадра Черноморского флота Российской Федерации доставила 11 тысяч десантников. – URL: <http://15minut.org/article/v-sevastopol-dostavili-11-tysjach-rossijskih-desantnikov-istochnik-2014-02-25-1> (дата обращения : 11.03.2018)

9. Деланоз И. Ридер РМСД. Соотношение вооружённых сил в Черноморском регионе И. Деланоз, Д. Пуминов, М. Гурова и др. - URL: <http://russiancouncil.ru/blackseamilitary> (дата обращения : 04.03.2018)
10. Забелин, С. А. Политика ЕС в отношении постсоветских стран Причерноморья / С. А. Забелин // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России (Доклады Института Европы. № 324). – М.: Ин-т Европы РАН, 2016. – С. 44-53.
11. Згировская, Е. Внезапный стратегический сигнал / Е. Згировская. - URL: <http://www.gazeta.ru/army/2016/02/08/8063315.shtml> (дата обращения : 14.02.2018)
12. Командующий флота Украины присягнул на верность народу Крыма. - URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraina/1773266.html (дата обращения : 17.02.2018)
13. Комлева, Н. А. Украинский кризис – элемент «тактики анаконды» / Н. А. Комлева // Обозреватель–Observer. – 2014. – № 7. – С. 5-21.
14. Конвенция о режиме проливов 20 июля 1936 г., Монтрё (Швейцария) - URL: http://lawrussia.ru/texts/legal_456/doc456a303x620.htm (дата обращения : 03.03.2018)
15. Матвеев, В. И. США вновь положили глаз на Черноморский регион и реформируют ВС Украины / В. И. Матвеев. - URL: <http://v-matveev.org/ssha-vnov-polozhili-glaz-na-chernomorskij-region-i-reformiruyut-vs-ukrainy/> (дата обращения : 05.03.2018)
16. Мироненко, В. И. Северное Причерноморье – Россия, Украина, Молдова / В. И. Мироненко // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России (Доклады Института Европы. № 324). – М.: Ин-т Европы РАН, 2016. – С. 19-25.
17. НАТО размещает новую бригаду в Румынии для сдерживания России. - URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/reuters-russia-nato/4062900.html> (дата обращения : 04.03.2018)
18. Нерсисян, Л. В. С Украины будут сметены при попытке силового захвата Крыма – военный эксперт / Л. В. Нерсисян. - URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraina/1773159.html (дата обращения : 10.03.2018)
19. Политика России никогда не была справедливой по отношению к Болгарии – министр обороны. - URL: <http://www.blackseanews.net/read/130603> (дата обращения : 04.03.2018)
20. Проблемы безопасности Крыма и Причерноморья в свете отношений между Россией и НАТО. URL: http://www.4pera.ru/news/analytics/problemy_bezopasnosti_kryma_i_prichernomorja_v_sвете_отношений_между_россией_i_nato/ (дата обращения : 12.03.2018)
21. Россия может разместить в Крыму ядерное оружие, – Лавров. - URL: <http://rusvesna.su/news/1418659501> (дата обращения : 20.02.2018)
22. Скоробогатов, В. В. Значение Причерноморского региона в современных геополитических процессах / В. В. Скоробогатов, А. О. Кривцов // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства: к 75-летию начала Великой Отечественной войны. Сб. науч. статей. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2016. – С. 247-252.
23. Темиргалиев, Р. В Крыму больше нет украинских воинских частей / Р. Темиргалиев. - URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraina/1781859.html (дата обращения : 03.03.2018)
24. Украина, Ирак и Черноморская стратегия — Stratfor - URL: <https://topwar.ru/57882-ukraina-irak-i-chernomorskaya-strategiya-stratfor.html> (дата обращения : 12.03.2018)
25. Форум Евразийского исламского совета, в котором участвует крымская делегация, открылся в Стамбуле. - URL: <http://www.c-inform.info/news/id/44221> (дата обращения : 05.03.2018)
26. Хайтун, А. Д. Энергетические проблемы Большого Причерноморья / А. Д. Хайтун // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России (Доклады Института Европы. № 324). – М.: Ин-т Европы РАН, 2016. – С. 87-95.
27. Черноморские аппетиты России Крымом не ограничиваются, – Bloomberg. - URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2017-10-11/crimea-isn-t-the-end-of-russia-s-black-sea-ambitions> (дата обращения : 18.02.2018)
28. Эдуард Шапоревич: Черноморское побережье Украины – перспективный плацдарм НАТО. - URL: <https://www.novorosinform.org/opinions/2279> (дата обращения : 03.03.2018)
29. Язькова, А. А. Большой Черноморский регион: проблемы и перспективы развития / А. А. Язькова // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России (Доклады Института Европы. № 324). – М.: Ин-т Европы РАН, 2016. – С. 7-18.
30. Cohen, S. B. *Geopolitics: the geography of international relations* / S. B. Cohen. 3rd ed. – Lanham; Boulder; N.Y.; London: Rowman & Littlefield, 2015. – 470 p.

Статья поступила в редакцию 03.05.2018

Baranov, A. V. *Geopolitical Role of Crimea and Sevastopol in the Black Sea-Mediterranean Region (2014-2018)*

On the basis of the neo-realistic paradigm of international relations, the article reveals a geopolitical role of Crimea and Sevastopol in the Black Sea-Mediterranean region after the reunification of Crimea with Russia (2014–2018). Positional and dynamic factors, causes and manifestations of the Crimea's importance in the geopolitics of this international region are determined. The perception of the Black Sea-Mediterranean region as an integral entity is argued. The manifestations of the growth of NATO's military presence in the Black Sea region, the defensive actions of the Russian Federation are revealed. The factor of export of energy resources in geopolitics of the Black Sea region from the positions of Russia is estimated. The manifestations of transformations of the geopolitical positioning of Turkey during 2014-2018 are determined. The subordinate role of a number of countries in the region (Ukraine, Bulgaria, Romania, Moldova, Georgia) in geopolitical competition is revealed. The interrelation of domestic and foreign policy factors of changes in the positioning of the countries of the region during the period from 2014 to the beginning of 2018 is established.

Keywords: geopolitics, geopolitical roles, Crimea, Sevastopol, the Black Sea-Mediterranean region.

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск 10
2018

Под общей редакцией *Е. Н. Максимовой*

Составление, верстка, оригинал-макет – *А. А. Ковалевский*

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Гагарина, д. 13,
каб. 3.7 E-mail: iorbook@sevsu.ru
URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64133 от 25.12.2015. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Подписано в печать 29.06.2018. Формат 60×84/8. Заказ № 71/18.
Усл. печ. л. 12. Уч.-изд. л. 11,75. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7